

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ГАРРИ
ГАРРИСОН
СТАЛЬНАЯ
КРЫСА

ИДЕТ В АРМИЮ

Гарри Гаррисон

Стальная Крыса идет в армию

Серия «Звезды мировой фантастики (Аттикус)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69412384

*Гаррисон Г. Стальная Крыса идет в армию: Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-23781-0*

Аннотация

Так уж вышло, что Джим ди Гриз, тогда еще не Стальная Крыса, а простой семнадцатилетний парень с забытой богом захолустной планетки, решил податься в преступники. Только между «решить» и «стать» расстояние ничуть не меньше, чем от Земли до центра Галактики. Значит, нужно найти наставника, который тебе поможет достичь профессиональных высот. Им становится для Джима великий Слон, легенда криминального мира. Он-то и превратит вчерашнего шалопаю в Стальную Крысу, и ради него, учителя, когда тот делается жертвой хитрого капитана Гарта, Джим ди Гриз пойдет служить в армию, чтобы отомстить за злодейство, а позже, при выполнении задания Галактической лиги на планете Лайокукае, Стальной Крысе очень даже сгодится приобретенный от Слона опыт.

В книгу входят романы «Рождение Стальной Крысы», «Стальная Крыса идет в армию», «Стальная Крыса поет блюз».

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Рождение Стальной Крысы	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	65
Глава 8	76
Глава 9	87
Глава 10	95
Глава 11	105
Глава 12	115
Глава 13	125
Глава 14	136
Глава 15	147
Глава 16	159
Глава 17	171
Глава 18	181
Глава 19	191
Глава 20	201
Глава 21	211
Глава 22	222

Гарри Гаррисон Стальная Крыса

идет в армию

Второй том

*четырёхтомного издания
цикла «Стальная Крыса»*

Harry Harrison

THE STAINLESS STEEL RAT IS BORN

Copyright © by Harry Harrison, 1985

All rights reserved

Harry Harrison

THE STAINLESS STEEL RAT GETS DRAFTED

Copyright © by Harry Harrison, 1987

All rights reserved

Harry Harrison

THE STAINLESS STEEL RAT SINGS THE BLUES

Copyright © by Harry Harrison, 1994

All rights reserved

© П. Жуков, перевод, 2015

© Г. Корчагин, перевод, 2015

© С. Григорьев, иллюстрация на обложке, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015 Издательство АЗБУКА®

* * *

Рождение Стальной Крысы

Глава 1

Когда я приблизился к главному входу Главного банка Райского Уголка, автоматика уловила мое присутствие и двери гостеприимно разъехались в стороны. Я вошел, но тут же остановился. Створки поехали навстречу друг другу, сейчас они сойдутся, а потом разойдутся снова – я же не вышел из поля сенсоров, – а в закрытом состоянии пробудут секунду шестьдесят семь сотых. Это я уже проверил во время предыдущего посещения банка. Ничего, управлюсь.

Створки сошлись, мой разрядник зажужжал, выбросил пламя и намертво сварил половинки двери друг с другом. В автоматике что-то защелкало, двери попытались снова разойтись, но не тут-то было, они напряглись, крикнули, начали искрить и отрубались навсегда.

– Вы арестованы за нанесение ущерба имуществу банка! – Ко мне, протягивая лапищи, уже несся робот-охранник.

– В другой раз, рухлядь ржавая, – счел необходимым ответить я и приставил к его груди стрекало для свинообразов.

Два контактика на конце стрекала выдавали вольт триста с довольно приличным амперажем. Вполне достаточно, чтобы прошибить свинообраза весом с тонну, что уж говорить об

этом роботе. Естественно, изо всех его дыр повалил дым, и чучело рухнуло на пол, грохоча, как мусорный бак.

Но уже у меня за спиной. Я рванул вперед и успел даже отодвинуть от окошка кассы какую-то подвернувшуюся леди. Достав из сумки самый большой пистолет, я навел его на кассиршу и приказал ей не вполне деликатно:

– А ну-ка, киска, сыпани мне в эту сумку шуршунчиков.

Ну, вышло почти ничего, разве что в конце фразы голос немного дрогнул и съехал на визг. Тут кассирша усмехнулась и заявила:

– Иди лучше домой, мальчик. Это тебе не...

Дальше она не успела досказать, потому что я спустил курок и мой безоткатный шарахнул у нее над ухом. Впрочем, ее не задело, хотя и могло. Ее глаза закатились, и она медленно сползла куда-то под кассу. Подумаешь, Джимми ди Гриза бабскими обмороками не проймешь! Я перемахнул через барьерчик и навел пушку на остальных, уже вполне струхнувших клерков.

– Все на шаг назад! Быстро! И не нажимать кнопок! А теперь ты, толстяк. – Я поманил толстого кассира, всегда относившегося ко мне не вполне доброжелательно, зато теперь весьма внимательного. – Набей-ка емкость бумажками, да покрупней.

Тот повиновался, работая с большим энтузиазмом и обильно потея. Кругом, застыв от ужаса, торчали остальные служащие и клиенты.

Дверь управляющего была закрыта; похоже, его на месте не было. Толстяк набил сумку всей имевшейся наличностью и протянул ее мне. Полиция не появлялась, и шансы смотаться еще оставались. Я смачно выругался, надеясь, что это прозвучало достаточно круто, и указал на мешочек с монетами.

– И мелочь тоже сыпь туда, – одновременно грозно и высокомерно потребовал я у толстяка.

Тот незамедлительно исполнил приказание, а полиция так и не ехала. Что ж такое, неужто ни один из служащих так и не нажал на кнопку тревоги? С них станется, что же делать?!

Я протянул руку и схватил еще один мешочек с мелочью.

– Загрузи тоже, – приказал я толстяку, швыряя ему мешок.

Продельвая это, я исхитрился нажать локтем на кнопку. Что за дела, ни на кого нельзя положиться!

Слава богу, кнопка сработала. Когда толстяк ссыпал третий мешок и я, взяв сумку, тащился к двери, шатаясь от тяжести, полиция наконец объявилась. Но как?! Две патрульные машины умудрились столкнуться прямо у входа в банк (впрочем, в наше время вызов полиции – дело редкое, практики у ребят маловато). Постепенно все же копы разобрались и взяли оружие на изготовку.

– Не стреляйте! – провизжал я. Это вышло вполне естественно, поскольку вид полицейских нельзя было назвать дружелюбным. Сквозь стекло услышать меня они не могли,

но видеть-то видели.

– Это пугач! – крикнул я. – Смотрите!

Приставив дуло к виску, я нажал курок. Дымогенератор окутал меня облаком дыма, а от звука зазвенело в ушах. Тьфу, зато хоть стрелять не будут. Ругаясь и корча рожи, полицейские начали выламывать двери.

Если вам все это странновато – я вас понимаю. Гоп-стоп – одно дело, а подстроить так, чтобы вас непременно взяли, – совсем другое. Но зачем же такие глупости? – спросите, наверное, вы. Извольте, я вам объясню.

Но сначала мне придется рассказать вам, как мы живем на этой планете. Ну, по крайней мере, как тут живу я.

Райский Уголок обжили несколько тысяч лет тому назад последователи какого-то экзотического культа, памяти о котором не осталось. Они прибыли сюда с другой планеты, называемой то ли Землей, то ли Грязью. Некоторые утверждают, что это и была мифическая прародина всего человечества. Ну, не знаю. По мне, вряд ли. Во всяком случае, из этой затеи ничего хорошего не вышло. Непосильные труды истощили предков совершенно – в те времена житуха в Райском Уголке была не сахар. В школах о тех временах учителя толкуют всякий раз, когда хотят урезонить испорченную современную молодежь. Мы в общем им не возражаем, то есть не говорим им в ответ, что они, верно, испорчены не меньше нашего – если учесть, что за последнюю тысячу лет на нашей планете ничегошеньки не изменилось.

Ну да, вначале было тяжело. Вся растительность тут была для человека сплошной отравой, так что сначала пришлось всю ее уничтожить, чтобы на ее месте выращивать съедобные злаки. Фауна тоже в пищу не годилась, да еще у нее были сплошные когти и клыки. Да, вначале было тяжело, настолько даже, что средняя продолжительность жизни овец и коров оказалась тут удручающе короткой. Проблему решили генетически, выведя свинобраза. Представьте себе – тут, правда, требуется воображение – матерого хряка весом этак в тонну, с острыми клыками и отвратительным нравом. Уже ничего, а если учесть, что он еще и покрыт длинными, как у дикобраза, иглами? Зато его мясо съедобно, с тех пор наши фермеры разводят только свинообразов, копченые окорока которых известны уже на всю Галактику.

Что, увы, не означает, что наша поросычья планетка приобрела галактическую популярность. Я тут родился и вырос, так что можете мне поверить. Тут не то что мухи – свинообразы мрут со скуки.

И самое смешное, что я, пожалуй, единственный на планете, кого это не устраивает. Окружающие считали меня чудачком, матушка в свое время решила, что это возрастное, и прибегла к испытанному народному средству от всех напастей, окурив мою комнату дымом тлеющих игл свинобраза. Папенька, тот вообще решил, что я не в себе, и регулярно таскал меня к психиатру. Но тот никак не мог найти у меня отклонений и заключил, что мое поведение есть проявление

атавистических черт характера первопоселенцев, этакий генетический нонсенс, как в опытах Менделя. Впрочем, все это было жутко давно.

Когда мне было пятнадцать лет, отец выгнал меня из дома, так что с тех пор родительская опека мне не досаждала. А выгнал он меня после того, как, обшарив мои карманы, обнаружил там денег больше, чем сам зарабатывает за месяц. Мать против не была и даже сама открыла передо мной дверь. Думаю, теперь они счастливы. Слишком уж я мешал их спокойствию.

Что, как я себя чувствую? Да, я знаю, что парням бывает иногда слишком одиноко, а что поделаешь? По-другому я жить не могу. Проблемы у меня бывают, так ведь на то и проблема, чтобы нашлось и решение.

Вот, например, была такая: меня регулярно лупили старшие. Началось это с первых дней в школе. Я допустил ошибку – дал им понять, что умнее их всех, вместе взятых. И немедленно получил по физиономии. Так и пошло. Хулиганью это так понравилось, что они даже установили на битье меня предварительную запись. Что было делать? Пришлось пойти учиться драться к университетскому тренеру. Попотел немало, прежде чем почувствовал, что готов к схватке. И одного за другим отделал трех самых отъявленных хулиганов. Смею вас заверить, после этого остальные оказались моими вернейшими друзьями, постоянно твердившими мне, что более упоительного зрелища, чем то, когда я гнал драчу-

нов до конца квартала, им видеть не доводилось. Я уже сказал, что проблема порождает решение, но не только – еще и удовольствие.

Откуда я добыл деньги на тренера? Да уж не у папочки одолжил. Мне там полагалось только три доллара в неделю, которых хватало лишь на мелкие радости да на леденцы. Первый урок бизнеса преподала мне нужда, а не жадность. Дешево купи, дорого продай, а выручка – твоя.

Понятно, без начального капитала купить я не мог ничего, так что решил за товар не платить вовсе. Но в магазинах тащат все подростки. Потом их хватают и выбивают дурь из головы. Всю эту механику я видел и решил сначала хорошенько изучить поле деятельности и лишь затем взяться за дело. Могу дать совет.

Не суйтесь в мелкие лавочки. Тамошние продавцы знают свой товар наизусть и берегут как зеницу ока. Идите в большие магазины. А там надо сначала выяснить, как устроена сигнализация, и запомнить в лицо дежурных детективов. И изучить их поведение.

Самое первое мое изобретение было жутко примитивным. Даже теперь как о нем вспомню, так краснею – книга-коробка. Просто-напросто я сделал коробку, которая выглядела как книжка, а ее корешок был откидным, на пружине. Этой вещицей я пользовался довольно долго и уже было решил использовать более серьезную модель, как подвернулся замечательный случай. Можно было разделаться с Вонючкой.

Вообще-то, его звали Бедфордом Смиллингэмом, но мы нарекли его Смелли, Вонючка. Знаете, бывают прирожденные танцоры или, скажем, художники. Вот так и Вонючка. Он родился стукачом. Самым большим наслаждением для него была слежка за одноклассниками. Подсматривал, вынюхивал – и стучал. Доносил даже о самых невинных шалостях. За то учителя его и любили – можете представить, что за педагоги у нас были. Поколотить его поэтому было невозможно. Его словам верили на сто процентов, и любой борец за справедливость был бы неминуемо наказан.

Вонючка однажды подстроил мне какую-то пакость. В чем там было дело, я уже и не помню, главное – я задумал месть. И придумал. Всякий подросток любит прихвастнуть, вот так и я – взял да и рассказал о своей книжонке одноклассникам, что лишний раз укрепило мой авторитет. Особенно после того, как еще и угостил их своей добычей. Но авторитет – ладно, главное, я подстроил так, что все это подслушал Вонючка. Ей-богу, сколько лет прошло, а словно все было вчера – это воспоминание до сих пор греет душу.

– Здорово работает! – сказал я. – Слушайте, давайте я вам покажу как! Пошли в универмаг Минга!

– В самом деле, Джимми?!

– Конечно. Только не толпой. Заходите по одному и становитесь так, чтобы видеть прилавок с конфетами. Ровно в пятнадцать ноль-ноль.

Но дела должны были развернуться интереснее, чем они

могли себе представить. Я понимал, что Вонючка отправится сообщить новость директору, и, когда он ушел, я забрался к нему в ранец.

Все прошло как по маслу. Это был мой первый криминальный сценарий, в котором действовали другие, и я до сих пор этим горжусь. В назначенное время я был в универмаге возле прилавка с леденцами, старательно делая вид, что не замечаю шпигов, которые, в свою очередь, делали вид, что не обращают внимания на меня. Небрежным движением я положил книгу возле леденцов и нагнулся, чтобы завязать шнурок на ботинке.

– Попался! – заорал самый дюжий из детективов, ухватив меня за шиворот.

– Что, доигрался?! – ухмыльнулся второй, забирая книгу.

– Эй! – прохрипел я, поскольку воротник сильно сдавил мне горло. – Ты что?! Отдай «Историю», знаешь, сколько моя матушка сплела ковриков из иголок свинобраза, чтобы наскрести семь долларов на книгу!

– Учебник? – осклабился бугай. – Знаем мы, что это за учебник.

И рывком раскрыл книжку. До сих пор приятно вспомнить выражение его лица, когда он увидел там нормальные страницы.

– Меня подставили! – заверещал я и вырвался на свободу. – Я знаю кто! Это тот воришка, что тырит конфеты! Это Вонючка, вон он, держите его, пока не смылся!

У Вонючки челюсть так и отвисла, когда детективы кинулись к нему. Из его сумки вытряхнули содержимое, и лжекнижка раскрылась, вывалив на пол леденцы.

Прелесть, а не картинка. Крики, угрозы, слезы. Замечательная рабочая обстановка. Да, именно так, поскольку в тот же день я проводил и испытания устройства «Тип-2». Основу механизма составлял бесшумный вакуумный насос, к которому была подведена заборная труба, конец которой был пропущен сквозь рукав. Стоило поднести руку к пачке леденцов, как – фьюить! – она исчезала. Другой конец трубы уходил в брюки. Они висели на мне мешком и выше колена были перехвачены эластичной лентой. Леденцы исправно, пачка за пачкой, падали туда, но вот беда – я никак не мог выключить эту штуковину. Слава богу, Вонючка продолжал орать и брыкаться, все глазели на него, а я лихорадочно щелкал выключателем. Наконец с ним удалось сладить. Но если бы хоть кто-то взглянул на меня и на пустой прилавок, то, думаю, справедливые подозрения неминуемо посетили бы его голову. Но никто так и не взглянул, и бодрой, хотя и тяжелой походкой я вышел из магазина.

Конечно, все это еще никак не объясняет, почему я решил ограбить банк, да еще в день своего рождения, да еще и подстроил так, чтобы меня схватили.

Тут полицейские наконец сломали дверь и ворвались внутрь. Я поднял руки и встретил их теплой улыбкой.

Так вот, главная причина – именно день рождения. Мое

семнадцатилетие. У нас, в Райском Уголке, семнадцать лет – очень важная дата в жизни любого человека.

Глава 2

Судья подался вперед и взглянул на меня без всякой враждебности.

– А ну-ка, Джимми, поведай, зачем ты затеял весь этот балаган?

Вилла судьи Никсона стояла у реки, неподалеку от нашей фермы, я часто бывал у его младшего сына, и меня там хорошо знали.

– Меня зовут Джеймс ди Гриз, господин начальник. Давайте обойдемся без фамильярностей.

И вы знаете, эти слова сильно улучшили цвет его лица. А его здоровенный, а теперь красный нос с раздувающимися ноздрями выпирал из лица, как лыжный трамплин.

– Не сомневайся, парнишка, к тебе отнесутся со всей серьезностью. Обвинения, выдвинутые против тебя, это вполне позволяют. Так что лучше будет, если ты не станешь распускать язык. Твоим адвокатом я назначаю судебного юриста-консультанта Арнольда Фортескью.

– Мне адвокат не нужен. Тем более старина Фортескью. Кстати, вы не скажете, сколько лет назад в последний раз видели его трезвым?

Смешок, пробежавший по рядам в зале, привел судью в ярость.

– Тишина! – взревел он и так сильно стукнул молоточком,

что у того сломалась ручка. Он отшвырнул обломок и свирепо уставился на меня.

– Вы испытываете терпение суда. Юрист Фортескью был назначен...

– Да не нужен он мне. Назначьте его лучше в Муки-бар. Свою вину по всем пунктам обвинения я признаю и отдаю себя на милость справедливого суда.

Он втянул в себя воздух с таким свистом, что я решил немного притормозить, а то его еще хватит удар, суд сегодня не закончится и я потеряю много времени.

– Извините, господин судья! – Я наклонил голову, чтобы скрыть улыбку. – Я поступил дурно и знаю, что должен понести наказание.

– Вот так-то будет лучше, Джимми. Ты парень умный, и мне всегда было больно видеть, как ты разбазариваешь свои способности. Тебя поместят в исправительный дом для малолетних правонарушителей сроком не менее чем...

– Извините, ваша честь, – перебил я, – но это невозможно. Если бы я совершил эту глупость месяц назад или хотя бы на прошлой неделе! Закон суров, и я обречен. Но я совершил преступление в мой день рождения. В семнадцать лет.

Судья замешкался. Охранники позевывали, ожидая, пока он вытрясет информацию из своего компьютера. Репортер из «Бьюгл» не менее энергично стучал по клавиатуре своего портативного терминальчика. Что ж, ему досталась неплохая история. Судья разузнал все довольно быстро.

– Все так, – вздохнул он. – Семнадцать тебе исполнилось. Ты достиг совершеннолетия, и судить тебя придется как взрослого. Значит, тебе светит срок в тюрьме – если не принять во внимание смягчающие обстоятельства. А они таковы: первое преступление, молодость обвиняемого и его чистосердечное раскаяние. В нашей власти отсрочить исполнение приговора, поставив осужденного на учет. Вот мой приговор.

Этот приговор мне решительно не пришелся по вкусу. Надо было что-то предпринять. И я предпринял. Мой вопль заглушил последние слова судьи, я перепрыгнул через барьерчик, свалился на пол, лихо перекувырнулся вперед и кинулся через весь зал в сторону репортера.

– Ты не будешь писать обо мне всякую чушь, шелкопер! – заорал я и грохнул об пол его терминал.

Тот раскололся, для пущего эффекта я потоптался на обломках и ринулся в сторону двери. Мне наперерез устремился коп, но, получив ногой в живот, согнулся и следом не побежал.

Удрать я мог в два счета, но бежать было еще рано. Пришлось повозиться с ручкой, чтобы наконец меня удосужились схватить и после недолгого сопротивления с моей стороны нацепить наручники.

Теперь я восседал на скамье подсудимых в наручниках, а судья со мной уже не миндальничал. Ему доставили новый молоток, и он размахивал им так, будто хотел вышибить из

меня мозги. Я скорчил ему рожу и зарычал.

– Джеймс Боливар ди Гриз! – провозгласил судья. – Приговариваю вас к максимальному наказанию, возможному в данном случае, – каторжным работам с содержанием в городской тюрьме до прибытия корабля Лиги, после чего вас отправят в ближайший исправительный центр, где вам придется пройти курс противокриминальной терапии.

Молоток обрушился на стол.

– Увести.

Вот так-то оно лучше. Я грозно потряс на прощание наручниками, осыпал судью бранью – чтобы он вдруг не дал слабину. Двое здоровенных копов подхватили меня под локотки, выволокли из зала суда и засунули в машину. И только после того, как дверь за мной закрылась, я позволил себе откинуться на спинку и расслабиться – можно было порадоваться победе.

Да, именно победе. Цель всей операции в том и состояла, чтобы попасть в тюрьму. Я испытывал необходимость в профессиональном росте.

В моем безумии была четкая логика. С молодых ногтей, с мелких краж всех этих леденцов я всерьез задумывался о карьере преступника. Побудительных мотивов у меня было несколько, но главный – мне нравилось быть преступником. А что? Заработки приличные, работенка не особо пыльная, и, если честно, мне нравилось чувствовать свое превосходство, оставляя остальных в дураках. Нехорошо? Возможно,

но это приятное ощущение.

Тут я столкнулся с весьма серьезной проблемой. Как подготовить себя к будущему? Преступность – нечто большее, чем кража леденцов. Кое-что я уже понимал. Мне хотелось иметь деньги. Чужие деньги. А деньги хранятся под замками, так что чем больше я узнаю про замки, тем проще окажется добраться до денег. И я засел за учебу. Мои оценки так стремительно взлетели вверх, что учителям показалось, будто я не так уж и потерян. И особенно горячо они одобрили мой выбор, когда я заявил, что собираюсь выучиться на слесаря. Курс был рассчитан на три года; я, впрочем, управился за три месяца. Тут я попросил, чтобы у меня приняли экзамен. Но мне отказали.

Так дела не делаются – объяснили мне. Надо продвигаться вперед вместе со всеми, так что всего через два года и девять месяцев я получу диплом, закончу школу и отправлюсь вкалывать.

Однако. Я попытался им втолковать, что уже выучился, а мне объяснили, что это невозможно. Видно, у меня на лбу уже было написано «слесарь». Так, по крайней мере, полагали они.

Я стал пропускать занятия, не ходил в школу по несколько дней. Им приходилось ограничиваться устными выговорами, поскольку на экзаменах я получал высшие баллы. И по праву получал, между прочим, – потому что много практиковался. Свои личные делишки я обделывал так аккуратно,

что никто ничего не подозревал. Однажды ночью несколько долларов принес мне торговый автомат, потом настала очередь кассы автостоянки. Такая практика не только шлифовала мое мастерство, но и давала средства на обучение. Разумеется, не на школьное – там я и так должен был тянуть лямку до семнадцати, – а на внеклассное.

Никаких руководств по преступлениям не существовало, так что учиться приходилось как придется. Однажды в словаре я отыскал слово «подделка», и это послужило толчком к изучению фотографии и печатного дела. Искусство рукопашного боя в жизни мне очень помогало, так что я продолжал совершенствоваться в нем, пока не получил «черный пояс». Техническими сторонами моей будущей профессии я также не пренебрегал: к шестнадцати годам я знал о компьютерах все, что можно, – к тому же приобрел квалификацию микроэлектронщика.

Все это было славно, но – что мне все это даст? Пока я не знал. Поэтому и решил сделать себе на совершеннолетие подарок. Сесть в тюрьму.

Глупо? А что делать?! Надо же отыскать преступников, а где их искать, как не в тюрьме? Согласитесь, смысл есть. Ведь тюрьма – мой дом родной, раз там мои близкие. Я буду их слушать, глядеть на них и, когда почувствую себя готовым к трудовой деятельности, достану из башмака отмычку и уйду на волю.

Но все оказалось не так, как я ожидал.

Прежде всего меня остригли, обработали антисептиком, выдали тюремные одежду и обувь. Правда, сделано все это было настолько непрофессионально, что у меня оказалось достаточно времени, чтобы перепрятать отмычку и деньги. Затем сняли отпечатки пальцев, записали цвет глаз и отвели в камеру. Ну, слава богу, хоть сокамерник у меня был. Вот-вот начнется учеба. Это был первый день моей настоящей преступной жизни.

– Добрый день, сэр, – вежливо поздоровался я. – Меня зовут Джеймс ди Гриз.

– Повязали лопуха, – пробормотал он, едва взглянув на меня, и продолжил ковырять под ногтями.

Итак, вот и первый урок. Здесь не в чести вежливые формы общения. Что же, крутая жизнь – крутое общество. Я изобразил на лице улыбку и заговорил снова. На этот раз порезче:

– Тебя и самого повязали, чистюля. Меня зовут Джим. А тебя?

По правде говоря, насчет сленга я был не слишком уверен, поскольку изучал его исключительно по видеикам...

Он медленно поднял голову – взгляд его был полон ненависти.

– С Вилли Пером еще никто – заруби себе на носу, – никто таким тоном не разговаривал. Сейчас ты у меня станешь красавчиком. Сейчас я тебя слегка разукрашу – напишу на твоей роже свои инициалы. Сначала букву В – Вилли.

– Букву У, – поправил я его. – Уильям – это как-то солидней.

Это окончательно вывело его из себя:

– Ты, козел! Я сам знаю, что мне писать!

Кипя от злости, он довольно долго шарил под матрасом. Наконец извлек оттуда остро заточенную ножовку. Неприятная штучка. Он подбросил ее, поймал, осклабился и кинулся на меня.

Господа, вы же понимаете, что таким манером к «черным поясам» приближаться не следует. Дело нехитрое – я отступил в сторону, рубанул ладонью по запястью и ударил по коленке сзади. Парень въехал башкой в стену. И отключился. Придя в себя, он обнаружил, что я сижу на его койке и чищу его ножичком ногти.

– Меня зовут Джим, – процедил я сквозь зубы. – Повтори-ка: «Джим».

Он взглянул на меня, его лицо вдруг исказилось, и он – заплакал! Я так и обалдел. Что ж такое творится, а?

– Все меня достают. И ты тоже. Ржут надо мной. А ты вот нож отнял. Я его целый месяц делал, десять долларов, кстати, за лезвие заплатил...

И расстроился вконец. Я заметил, что он старше меня всего года на два, да и гораздо слабее. Вот и пришлось утешать моего первого знакомца из уголовного мира, вытирать ему мокрым полотенцем сопли и даже всучить пятидолларовую бумажку – лишь бы он только не хлюпал. М-да, что-то пре-

ступный мир оказывался не вполне таким, каким я его себе представлял.

И пошло-поехало. Я сидел на кровати и слушал его унылые воспоминания о тяжелом детстве. Двоечник, вечная мишень для чужих насмешек, слабак, нюня. И однажды, совершенно случайно схватившись в очередной потасовке за горлышко разбитой бутылки, понял, что тоже может стать хулиганом. А что? Для этого нужно только оружие. Тут к нему пришло признание – чему, понятно, способствовали нелепые угрозы и беспардонное хвастовство, подкрепленные публичным расчленением птичек и прочих безобидных тварей. Далее – падение: арест за нанесение ножевых царапин мальчику. Отправлен в центр для несовершеннолетних, выпущен, снова неприятности, опять посажен. Наконец очутился здесь, вооруженный ножичком, схлопотавший срок за очередное вымогательство с угрозой применения насилия. Вымогал, естественно, у детей. Ну и карьерка, прости господи!

Я слушал его вполуха и думал. Что такое «не везет» и как с ним бороться? А может, меня специально засунули к нему в камеру, чтобы оградить от крутых ребят, находящихся в этой тюрьме?

Тут отключили свет, и я улегся на койку. Утро вечера мудренее. Выйду на прогулку, присмотрюсь к остальным, сообщу, кто тут чего стоит, и начну настоящую карьеру. Все будет как надо.

И я спокойно уснул, убаюкиваемый нескончаемым хныканьем соседа. Ну, ничего. Просто не повезло, что посадили к Вилли. Вот такой он неудачник. Завтра все будет по-другому.

Глава 3

Завтрак оказался не лучше и не хуже тех, которые я стряпал себе сам. Ел я чисто механически, прихлебывал кактусовый чай, лениво жевал кашу, приглядываясь к сидевшим по соседству. Тут их было человек тридцать, все жевали крайне старательно и увлеченно, а я перебирал их взглядом, чувствуя, как во мне растет отчаяние.

Во-первых, все они казались безнадежно тупыми, совсем как мой сосед. Я, конечно, понимаю, что преступный мир должен включать в себя и людей не шибко умных, да и просто идиотов, но ведь не только же их! Должны же, черт возьми, тут быть и другие?

Во-вторых, все они были не старше двадцати лет. Где же матерые мужики? Или преступность – это что-то вроде грехов молодости, которые легко устраняются специальной корректировкой? Нет, что-то тут не так. Они, похоже, все как один – неудачники. Неудачники и неумехи. Да знай они свое дело, не сидели бы! Не вписались в жизнь и только нагадили себе же.

Придется мне использовать их, это ясно как дважды два. Если мне у них учиться нечему, то, по крайней мере, они могут навести меня на тех, у кого поучиться можно. Через них я выйду на тех, кто на свободе, на неуловимых профессионалов. А мне именно это и надо. Вычислить нужного мне среди

этой толпы унылых болванов не составило труда. Небольшая группка собралась вокруг крепкого парня с перебитым носом и шрамами на лице. Казалось, даже надзиратели стараются держаться от него подальше. Так и на прогулке – никто не подходил к нему близко, все держались поодаль.

– А кто это? – спросил я Вилли, который, сгорбившись, сидел рядом со мной на лавке, интенсивно ковыряя в носу.

Он долго и энергично моргал, пока наконец не уловил суть вопроса. А сообразив, в отчаянии всплеснул руками.

– Осторожней с ним! Держись подальше, это же Стинджер-убийца. Так мне сказали, и я в это верю. Первый по гасилову. Лучше не связывайся.

Хм, уже хоть что-то. Про гасилово я, конечно, слыхивал, но сам не видел ни разу, поскольку жил недалеко от города. В нашей округе было слишком много полиции, и этим у нас не занимались. Гасилово – это противозаконная забава, довольно крутая, популярная в глухих фермерских поселках. Зимой, когда свинообразы стоят в стойлах и урожай в амбарах, аграрии маются от безделья. Руки у них, понятное дело, чешутся, тут гасилово и происходит. Это так. В поселок приходит чужак и бросает вызов местному силачу. Поединки обыкновенно происходят в амбаре на отшибе, женщины не допускаются, зато допускается изрядная выпивка, делаются ставки – и пошло-поехало. Схватка кончается только тогда, когда один из двоих уже не в состоянии подняться. Развлечение не для чистоплюев-слюняев. Славное мужское де-

ло. Так, значит, Стинджер тут специалист? Что ж, любопытно, надо сойтись с ним поближе.

Это оказалось несложно. Думаю, я мог бы просто подойти к нему и заговорить, но мое сознание все еще было отравлено скверными видиками, которые я смотрел запоем. Большинство из них было о нравах преступного мира, и оттуда, собственно, я и содрал свою эскападу. Тем не менее идея была вовсе не так плоха. Собственно, об этом можно судить и по результату.

Итак, насвистывая, я прогуливался по дворику. Потом как бы невзначай оказался рядом со Стинджером и его подручными. Один из шестерых взглянул на меня хмуро, и я как бы поспешно отошел. Чтобы вернуться, когда шестерка отойдет.

– Ты Стинджер? – громко прошептал я, оказавшись рядом с ним и глядя в сторону.

Судя по дальнейшему, он в своей жизни смотрел те же видики, что и я.

– Да. А кому это интересно?

– Мне. Я только что сюда попал. Меня просили передать тебе кой-чего.

– Валяй.

– Не здесь. Тут могут услышать. Лучше наедине.

Он подозрительно взглянул на меня, нахмутив густые брови. Но я, видать, его заинтриговал. Он что-то буркнул своим парням и отошел в сторону. Они остались на месте, но

глядели мне в спину, когда я пошел за ним. Мы пересекли двор и подошли к лавочке – двух мужиков с нее как ветром сдуло. Я сел рядом с ним, и он еще раз смерил меня презрительным взглядом.

– Ну валяй, малый, сообщи-ка мне что-нибудь приятное.

– Это – тебе, – сказал я, толкнув по скамейке в его сторону двадцатидолларовую монету. – Это от меня. Мне нужна твоя помощь, и я за нее заплачу. У меня еще есть чем.

Он фыркнул, но быстренько схватил монетку и сунул в карман.

– Я благотворительностью не занимаюсь, – сообщил он. – И помогаю только одному человеку. Себе. Понял? Можешь проваливать.

– Погоди. Мне нужен человек для побега. Примерно через неделю.

На этот раз он слушал внимательнее. Повернулся и прямо взглянул мне в глаза. Холодно и уверенно.

– Я шуток не люблю, – произнес он и схватил меня за запястье.

Вывернул руку. Это было больно. Высвободиться-то я мог легко, но не стал.

– Это не шутка. Через восемь дней мне нужно быть на воле. И я там буду. И ты – тоже, если захочешь. Решай.

Он помедлил, изучая меня, и отпустил руку. Я принялся массировать запястье, дожидаясь ответа. Было видно, что он обдумывает мои слова, приходя к решению.

– Ты знаешь, за что я сел? – спросил он наконец.

– Кой-чего слышал.

– Если тебе сказали, что я кокнул одного типа, то это так.

Знаешь, совсем случайно. Головка у него была слабенькой. Треснула. Это уже оформили было как несчастный случай, да только другой тип проиграл на этой ставке кучу денег. Должен был заплатить мне на следующий день, а вместо этого пошел в участок, потому что так выходило намного дешевле. А теперь меня собираются запихнуть в госпиталь Лиги и вправить мне там мозги. Тут мне сказали, что потом мне уже никогда не захочется драться. Не нравится мне это.

Пока он говорил, его кулаки сжимались и разжимались. И я понял, что драка для него – это жизнь, единственное, что он умеет и любит делать. Отнимут у него это – как ему потом жить? Я ощутил острый приступ жалости, но ничем ее не выказал.

– Ты действительно можешь отсюда выбраться? – спросил он совершенно серьезно.

– Могу.

– Я с тобой. Понимаю, ты хочешь мне помочь не просто так, за так в этом мире никто ничего не сделает. Я сделаю для тебя все, малыш. В конце концов они меня опять схватят: если ищут всерьез – спрятаться невозможно. Но я хочу успеть. Хочу потолковать с тем пареньком, что засунул меня сюда. Он мне жизнь притушил, так я его загашу.

Тут я невольно поежился – говорил он всерьез. Это было

ясно как божий день.

– Я вытащу тебя отсюда, – пообещал я.

Но поклялся про себя, что прослежу, чтобы он не встретился с объектом своей мести. Этого мне только не хватало – начать карьеру преступника с соучастия в убийстве.

Стинджер немедленно взял меня под свое покровительство. Пожал мне руку, едва не сломав пальцы своей железной хваткой, и повел к своим парням.

– Это Джим, – сообщил он им. – Прошу любить и жаловать. Если кто его тронет – будет иметь дело со мной.

На их физиономиях появились угодливые улыбки, посыпались вполне лицемерные заверения в вечной дружбе, но, по крайней мере, меня они не тронут. Теперь я был под защитой могучих кулачищ Стинджера, один из которых покоился на моем плече, когда мы возвращались с прогулки.

– Как ты это провернешь? – спросил мой новый друг.

– Утром расскажу. Тут надо еще кой-чего обмозговать, – соврал я. – До встречи.

Из этой дыры мне хотелось выбраться не меньше, чем ему. Только по совершенно другой причине. Его вела месть, а меня – разочарование. Потому что здесь отсиживали неудачники, сплошные неудачники, а я привык считать себя победителем. И что из этого следует? То, что надо быстренько провести рекогносцировку.

Следующие двадцать четыре часа я разрабатывал варианты побега. Механические замки внутри всей тюрьмы я бы

открыл без особых усилий; во всяком случае, моя отмычка не знала проблем с дверью камеры. Но как быть с воротами во дворе – те запирались с помощью электроники. Было бы время да подходящий инструмент, я бы справился и с ними. Но там сидит охрана, прямо над воротами, в сторожевой будке. Этот маршрут, выходит, не годится, впрочем – как и любой прямой путь. Делать нечего, надо в подробностях выяснить планировку тюрьмы.

За полночь я вылез из-под одеяла и стал собираться на разведку. Нет, никаких ботинок – надо быть совершенно бесшумным, так что лучше всего сгодятся три пары носков, надетых друг на друга. Я зачихнул в постель под одеяло лишнюю одежду – чтобы койка не выглядела пустой, если вдруг кому придет охота взглянуть в камеру через глазок. Вилли знай себе беззаботно посапывал. Аж похрапывал, так что я спокойненько отомкнул замок и выскользнул в коридор.

В коридоре тускло горело ночное освещение, отовсюду доносился храп. Я вышел на лестничную площадку и осторожно глянул вниз. Этажом ниже охранник приводил в порядок свою экипировку для верховой езды. Что же, надеюсь, завтра он не сплехует.

Беззвучно, словно тень, я пробрался на следующий этаж. Никакого разнообразия – те же камеры. Точно так же и следующий, а он был уже последним. Выше некуда. Оставалось возвратиться назад. И тут я увидел что-то металлическое в дальнем углу коридора. Ну, риск – дело благородное, и я

быстренько направился туда.

Этот металл, тускло блестевший в полутемном коридоре, оказался ступеньками железной лестницы, которая вела куда-то наверх. Понятное дело, я немедленно взобрался по ней и обнаружил сверху люк. И слишком уж надежно запертый – это я понял не сразу. Замка не было! Должен ведь быть и замок, но в темноте обнаружить его мне никак не удавалось – поверхность люка была абсолютно гладкой.

Спокойно, парень. Если что-то закрыто, то должен быть и замок. Паника вещь хорошая, только мешает вспомнить, что головой не только едят. Так. Замок быть должен. Или задвижка. На самом люке нет ничего похожего. Что из этого следует? То, что замок должен быть на раме люка. Правильно – я провел рукой по холодному железу и немедленно его отыскал.

Что значит корректно поставить вопрос! Я достал отмычку, вставил в замок, и через несколько секунд то, что должно было щелкнуть, – щелкнуло. Я откинул люк, выбрался наверх и закрыл его за собой.

Я был на воле! Ну, правда, стоял на крыше, зато, по крайней мере, меня обдувал прохладный ветерок. Звезды светили так ярко, что можно было разглядеть поверхность крыши. Ничего особенного. Широкая и ровная крыша, кое-где – вентиляционные люки и печные трубы. Невысокий парапетик-перила. Какая-то большая тень заслоняла небо. Что за штука? Подойдя поближе, я услышал звук падающей воды.

Цистерна. Так. А что внизу? Тоже ничего особенного: залитый светом и тщательно охраняемый тюремный двор. А с другой стороны?

А вот с другой стороны все было куда интереснее. Там тоже был двор, только освещенный светом единственной лампы. Там валялись какие-то пустые ведра, бочки и прочая тара, а в тюремной стене виднелись тяжелые ворота. Понятное дело, что закрытые. Но раз человек что-то закрыл, то он может это открыть – пусть даже это будет другой человек. А именно – я.

Да, приходилось мириться с тем прискорбным фактом, что крыша располагалась на высоте пяти этажей, но и тут можно будет что-нибудь придумать. По крайней мере – найти другую дорогу на задний двор. У меня есть еще шесть дней, и другие варианты попасть туда найдутся. Начинало холодать, я зевнул и поежился. На сегодня достаточно, пора и баиньки.

Тихонько я отправился назад. Аккуратно закрыл за собой люк, убедился, что замок сработал, спустился по лестнице вниз, добрал до своего этажа...

А там – вовсю орала. Громко и разборчиво. И тон задавал мой чудный соседушка. Осторожно приблизившись к родной камере и заглянув в нее, я обнаружил там охранников и немедленно ретировался на лестницу. А Вилли вопил:

– Я проснулся, а его нет! Я остался один, совсем один! Призраки, его сожрали призраки! Спасите меня, умоляю!

Они просочились сквозь стены, они сожрут и меня, спасите!!!

Глава 4

От ярости я задохнулся, но взял себя в руки. Ну пропишешь ему по первое число, а что дальше? Схватят, и все. Нет, надо сматываться. И я кинулся вверх по лестнице: пролет, следующий...

Тут вспыхнул свет и взвыли сирены. Заключение переположились, спросонья переругивались, сейчас они кинутся к дверям, обнаружат меня в коридоре, и заявится охрана. Выхода не было. Оставалось одно – бежать на последний этаж, подальше от камер.

Уже в полном отчаянии я заглянул в первую попавшуюся камеру на этом этаже и остолбенел – она была пуста! И все остальные на этаже – тоже! Это давало мне шанс. Птичкой я взлетел по металлическим ступенькам, в два счета обработал замок и собирался уже выскочить на крышу, как слышал внизу шаги двух охранников, поднимавшихся на этаж. Едва они сюда доберутся – все кончено. Замок щелкнул, я навалился на люк и, распластавшись на крыше, опустил крышку на место. При этом успел увидеть, что охранники направляются напрямиком в мою сторону.

Заметили? Сердце билось как бешеное, я пытался перевести дыхание и ждал дальнейшего развития событий.

Но никаких криков пока не было. Очевидно, они меня не заметили. Я пока свободен.

Хорошенькая свобода! Валяюсь на дурацкой крыше, стучу зубами от холода, а минуты через три меня сцапают.

Еще минуту я бессильно дрожал, испытывая острую жалость к себе. Но встал, встряхнулся, как собака, и ощутил ярость.

«Да что ж это такое?! – сплюнул я. – Гениальный преступник, преступная жизнь... и влипнуть в первой же серьезной заварухе из-за олигофрена с ножичком. Учись, Джим, учись. В будущем пригодится. Запомни – всегда прикрывайся с тыла и флангов. Продумывай абсолютно все и помни, что кретины на то и кретины, что просыпаются именно тогда, когда тебе это меньше всего нужно. Если хочешь, чтобы он спал крепко, – сделай так, чтобы он спал крепко. Да, конечно, сейчас эта премудрость тебе что рыбе зонтик, но на будущее пригодится. А пока – соображай, как выкрутиться».

А чего тут было особенно соображать? Когда охранники откроют люк и вылезут на крышу, то меня обнаружат. Где тут спрячешься? На верху цистерны? Ну и что? Если они вылезут на крышу, то уж проверят все, нечего сомневаться. А что делать? Вниз не сиганешь, а так хоть остается слабенькая надежда. Вперед.

Легко сказать. Стенки цистерны были совершенно гладкими, а до верха было не достать. Я отошел, разбежался, прыгнул и уцепился за какую-то штуковину наверху. Попытался было ухватиться лучше, но пальцы разжались, и я рухнул вниз. Если этот грохот услышали внизу – я не удив-

люсь. Надеюсь, что шмякнулся я над пустой камерой, а не над коридором.

«Что-то ты, парень, много думаешь и мало делаешь, – усювестил я себя. – Черт возьми, мне же надо туда залезть!»

Отошел к самому краю, несколько раз глубоко вздохнул и бросился вперед.

Разбег, толчок, прыжок и...

Правая рука ухватилась за железо. Ухватился левой и рванулся вверх. И, поцарапавшись о металл, влез на верх цистерны. Тьфу! В фуге от моего лица валялась какая-то дохлая птица, причем ее мертвые глаза смотрели прямо на меня. Я попытался отодвинуться в сторону, но услышал, как крышка люка откинулась на крышу.

– Эй, подтолкни меня. Я застрял!

Это, похоже, были все те же толстячки-охранники, которых я заметил внизу. Опять вздохи и пыхтение – на крышу забирался второй.

– На кой черт мы сюда лезли! – заныл первый.

– Что значит «на кой»?! – возмутился его напарник. – Мы выполняем приказ, а это еще никому не повредило.

– Но люк был закрыт.

– Камера – тоже. Давай-ка пошевеливайся.

Судя по звуку шагов, они обошли крышу и вернулись к люку.

– Нет его тут. Спрятаться тут негде. И за карнизом он не висит – я проверил.

– Тут еще одно место, где мы не смотрели.

И я почувствовал, как их глаза уперлись в меня. Сквозь металл. Сердце снова бешено заколотилось. Их шаги приближались, и в полном отчаянии я вцепился в поверхность цистерны.

– Не мог он туда залезть. Слишком высоко. Я даже до края не могу достать.

– Да ты и до своих шнурков не достанешь. Давай, помоги мне залезть. Поддержи меня снизу, тогда я дотянусь. Я взгляну только.

Да, он был совершенно прав. Один только взгляд. Что еще надо? Что я мог тут поделаться?! Меня охватило полное безразличие. Я лежал, слушал их возню и переругивания, толстяк старательно пыхтел и, кажется, полз наверх. Вот в футе от моего лица появилась рука, и...

Сработало подсознание. Ей-богу, придумать такое я бы не смог. Рука самостоятельно дернулась и подтолкнула дохлую птицу под самые его пальцы.

Эффект был великолепен. Птица исчезла, зажатая в пальцах, внизу раздались чертыхания, визг и глухой удар.

– Что случилось?!

– Ох!.. Я взялся, а тут... Да я же колено ушиб!

– Ну-ка, вставай. Обопрись на меня. Прыгай на здоровой...

Они медленно спускались вниз, а я наслаждался покоем. Конечно, они могут вернуться, это исключить было нельзя,

но первый раунд я по очкам выиграл.

А через какое-то время я понял, что выиграл и второй. На крышу никто больше лезть не собирался. Вскоре сирены замолкли, и все поиски сосредоточились во дворе.

Там орали, хлопали дверьми, рычали двигатели машин, машины трогались с места и уезжали. И уехали. Огни при-тушили – какая прелесть! Я почувствовал себя победителем и задремал. Но вскоре очнулся.

Болван! Каким победителем?! Тюрьма заперта наглухо. Не сомневайся, они вернутся и обшарят тут все закоулки. И сюда вернутся, можешь быть уверен, да еще и лестницу с собой прихватят.

М-да. Надо что-то делать. И я знал что. Я знал, куда мне пойти. Есть одно местечко, где меня искать не станут.

Спустился в люк, прошел по затемненному коридору. Все уже снова лежали на койках, разве что кое-где слышно было обсуждение ночных событий. Я бесшумно спустился по лестнице и подошел к родной 567-Б. Бесшумно открыл и тихо прикрыл за собой дверь. Подошел к Вилли, почивавшему сном праведника.

Моя рука зажала ему рот, глаза парнишки моментально раскрылись, и я счел своим долгом обрисовать ему ситуацию:

– Видишь ли, ты зачем-то вызвал охрану и мне немножко помешал. Сейчас ты получишь то, что заслужил...

Он выгнулся изо всех сил, но тут же обмяк. И глаза при-

крыл. Что это, я его укокошил?

Это было бы просто ужасно. Нет, живой, мерзавец, просто в обмороке – едва дышит. Я взял полотенце, смочил водой и приложил к его лицу...

А он очнулся и завизжал. Впрочем, его визг немедленно перешел в хрип – я полотенцем заткнул ему пасть.

– Не бойся, Вилли, я человек добрый. Тебе повезло. Я не буду тебя убивать.

Похоже, мой шепот его успокоил. Во всяком случае, дрожать он перестал.

– Если, конечно, ты мне поможешь. Отвечай-ка: в какой камере Стинджер? Готов? Кивни. Отлично. Я снимаю полотенце. Но если вякнешь – задушу. Валяй.

– Двести тридцать один Бэ...

На нашем этаже, очаровательно. Так, а полотенце надо положить на место, соседке в пасть. Положил. И надавил на одну такую жилочку за его ухом. Шесть секунд – обморок, десять – с приветом. Вилли дернулся и обмяк. Я досчитал до семи и отпустил палец. Я, в общем, человек добрый.

Вытащил изо рта Вилли полотенце и вытер им руки. Нашарил на полу башмаки и обулся. Так, еще одну рубашку и куртку. Выпил не меньше литра воды и почувствовал, что готов сразиться с кем угодно. На прощание прихватил с кровати одеяла и сунул их под мышку.

Тихонько, на цыпочках я проскользнул к камере Стинджера. Чувствовал я себя просто прекрасно – свободным и

неуловимым. Конечно, это было легкомысленно и глуповато, зато приятно. Дверь 231-Б распахнулась без труда, а Стинджер открыл глаза, едва я тронул его за плечо.

– Одевайся, – тихонько сказал я. – Нам пора.

Какой молодец – больше ему ничего объяснять не потребовалось. Не задавая вопросов, он натянул одежду и башмаки, а я в это время прихватил его одеяла.

– Нам понадобятся еще как минимум два.

– Прихвачу у Эдди.

– А он не проснется?

– Я прослежу, чтобы он снова заснул.

Послышался приглушенный вопрос, а затем глухой удар. Эдди, значит, снова уснул, и Стинджер присоединился ко мне с одеялами.

– Значит, так, – сообщил я ему, выходя из камеры, – мы лезем на крышу, связываем одеяла и спускаемся вниз. Ясно?

Да уж, ясно... Я в жизни не слышал о более идиотском плане. Но Стинджер, похоже, слыхивал.

– Отлично! Вперед! – кивнул он.

Опять вверх по лестнице, снова крыша – нет, надо сматываться, а то это хождение мне уже надоело.

– Что случилось? – спросил меня Стинджер, когда мы выбрались наверх. – Я слышал, что ты бежал, и уже решил тебя загасить, когда они притащат тебя обратно.

– Не так все просто... Я тебе расскажу, но после, когда выберемся. Давай пока займемся делом. Вязать надо по диа-

гонали – так выйдет длинней. Вяжи прямыми узлами – как в бойспраутах¹ учили. Вот так.

Наконец мы покончили с этим делом. Взялись за концы получившегося каната, потянули в разные стороны. Все вроде нормально. Один конец я привязал к трубе и скинул одеяла вниз.

– М-да, на добрых двадцать футов короче, – отметил Стинджер, перегнувшись вниз. – Слушай, ты полезешь первым. Ты легче. А если подо мной они оборвутся, то у тебя не останется шанса.

Ничего не скажешь, с логикой не поспоришь. Уффф!.. Я взобрался на парапет и ухватился за верхнее одеяло. Стинджер, неожиданно растрогавшись, пожал мне руку. И я полез вниз.

Это было то еще удовольствие. Руки моментально устали, за ткань одеял было трудно уцепиться. Спускался я быстро, понимая, что силы на исходе.

И вот наконец ноги повисли в воздухе. Но твердая поверхность двора все еще казалась лежащей очень глубоко внизу. Но решаться на прыжок мне не пришлось – руки непроизвольно разжались, и я полетел вниз.

И шлепнулся о землю, перекувырнулся и сел, тяжело дыша. Да, вот так вот. С этим мы справились. Наверху виднелся

¹ Игра слов. «Boy Sprouts» созвучно известным «бойскаутам», или «мальчишкам-разведчикам», но может быть переведено как «мальчики – отростки брюссельской капусты». (Примеч. перев.)

раскачивавшийся на одеялах Стинджер, а через миг он уже стоял на земле, отряхивая брюки. Он помог мне встать, и, опираясь на его руку, я заковылял к воротам. Пальцы дрожали, и замок открыть никак не удавалось. Здесь, под единственным во дворе фонарем, мы были видны как на ладони, не дай бог, кто-нибудь выглянет из окна...

Я глубоко вздохнул и снова вставил отмычку. Медленно и осторожно исследовал внутренности замка. Тот наконец щелкнул, и мы выскользнули наружу. Стинджер бесшумно притворил ворота, развернулся и со всех ног бросился в темноту. Я припустил за ним.

Мы свободны!

Глава 5

– Стой! – заорал я Стинджеру, который летел по дороге явно не туда, куда следовало. – У меня есть план получше. Все просчитано давно, еще до того, как я сел...

Он постепенно притормозил, подумал, и наконец до него дошло.

– М-да, – хмыкнул он. – До сих пор ты не ошибался. Так что надо делать?

– Правило для новичков: оставь след, который возьмут роботы-ищейки. Пошли.

Мы сошли с дороги, продрались сквозь заросли и спустились к ручью. Ручей был мелкий, но холодный, я не мог сдерживать дрожь, шлепая по воде. Неподалеку проходила автострада, и мы направились туда. Мимо прогрохотал контейнеровоз, пришлось присесть. Шоссе было пусто.

– А теперь пошли, – сказал я, – прямо на дорогу и немедленно обратно, по своим же следам.

Стинджер сделал все как надо, и мы снова оказались в холодной воде.

– Здорово, – одобрил он. – Они отыщут, где мы вошли в воду, найдут, где вышли, и доберутся до дороги. Копы решат, что нас подобрала машина. А что мы делаем дальше?

– А дальше мы пойдем вверх по ручью – все время по воде. До ближайшей фермы. Там разводят свинообразов...

– Нет! Ненавижу этих свиных! Меня такая тварь в детстве укусила...

– Выбора нет. Иначе нас утром повяжут. Знаешь, я их тоже не шибко, свиней этих, люблю, но я вырос на ферме и умею с ними обходиться. Пошли лучше, а то ноги по колено отморозим.

Дорога была долгой и холодной. А что поделаешь? Только и оставалось, что дрожать и двигаться вперед. Зубы стучали словно кастаньеты. Все же мы добрались до второго ручейка, впадавшего в наш. Звезды начинали бледнеть – приближался рассвет.

– Ну наконец! – сказал я. – Нам нужен именно этот ручей. Видишь срубленное дерево? Мы почти на месте.

Я протянул руку, сломал сухую ветку, нависавшую над ручьем, и пошел дальше. Мы брели, пока не добрались до высокой электроизгороди, пересекавшей ручей. Веткой я приподнял нижний провод, чтобы Стинджер смог пролезть, потом он точно так же помог мне. Когда я был уже по ту сторону, послышался знакомый шорох гигантских игл, доносившийся из рощицы неподалеку. Большая темная туша отделилась от деревьев и затрусила в нашу сторону. Я выхватил ветку из рук Стинджера и ласково позвал животное:

– Су-у-у-и-и, су-у-у-и-и... иди сюда, хрюшечка, иди сюда, милая...

Кабан приближался, сочно хрюкая. Стинджер что-то тихо бормотал. Я снова позвал свинообраза, и он подошел еще

ближе. Красавец, не меньше тонны весом. Уставился на меня своими красненькими глазенками. Я шагнул вперед и медленно поднял ветку, Стинджер застонал у меня за спиной. Но кабан даже не пошевелился, когда я коснулся веткой его уха. Я раздвинул палкой иглы и принялся энергично его почесывать.

– Ты что?! – прохрипел Стинджер. – Он нас растопчет!

– Да нет же, – заверил его я. – Слышишь?

Животное жмурилось от наслаждения и блаженно урчало.

– Понимаешь, у них под иглами тучи всяких паразитов, а сами они до них добраться не могут. Для них почесывание – первейшее дело. А ну-ка, приятель, подставляй второе ухо. За ушами у них зудит сильнее всего. Сейчас дочешу – и двинемся дальше.

Я чесал, кабан урчал, постанывая от счастья, светало. В окнах фермы зажегся свет, мы присели, прячась за свинобраза. Дверь домика отворилась, кто-то вышел на крыльцо и выплеснул воду из тазика. Дверь захлопнулась.

– К амбару! – скомандовал я. – Это вон там.

Кабан недовольно заворчал, едва я прекратил чесать, двинулся следом за нами и проводил до амбара. Это было кстати, поскольку вокруг нас этих колючих ребят сновало немало, а чесать каждого – замучаешься. Но наш был самым крупным среди всех, и остальные расступались перед ним. Так мы и добрались до амбара.

– Пока, дружище, – попрощался я с животным, хорошень-

ко почесав его напоследок. – Приятно было познакомиться.

Тем временем Стинджер открыл ворота, и мы нырнули внутрь. Едва мы успели задвинуть засов, как дверь затрещала – наш дружок хотел к нам.

– Ты спас мне жизнь, – прочувствованно выдохнул Стинджер. – Я этого не забуду.

– Брось. Дело в привычке, – скромно ответил я. – Ты вот, к примеру, отлично орудуешь кулаками.

– А ты гениально управляешься со свиньями!

– Ну, я бы оценил себя несколько иначе, – пробормотал я. – Ладно, давай на боковую. Там, в глубине, сено. У нас впереди долгий день, и большую его часть я собираюсь проспать.

Я зарылся в сено, чихнул пару раз и моментально провалился в сон.

Проснулся я оттого, что Стинджер тряс меня за плечо. Сквозь щели между досками пробивался солнечный свет.

– Полиция, – прошептал он.

Я спросонья заморгал и заглянул в дыру. Да, возле дома торчал зелено-белый футтер, а парочка полицейских показывала хозяину какую-то бумаженцию. Тот помотал головой и заорал, перекрывая все звуки, доносившиеся с фермы:

– Нет! Никогда их в жизни не встречал! Да я тут никого живого уже неделю не видел! Рад с вами поболтать, ребята. Да, наружность у этих двоих не из приятных. Что вы говорите – преступники?

– Папаша, мы спешим. Может, ты не видел, а они спрятались где-то тут? Вон в том амбаре?

– Да тут свинообразов кругом полно. Как бы они пробрались?

– Мы обязаны проверить. У нас приказ осмотреть все строения в округе.

И копы двинулись в нашу сторону. Разумеется, тут же слышался дикий визг и мощный топот копыт. Из-за угла амбара, яростно треща иглами, выскочил наш давешний приятель. Мгновение – и полицейские уже сидели в футтере. Расвирепевший кабан впилился в кузов машины, отчего она отскочила в сторону, а в боку появилась изрядная дыра.

– Говорил же! – радостно завопил фермер. – Крошка Ларри с чужаками не водится. Какой там амбар, что вы! Будете поблизости, так заглядывайте, ребята!

Последние слова ему пришлось уже прокричать в небо – футтер рывком взмыл и дал деру на запад, преследуемый снизу хрипящим боровом.

– Высший пилотаж, – уважительно сказал Стинджер.

Я кивнул, молча согласившись с его мнением о Ларри. Да, что ни говори, даже в самой непримечательной и тупой жизни случаются моменты подлинного величия.

Но пора и за работу. Я разлегся на теплом сене и задумался, покусывая травинку.

– Знаешь, Стинджер, а свинообразы довольно милы, когда знаешь к ним подход.

– Похоже, что полиция думает иначе, – отозвался он.

– Видимо, ты прав. Зато какое зрелище – в жизни не видал ничего более восхитительного. Не люблю я копов.

– А кто любит? Кстати, Джимми, за что ты сел?

– Ограбление банка. Ты когда-нибудь брал банк?

Стинджер с уважением присвистнул и отрицательно покачал головой:

– Не-е-ет. Не моя это специальность. Я все больше по га-силову. Представь, девять лет – и ни одного поражения.

– Да уж, похоже, жизнь у тебя беспокойная, немало людей повидал. А Смелли Шмука встречать не доводилось? – Я импровизировал на ходу. – Мы с ним на пару сделали несколько банков в штате Грэхэм.

– Нет, не доводилось. Даже не слышал никогда. И вообще, ты первый спец по банкам, которого я вижу.

– Ну, так нас не так уж и много. Но медвежатников-то ты уж должен знать. Или угонщиков?

Но я добился лишь очередного покачивания головой.

– Таких ребят, как ты, я встречал только в тюрьме. Знаю парочку шулеров, они всегда толкуются на гасиловке. Но это все мелочь, неудачники. Вот как-то раз встречал я парня... ты Слона не знаешь?

– Да нет, давненько я не был в зоопарке, – пробормотал я, не уловив сути вопроса.

– Да нет же. Это просто такой парень, который чистил банки и все такое прочее. Думал, ты его знаешь.

– Похоже, это было еще до меня.

– Да, давненько. Полиция, насколько мне известно, так его и не взяла. Один пижон болтал, что Слон завязал и лег на дно. Врал, наверное. Пижоны это любят.

Никаких подробностей Стинджер не знал, а я давить на него не стал. Разговор затух, и мы дремали, пока не стемнело. Хотелось есть и пить, но убежище покидать было рано. Я жевал соломинку, старался выбросить из головы мысли о пиве и холодной воде и раздумывал о Слоне. К закату солнца я был совершенно подавлен. Моя тюремная эскапада потерпела фиаско. Тюрьмы – для неудачников, вот и все, что мне удалось узнать. И ради этого я рисковал здоровьем и жизнью?! Нет уж, хватит. В дальнейшем будем держаться от тюрем подальше. Умные преступники не сидят. Такие, как Слон, кем бы он ни оказался.

Когда угас последний луч солнца, мы отворили амбарную дверь. Нежное хрюканье последовало незамедлительно, и огромная туша перекрыла выход. Стинджер охнул от ужаса, но я успел схватить его прежде, чем он кинулся прочь.

– Бери-ка ветку и помогай, – сказал я ему. – Лишнее ремесло не повредит.

И какое-то время общими силами мы старательно чесали свинобраза. Животное млело от наслаждения, а когда мы тронулись в путь, затрусил за нами следом, словно собачонка.

– Теперь друг на всю жизнь, – заключил я, когда мы про-

скользнули за ворота, потом обернулся и помахал на прощание новому приятелю.

– Хм, я бы прожил без таких друзей, – буркнул Стинджер. А что дальше?

– Спокойно. Планирование – моя страсть. Чуть поодаль, на шоссе, есть перевалочная станция. Там перегружают грузы с линеров на грузовики. Там, понятно, полиция, и туда мы не сунемся. Но на магистраль грузовики выворачивают вон по той дороге, а там есть светофор. И они ждут, пока их не зарегистрирует дорожный компьютер. Так что мы отправимся туда...

– И заберемся в кузов!

– Именно. Молодец. Только нам нужен такой, чтобы ехал на запад. А то прикатим в распрекрасный город Пирли-Гейтс и немедленно окажемся в той самой тюрьме, откуда так красиво выбрались.

– Веди, Джим. Ты самый башковитый парень из всех, кого я встречал. Далек пойдешь.

Мне тоже так казалось, и я кивнул в знак согласия. Жалко, конечно, что нам не по пути. Но мне совершенно неохота мучиться всю жизнь угрызениями совести из-за того, что с моей помощью угробят какого-то неизвестного мне деревенского мужика – пусть даже он это и заслужил. Ну не могу я быть соучастником кровожадных планов Стинджера.

Мы добрались до дороги, устроились в кустах и стали ждать. Подъехали два грузовика, а вдали показались фары

третьего. Мы оставались в укрытии. Первый тронулся, тронулся второй – и пошли на восток. Третий приостановился у перекрестка, включив сигнал поворота. На запад!

Подбежали к фургону. Я было начал возиться с замком, но Стинджер отодвинул меня в сторону, дернул засов вниз, и дверь распахнулась. Грузовик тронулся, Стинджер закинул меня внутрь, уже на бегу ухватился за поручень и запрыгнул. Мы захлопнули дверь, но закрыть ее не смогли.

– Получилось! – торжествовал он.

– Конечно. Этот грузовик отвезет тебя, куда нужно, а я должен вернуться в Пирли-Гейтс еще затемно. Примерно через час мы будем проезжать Биллвилл. Там я тебя покину.

Когда мы доехали, я спрыгнул у первого светофора. Он пожал мне на прощание руку.

– Удачи, малыш! – крикнул он, когда грузовик тронулся.

Ему того же я пожелать не мог.

Едва грузовик скрылся из вида, я достал монету. Номер грузовика я запомнил. Подошел к телефонной будке, набрал номер полиции – и почувствовал себя распоследней крысой.

А что мне было делать?!

Глава 6

Мой план побега был разработан тщательно. И дезинформация моего недавнего спутника – его составная часть. Он-то совсем не глуп, так что легко поймет, кто именно его заложил. И если он расколется – а расколется хотя бы из ненависти, – то сообщит полиции, что я отправился в Пирли-Гейтс. Именно то, что надо. Покидать Биллвилл я не собирался. По крайней мере – немедленно.

Офис я заранее снял через агентство и все формальности уладил при посредничестве компьютера. Перед спектаклем со взятием банка я заехал туда и произвел некоторое благоустройство помещения. Теперь это оказалось как нельзя кстати. Здание было поставлено под сигнализацию – что же, я вошел через служебный вход, предварительно отключив сирены с помощью тайного выключателя, установленного мною заранее. После того как я щелкнул этой кнопочкой, у меня было целых десять минут, чтобы не спеша пройти в свой офис. Я зевнул и лениво поплелся на третий этаж мимо незрячих объективов камер, сквозь отсутствующие инфракрасные лучи отключенных на время следящих систем. Когда я открывал дверь, у меня оставалось еще две минуты. Вошел, нажал еще на одну кнопочку, чтобы окна стали непрозрачными, и направился к бару.

Никогда еще пиво не казалось мне таким холодным

и вкусным. Содержимое первой бутылки даже не коснулось моей глотки, так в желудок и ухнуло. Дернув язычок на саморазогревающемся пакетице с жареными ребрышками свинобобра, я выпил вторую бутылку. Как только из пакета повалил пар, я разодрал упаковку и извлек оттуда ребрышко – размером с предплечье. Эх!

Насытившись, принял душ и открыл третью бутылку пива. Теперь я чувствовал себя уже гораздо лучше.

– Режим, – вслух приказал я компьютеру, а запрограммировал его просто: он должен был подобрать мне все газетные статьи за последние пятьдесят лет, в которых шла речь о преступнике по кличке Слон.

Подобрать, сравнить, исключить перепечатки и выдать пред мои ясны очи.

Я еще не взялся как следует за четвертую бутылку, а готовые листы уже полезли из машинки. Первый лист относился к делам самым свежим – десятилетней давности, это была заметка из Декалога – города на другом полушарии планеты. Полиция схватила в баре пожилого человека, утверждавшего, что он и есть Слон. Но это оказался случай старческого маразма, задержанного водворили в дом для престарелых, откуда, собственно, тот и сбежал. Взял следующую распечатку...

Утомившись к утру, я трансформировал книжный шкаф в кушетку и слегка вздремнул. В сером рассвете, подкрепившись чашечкой кофе, я уложил в бумажный орнамент, обра-

зовавшийся на полу, последнюю страничку. Солнечный свет заливал бумаги. Я включил верхний свет и, постукивая стилографом по зубам, углубился в анализ.

Интересно. Этот преступник обожал хвастаться, на месте своего преступления он оставлял рисунок шахматного слона. Впрочем, изображение очень примитивное, скопировать которое не представляет сложности. Что, собственно, я и исполнил немедленно. Отставил рисунок на вытянутой руке и полюбовался им. Неплохо, по-моему.

Первый слон был оставлен в пустой кассе магазина-автомата, торговавшего спиртным, шестьдесят восемь лет тому назад. Каково?! Если Слон начал свою карьеру подростком, как я, то теперь ему должно быть уже за восемьдесят. Возраст неплохой, если учесть, что на нашей планете нынче средняя продолжительность жизни составляет лет сто пятьдесят. Но что с ним стало, почему он исчез? Уже пятнадцать лет прошло с тех пор, как он оставил свою последнюю визитку. Загибая пальцы, я считал варианты.

Первый: он мог просто загнуться. Тут уж ничего не поделаешь, и оставим это.

Второй: он покинул планету и работает в иных мирах. По сути, случай не отличается от первого. Не будем о грустном. Чтобы искать счастья на других планетах, мне еще надо поднабраться и опыта, и денежек.

Третий: он завязал и теперь потихоньку тратит неправомерно нажитое. Что ж, дай тогда бог ему крепкого здоровья.

И четвертое: он сменил почерк и перестал выпендриваться с картинками.

Я сидел и угрюмо попивал кофе. В случаях третьем и четвертом у меня еще остаются шансы выйти на него. Перед тем как исчезнуть, он вел весьма бурную жизнь – я взглянул на список произведенных им работ с большим уважением. Угон самолета, угон машины, ограбление, налет на банк. И так далее и тому подобное. В общем, суть всех преступлений была одинакова: деньги перемещались из чужих карманов в карман Слона. Или краденое имущество сбывалось с использованием фиктивных документов – опять-таки денежки. И его ни разу не схватили, вот что самое ценное. Такой человек просто-таки предназначен стать моим наставником и покровителем, моим учителем, дабы в один прекрасный день я смог бы получить диплом мошенника с отличием, который откроет мне двери самых богатых закромов.

Но как я его найду, когда на его хвост в течение десятилетий не могла сесть полиция? М-да. С ходу и не ответить. Я решил так: пускай над этой проблемой подумает мое подсознание, а я пока погуляю. Улица за окном оживала, по ней сновал всякий люд, так что неплохо бы мне выйти и сделать кое-какие покупки. Все мои припасы были либо морожеными, либо консервами, а после унылой тюремной баланды хотелось чего-нибудь свеженького и хрустящего. Я открыл шкаф с гримом и стал готовиться к выходу.

Взрослые не понимают, не помнят, как это – быть под-

ростком. Они с удовольствием забывают этот полустанок на дороге к зрелости. Невинные радости детства позади, взрослые удовольствия – далеко впереди, а в настоящем – только вечно приливающая к голове кровь при мыслях о прекрасном поле да пустые карманы. Несчастливые подростки должны вести себя как взрослые, но не имеют никаких привилегий этого положения. Что до меня, то я избежал утомительной занудности отрочества, сразу перескочив через него. Я не околачивался в школе и не слонялся со сверстниками – я превращался во взрослого. Поскольку, как мне казалось – и не без оснований, – я был умнее большинства взрослых, мне нужно было всего лишь изменить внешность.

Сначала наложить морщинки у глаз и на лбу. Нанести эту бесцветную жидкость, кожа стянется, вот они и морщинки – сразу взрослеешь на несколько лет. Пара складок под подбородком отлично сочетается с морщинами, и вот еще деталька, последняя, – маленькие гнусные усы. А если я теперь надену свой бесформенный пиджак делового человека, то и родная маменька не признает меня на улице. Такой случай, кстати, год назад произошел, – я даже нахально спросил у нее время, а она так и не узнала. Поскольку, судя по виду из окна, дождь сегодня исключался начисто, я прихватил зонтик и вышел на ближайшую торговую улочку.

Что касается моего подсознания, то, должен отметить, в тот день оно работало замечательно. Несмотря на все выпитое пиво, жажда меня не оставляла. Сухая отсидка в амба-

ре все еще давала себя знать. Поэтому я резко свернул под платиновые своды Максвина и подошел к облупленному роботу, по пояс встроенному в прилавок. На его пластиковой физиономии была намалевана дежурная улыбка, а голос был сладкий и чувственный.

– Чем могу служить, сэр или мэм?

«Могли бы и разориться на программу определения пола, в конце концов», – подумал я, разглядывая меню на стене.

– Двойной шерри и чтобы льда побольше.

– Сейчас будет, сэр или мэм. Три доллара, будьте любезны.

Я опустил монеты в щелку, откинулся сервировочный столик, на котором появился напиток. Пока я забирал его, пришлось выслушать рекламную трескотню.

– Шевелись, приятель. Заказывай или отвали, чего застрял... – ввинтился мне в ухо чей-то голос.

Я пробормотал какие-то извинения, прошаркал в ближайшую кабинку и уселся там.

Просто надо повернуть проблему вверх ногами. Вместо того чтобы самому разыскивать Слона, надо сделать так, чтобы он искал меня.

Я потягивал напиток, пока от холода не заныли зубы. Глаза мои были устремлены в небо, и кусочки нарождающегося плана постепенно выстраивались в единое целое. Да, совершенно никаких шансов отыскать Слона самостоятельно – и глупо тратить время на такие попытки. Значит, мне

нужно устроить нечто эпохальное, чтобы это попало во все программы новостей. Преступление должно быть настолько необычным, что любой умеющий читать или хотя бы включать телевизор обязательно узнал бы о нем. Чтобы шуму на весь мир. И при этом все узнают, что это дело рук Слона, – я оставлю там его визитку.

Остатки выпивки со свистом всосались в трубочку, мой взгляд сфокусировался, и я обнаружил перед глазами плакат. Некоторое время я пялился на него бессмысленно, но постепенно стал соображать. Хохочущие клоуны и визжащие ребятишки. Все веселятся так, что, не дай бог, сейчас опишутся. А надпись над их головами гласила:

**СОБИРАЙТЕ ЧЕКИ!
БЕРЕГИТЕ ИХ ПРИ КАЖДОЙ ПОКУПКЕ!!
СВОБОДНЫЙ ВХОД В ЛУНА-ПАРК!!!**

Несколько лет тому назад я посетил сей заповедник целлулоидных радостей и, будучи тогда еще ребенком, возненавидел его. Гонки вверх-вниз для сильных желудком, карусельки с подпрыгиваниями, скверная еда, липкие сласти, пьяные клоуны, дешевое веселье для простачков. Луна-парк посещали тысячи ежедневно, десятки тысяч – по выходным, и сотни тысяч долларов оставались после них в кассах парка.

А мое дело – забрать их. Тихо и уверенно, да так, чтобы это стало главной новостью за день на всей планете.

Но как? Как-как... сначала пойти туда и изучить тамошнюю охрану. Кстати, мне как раз полагается выходной.

Глава 7

В этой маленькой разведвылазке разумнее всего было выглядеть на свой естественный возраст. Сняв грим, я снова стал семнадцатилетним и свежим. И удивительно похожим на самого себя – что вряд ли полезно, учитывая мои отношения с полицией. Но дело можно поправить: за щеки засунуть тампоны, слегка подрумяниться – ну, чистый херувим, да еще солнечные очки, украшенные пластмассовыми цветочками, из которых брызгала водичка, если нажать на спрятанную в кармане специальную грушу. Колоссальная выдумка! Стиль нынче слегка изменился, следовательно, широкие штаны вышли из моды и в ходу снова шорты. Точнее, несколько странноватый их подвид под названием «шорты-полубрюки»: одна штанина выше, а вторая – ниже колена. Что поделаешь, купил, пошиты они были из отвратительного пурпурного бархата и замечательно украшены розовыми заплатками. Смотреть на себя в зеркало мне не хотелось. Существо, что взглянуло на меня в ответ, описать практически невозможно. Во всяком случае, грабителя банков это не напоминало никак. А на шею я еще повесил очень дешевую камеру.

На станции, сядя в луна-экспресс, я затерялся в море себе (в таком виде, понятно) подобных. Истерически хохоча и взвизгивая, они брызгались водой из своих розочек на

очках, неплохо, в общем, проводили время. Весело. Задорно. Когда мы наконец приехали и двери открылись, я подождал, пока разноцветная толпа вывалит наружу, и поплелся следом. Кому отдыхать, а кому – работать.

Надо подобраться к денежкам. Мои воспоминания о первом посещении парка практически стерлись – и слава богу! – но я запомнил, что за всякие развлечения и катания платить надо пластиковыми жетонами. Тогда мой отец повел себя как последний жмот и купил всего несколько, они разошлись в пару минут, и, конечно, большего мне не полагалось. Значит, первая задача – найти, откуда жетоны берутся.

Ну, это было несложно, поскольку вся эта румяная публика так и ринулась к искомому строению: остроконечному, похожему на перевернутый конус стаканчика мороженого, украшенному сверху флажками и заводными клоунами, а по бокам – позолоченными репродукторами, изрыгавшими душераздирающую музыку. Вокруг здания повсюду торчали пластиковые фигуры клоунов, которые гримасничали, раскачивались и хохотали. Выглядели они пошло, но дело свое знали – изымали наличность у посетителей. Потные юные ручки совали купюры в загребущие лапищи Полишинелей. Купюры исчезали, и изо рта клоуна в подставленную предусмотрительно емкость сыпались пластиковые жетончики. Несколько физиологично, по-моему. Впрочем, остальным так не казалось.

Так. Деньги уходят в здание. Теперь надо отыскать место,

откуда они выходят наружу, – они же должны выходить наружу?! Обойдя строение вокруг, я обнаружил, что пластмассовые чудачки стоят не по всему периметру. С тыла, скрытое кустами и деревцами, к цоколю прилепилось небольшое строение. Продравшись сквозь кусты, я столкнулся с охранником, торчавшим возле неприметной дверки.

– Заблудился, малыш, – ласково сказал тот. – Тут только для сотрудников.

Я кинулся вперед, проскочил мимо него и ткнулся в дверь, умудрившись ее при этом сфотографировать.

– Мне нужно в уборную, – занял я, сжав коленки. – Мне сказали, что здесь есть.

Но сильная и мужественная рука схватила меня за шкуру и отшвырнула в сторону.

– Не здесь. Проваливай, откуда пришел.

Что ж, я удалился. Очень даже любопытно – никакой электроники, а замок типа Глабб – надежный, да вот только устаревший. Луна-парк начинал мне нравиться.

Потом последовало мучительное ожидание, когда парк закроется. От скуки я прокатился по ледяной дороге – несешься через ледяные пещеры, в стены которых вморожены разнообразные кошмары, и те неожиданно прыгают на проезжающего пассажира. Впрочем, «Космические пираты» были не лучше, и из приличия умолчу о коронных аттракционах парка – «Болтоне-Чудище» и «Леденцовой стране». Наконец дело пошло к закрытию: пункты обмена денег на

жетоны прекратили работу, до закрытия оставался час. Со своего наблюдательного пункта, выбранного в достаточной близости к зданию, я видел, как в бронированный фургон загрузили множество прочных контейнеров. Еще интереснее было то, что как только деньги исчезли в фургоне, то исчезла и охрана. Видимо, предполагалось, что никто, находящийся в здравом уме, не полезет внутрь, желая украсть жетоны.

А вот у меня ум, должно быть, оказался не слишком здоровым. Едва стемнело, я смешался с измученной удовольствиями публикой, которая брела к выходу. Но до выхода не дошел. Задняя стенка «Горы вампиров» легко открылась после нескольких точных манипуляций. Я проскользнул в темноту служебного помещения. Высоко надо мной мерцали бледные клыки и капала вниз искусственная кровь. За набитым грязью гробом оказалось уютненькое местечко.

Провел я там не более часа. Этого оказалось достаточно, чтобы убрались служащие, а на близлежащих улицах еще толпились люди, чтобы мой жуткий вид не бросился в глаза, когда я наконец отсюда выйду.

Охранники тут имелись, но обойти их было проще простого. Как и ожидалось, глаббовский замок открылся без проблем, и я быстро проскользнул внутрь. Помещение оказалось без окон, что было кстати: никто снаружи моего фонарика не заметит. Я его включил и с интересом изучил механизм.

Устройство было простым – хорошее качество для меха-

низмов. Меняльные аппараты стояли возле стен – они, понятно, были выключены, но принцип их работы можно было понять. Получив банкноты или монеты, они пересчитывали их и сортировали. Верхний агрегат высыпал в лоток соответствующее количество жетонов. Из пола выходили трубы, которые вели к контейнеру наверху, – ясно, что они сообщались с подземными конвейерами, которые доставляют использованные жетоны обратно в обменный пункт. Монеты без участия человеческих рук проходили по прозрачным трубам на точку сбора, где сыпались в закрытые ящики. Они меня не интересовали – слишком тяжелы для переноски. Вот банкноты – да. И легче, и ценнее. Те скользили по лоткам и в конце пути грациозно опускались в отверстие в крышке сейфа. Надо сказать, процесс был достаточно надежно огражден от вороватых служащих.

Прелестно. Я еще какое-то время повосхищался машиной и сделал кое-какие заметки в своем блокноте. Обменные агрегаты были сделаны на фирме «ОБМЕН» – так, во всяком случае, гласила торговая марка на механизмах. Сейф был вполне надежный и соответствовал уровню моих технических навыков. Как и предполагалось, он был пуст. Записав комбинацию, я несколько раз открыл и закрыл его, пока не смог производить это с закрытыми глазами. Не просто так – сия процедура входила в мой план будущих действий.

Покончив с делами, так никем и не замеченный, я покинул здание. Без особого труда выбрался из парка и смешал-

ся с праздной толпой. На обратном пути сил проказничать у них осталось немного, и своими очками-брызгалками мне пришлось воспользоваться всего дважды. Не передать того чувства облегчения, когда я наконец ввалился в офис, содрал с себя шутовской наряд и влил в себя кружку пива. Затем, выражаясь торжественно, погрузился в раздумья.

И начались недели, заполненные трудами. Подбирая экипировку, необходимую для операции, я внимательно следил за новостями. Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Один из бежавших преступников схвачен. При задержании он оказал ожесточенное сопротивление. Сообщник до сих пор не обнаружен, несмотря на информацию, полученную от задержанного. Бедный Стинджер, какой постылой сделается его жизнь, когда у него отнимут страсть к дракам... Но переживал я за него не слишком – некогда было... А впереди у меня – куча дел. Главное – разработать план ограбления, да так, чтобы устроить еще и ловушку, в которую должен попасть Слон. С гордостью могу сказать: я в этом преуспел. Наступило время действовать, и в одну из темных и ненастных ночей я собрался нанести повторный визит в луна-парк. Понятно, мне хотелось провернуть все побыстрее, но операция заняла несколько часов.

А далее оставалось дожидаться подходящего дня. И лучше всего воскресного, когда кассы работают не покладая рук. В ходе выполнения плана я снял гараж – вполне законно – и угнал фургончик, тут, как вы понимаете, с законностью

было наоборот. Какое-то время ушло на то, чтобы перекрасить, сменить номера и намалевать на дверях эмблемы фирмы. А когда наступила суббота, я уже с трудом удерживал себя от немедленных действий. Чтобы убить время, я долго и обильно завтракал, слонялся взад-вперед по офису – начинать лучше во второй половине дня, когда сейфы успеют наполниться. Проехаться по сельской дороге было одно удовольствие, и в назначенное время я оказался в нужном месте – неподалеку от служебного входа в парк. Натягивая на пальцы облегающие прозрачные перчатки, я вдруг ощутил тревогу, впрочем – нетерпение было куда сильнее. Я улыбнулся и включил аппаратик, установленный под приборной доской.

Незримый радиосигнал отправился в путь, а в моем воображении возникла картина происходящего: со скоростью света он долетает до приемника, затем по проводам бежит до цели – крохотного зарядика взрывчатки. Совсем крохотного, я все рассчитал – его хватит ровно на то, чтобы разрушить заслонку на одном из автоматов, выдающем жетоны, не повредив выводящий лоток. Вот, взрыв должен произойти, и лавина жетонов поперет наружу густой шелестящей струей. Моя щедрость не знает границ! Как бы детки возблагодарили меня мысленно и вслух, знай они мое имя!

Но это еще не все. Мой передатчик отправлял сигнал каждую секунду, так что каждую минуту взрывалась очередная заслонка и ударял новый фонтан. В рассчитанное время я

завел фургон и подъехал к служебному входу. Высунулся из окошка как раз до гордой надписи на борту фургона: «ОБМЕННЫЕ АППАРАТЫ „ОБМЕНА“».

Я, конечно, пытался представить себе последствия беспрецедентной щедрости автоматов, вызванной моими усилиями, но действительность превзошла все ожидания. Вопящая счастливая малышня сновала вокруг, нагруженная жетонами, другие дрались за место возле автоматов, воздух был заполнен криками, служащие и охрана не могли справиться с этим энтузиазмом и расчистить пространство вокруг сломанной техники. По служебной дороге проехать еще было можно, но делать это пришлось очень медленно, постоянно надавливая на клаксон, почти раздвигая бампером восторженную толпу. Я подъехал к заветной дверке, охранники же выгоняли каких-то особенно настырных детишек из кустов.

– У вас что-то не в порядке с автоматами? – вежливо осведомился я.

Ответный рык охранника так и не смог пробиться сквозь царивший здесь детский визг. Охранник просто открыл дверь и почти зашвырнул меня туда вместе с инструментальным ящиком.

Внутри же четыре человека безуспешно сражались с механизмами. Отключить машины оказалось невозможным – потому, разумеется, что я взял на себя смелость закоротить заодно и коробку выключателей. Какой-то лысый тип энергично пилил ножовкой бронированный кабель.

– Это же самоубийство! – заорал я. – Там же четыреста вольт!

– А ты делом займись, умник, – огрызнулся тот. – Твои машины, ты и чини.

– Сейчас, приятель. Вот что нас спасет.

Я открыл свой объемистый инструментальный ящик, в котором лежала одна-единственная блестящая металлическая трубка, вытащил ее и швырнул в правильное место.

Повалил густой черный дым, он быстро заполнил помещение, мелькнули недоумевающие лица служителей, и стало ничего не видно.

Но я этого и ждал, а они – нет. Держа ящик в руках, я отсчитал четыре шага в крошечной мгле и поставил ящик рядом с сейфом. Если мои действия и производили какой-то шум, то он наверняка тонул в воплях и криках, доносившихся снаружи. Сейф открылся очень легко. Крышка моего ящика пришлась аккурат по нижнему краю. Я нагнулся, нащупал стопки и кучи банкнот, смел их в приготовленный ящик и закрыл его. Теперь надо устроить так, чтобы ответственность за этот лихой налет легла на совершенно определенного человека. Да, вы догадались, на кого именно. Визиточку я, конечно, нарисовал заранее и теперь извлек ее из нагрудного кармана, положил в сейф, аккуратно закрыл его и только после этого, взяв в руки потяжелевший ящик, встал к сейфу спиной и попытался сориентироваться.

Я знал, что выход в девяти шагах, но успел сделать только

пять и тут с кем-то столкнулся. Сильные руки вцепились в меня, и грубый голос заорал над ухом:

– Я его схватил! Помогите!

Я на мгновение отпустил ящик и оказал ему ту помощь, в которой он так нуждался. Незнакомец хрюкнул и осел на пол. Я протянул руку за ящиком, какое-то время не мог его нашарить, но не разволновался, а поискал получше и нашел.

И тут понял, что полностью потерял ориентацию. Тут уж меня охватила черная, как вот этот самый дым, паника. Такая, что я чуть было не выронил ящик. Вокруг меня черным кольцом сжимался вражий мир взрослых – а я совсем один, и мне всего семнадцать лет. Жуткое дело. Все кончено.

Сколько времени заняли мои переживания, я не знаю. Вероятно, несколько секунд, пусть даже мне и показалось, что куда больше. Я схватил, образно выражаясь, себя за шиворот и хорошенечко встряхнул.

«Ты же этого хотел. Или забыл?! Хотел быть один против всех. Так что либо сдавайся, либо начинай соображать. И немедленно!»

Разумеется, я предпочел начать шевелить мозгами. Все эти суетящиеся вокруг люди на деле не представляли никакой опасности – они были растеряны не меньше меня. И очень хорошо. Просто протяни руку и иди вперед. Пока не наткнешься на что-нибудь, что поможет сориентироваться. Если повезет, то удастся сориентироваться точно. Впереди слышалось пыхтение, это, верно, обменный аппарат; соб-

ственно, я тут же и врезался в него.

В тот же миг моего лица коснулось дуновение свежего ветра, и где-то над моим ухом знакомый голос заорал:

– Что у вас тут творится?!

Охранник! Он открыл дверь. Как это мило с его стороны. Я двинулся вдоль стены и, пока он орал себе в темноту, проскользнул мимо него и вместе с клубами дыма выскочил наружу. И заморгал от яркого света и оттого, что передо мной стоял второй охранник. Мало того, он еще и ухватил меня за руку, заявив при этом:

– Стой смирно. Разберемся.

Ну вот не понимают люди, как следует обходиться с «черными поясами», не понимают, и что тут поделаешь? Жалеть их, вот что: охранника я уложил по возможности нежно, подхватил свой ящик, закинул его в фургон, оглянулся, выясняя насчет свидетелей, захлопнул дверь, завел мотор и медленно покинул веселящийся луна-парк.

Глава 8

– У них там все о'кей! – крикнул я, проезжая, охраннику, стоявшему возле выезда из парка.

Он кивнул в ответ и открыл ворота. Я повернул к городу, не спеша миновал поворот и резко свернул на грунтовую дорогу.

Разумеется, бегство было спланировано с моей обычной тщательностью. Украсть деньги – полдела, надо еще их унести в целости и сохранности. Что такое в наш век поголовной электрификации передать описание фургона и моей внешности в самые медвежьи углы?! В каждой патрульной машине окажется распечатка с моей физиономией, все полицейские на всех перекрестках планеты услышат по радиии описание примет. Сколько у меня в запасе? Пока охранники не соображают, но, надо думать, вскорости их приведут в чувство, они раскумекают, в чем тут дело, позвонят начальству, и немедленно раскрутится розыск. Потребуется на это минут пять минимум. И прекрасно, потому что мне нужно только три.

Дорога попетляла среди деревьев, сделала поворот и уперлась в заброшенный карьер. Мое сердце взволнованно забились – именно в этой части операции приходилось рассчитывать на случай. И тот не подвел: взятая мной напрокат машина стояла там, где я ее оставил накануне. Понятно, кое-

что с нее сперли, но ведь воруяга с характером мог просто подцепить ее на буксир, и прости-прощай! Слава богу, тут на всю округу из воруяг с характером имеется лишь один-единственный. Надеюсь, вы поняли, о ком это я.

Я открыл машину и достал оттуда коробку с продуктами. Как бы не так – с продуктами: я отнес ее к фургону, перевернул и открыл. Коробка, разумеется, была пуста – только сверху, скрепленные между собой для видимости, лежали кое-какие припасы. Остроумно, не правда ли? Хвалиться, конечно, грешно, но если сам себя не похвалишь, кто тогда? Тем более что кто обо всем этом знает?

Теперь деньги надо сунуть в коробку, коробку закрыть, перевернуть и поставить в машину. Я стянул с себя рабочую одежду, поежился от холода и надел спортивный костюм, а одежду закинул в фургон. Включил часовой механизм термитной мины, сунул ее в фургон, сел в машину и тронулся с места.

У выезда на шоссе пришлось притормозить, чтобы пропустить колонну полицейских машин, с воем мчавшихся в сторону луна-парка. Как спешат-то! Я свернул на шоссе и, не особенно торопясь, порулил в сторону Биллвилла.

Фургон, наверное, уже весело полыхал, превращаясь в гору окалины. Никаких следов! Ничего, фургон был застрахован, так что его хозяин не останется на меня в обиде. А огонь никуда не перекинется, и никто посторонний не пострадает. Все прошло просто отлично.

Вернувшись в офис, я с облегчением вздохнул, откупорил бутылку пива и сделал порядочный глоток. Вытащил из бара бутылку виски и налил себе порцию содовой. Хлебнул, скривился от мерзкого вкуса и вылил остаток в раковину. Ну и дрянь же! Наверное, в конце концов привыкнуть можно, при условии регулярных тренировок, но что-то не очень охота стараться.

Прошло уже достаточно времени, чтобы пресса добралась до места преступления.

– Режим! – крикнул я в сторону компьютера. – Наваляй мне последний выпуск газеты!

Машинка мягко заурчала, и на мой стол выехали листки бумаги. Да уж: фонтан из цветных жетончиков прямо на первой полосе. Репортаж я прочел с большим удовольствием, а потом перевернул страницу и увидел свой рисунок. Ну разумеется, они обнаружили его, едва только открыли сейф. А изображен там был шахматный слон, а под ним строчка шахматной записи: «Ладья – Конь 4 × Слон».

Что означало: ладья идет на клетку Конь 4 и жрет там слона.

Едва я прочел все это, как приятный жар сменился ледяным ознобом. А не переборщил ли я? А ну как полиция расшифрует запись и устроит мне засаду?

– Нет! – заорал я совершенно искренне. – Полицейские обленились, низкий уровень преступности выбил их из колеи. Они ломают головы и плюнут. А если и не плюнут,

то разберутся слишком поздно. Вот Слон – другое дело. Он этот орешек раскусит. И поймет, что письмецо адресовано ему. И надеюсь, начнет действовать.

Я попивал пиво, а на душе было тревожно. Эта головоломка стоила мне долгих часов мучительных раздумий. На мысль о шахматных справочниках меня навело то, что Слон использовал в качестве визитки условное обозначение шахматного слона. Ясно, что он или она – почему-то считалось, что преступник мужчина, хотя этому не было никаких подтверждений, – увлекается шахматами. Хотя бы слегка. А раз так, он, наверное, знает, что есть две системы нотации, записи ходов. По одной из них, самой древней, которой я и воспользовался, клетки вертикальных рядов называются по имени фигуры, стоящей на них внизу. Так, клетка, на которой стоит белый король, называется Король 1. Король 2 – это следующая клетка по вертикали. Если все это вам кажется сложным, то играть и не садитесь – все остальное там еще круче. Есть и другая форма записи, там каждая из шестидесяти четырех клеток просто нумеруется. Так, Король 4 может иметь номер 21, 8, 22 или 45.

Совсем путаница? Надеюсь. Надеюсь, что полиция не додумается, что это шифр, и не примется над ним мудрить. А то вполне может расколоть меня. Дело в том, что эта коротенькая строчка содержит в себе дату моего следующего дела: я должен буду «взять слона», то есть – я оставлю визитку Слона. Иначе – приму на себя смелость называться Слоном.

И как бы возьму его себе в соучастники.

Дальнейшее я представлял себе вполне конкретно. Полиция загадку не разгадает и бросит. А Слон, отсиживающийся в своих тайных хоромах, смекнет, что к чему. И рассвирепеет. А как же – будет совершено преступление, в котором обвинят его. Украдены деньги, а ему ничего не перепало! Надеюсь, он задумается над задачей, поймет намек и разберется в деталях.

А что детали? Конь на нашем блатном жаргоне – это ночь. Конь 4 – что такое? Четвертая ночь чего? Фестиваля современной музыки в Пирли-Гейтсе. В свою очередь, эта четвертая ночь – сорок пятый день в году, а у нас этот день называется, и это общеизвестно, четвертой ночью, именно с нее начинается четвертый месяц лунного года. Все это должно дать понять Слону, что преступление намечено именно на четвертую ночь фестиваля. И понятно, что из-за денег. Я скрестил пальцы, чтобы не сглазить. Надеюсь, Слон заинтересуется мной, но не настолько, чтобы предупредить полицию.

Хотелось бы верить, что я рассчитал все правильно. У Слона есть еще целая неделя, чтобы во всем разобраться и прибыть на фестиваль.

Это означает, что у меня тоже – неделя. Неделя, чтобы измотаться и отдохнуть, недосыпать и отоспаться. С наслаждением составлять планы и конструировать аппаратуру, которая позволит вывернуть карманы почтенной публики.

В назначенную ночь лил дождь, и это было мне на руку. Я

поднял воротник своего черного плаща, нахлобучил на лоб черную шляпу и сунул под мышку черный футляр от какого-то музыкального инструмента. Видимо, духового. Потому что один конец футляра расширился. Видимо, в том конце помещался раструб трумпона или пиксафона. Общественный транспорт доставил меня прямехонько к служебному входу в театр. Люблю я служебные входы – привык всюду быть своим. Путь от остановки до дверей я проделал вместе с толпой одетых во все черное музыкантов, волочивших свои инструменты. Пропуск у меня был в порядке и наготове, но дежурный просто махнул рукой и пустил нас всех внутрь. Вряд ли я так уж выделялся чем-либо среди двухсот тридцати оркестрантов. Нынче тут имела место премьера очередного сногшибательного образчика так называемой музыки под названием «Столкновение галактик». Сей опус был создан для оркестра, состоящего из двухсот одного духового инструмента и двадцати девяти ударных. Сочинил сие некто Мои-Вуфтер, вряд ли сторонник сладкого мелодизма. Этот вечер я выбрал исключительно из-за премьеры: уже одно чтение партитуры вызывало головную боль. Артистических уборных на всех музыкантов, конечно же, не хватило, и они слонялись по коридорам, испуская жуткие звуки, разогреваясь перед выходом. Никто, понятно, не видел, что я улизнул, пробрался по задней лестнице и спрятался в подсобке. Обслуживающий персонал давно разошелся, и никто меня тут не потревожит – ну, не считая музыки. На всякий пожарный

я закрыл дверь изнутри. Заслышав начало концерта, открыл свой экземпляр партитуры «Столкновения».

Начало, впрочем, было еще спокойным. Понятное дело – галактикам сначала надо родиться, а уж потом столкнуться. Я слушал, водя по партитуре пальцем, пока не добрался до красной отметки, сделанной мною. После чего сунул партитуру в карман и, осторожно открыв дверь, выглянул наружу. Никого. Уверенной походкой пошел по коридору, пол которого уже начинал резонировать в такт надвигающемуся столкновению галактик.

На той двери была табличка «НЕ ВХОДИТЬ». Я достал из кармана черную маску, приподнял шляпу, надел маску и из другого кармана достал ключ. Да, чтобы не тратить времени на возню с отмычкой, я заранее сделал дубликат. Напевая себе под нос в такт музыке – а вы попробуйте напеть в такт такому! – вставил ключ в замок и одновременно с жутким грохотом в зале открыл ее и вошел в офис.

Никто меня, понятно, не услышал, но что-то все же привлекло внимание одного из двух находившихся там. Того, что постарше. Он обернулся и уставился на меня, выровнивав авторучку. Я достал свой внушительный, но совершенно неопасный пугач, навел на него, и он, разумеется, поднял руки вверх. А вот второй, что помоложе, оказался не из робкого десятка и кинулся на меня. Свой путь ему пришлось продолжить, скользя по полу, где он, между прочим, сломал по дороге казенный стул.

Все это произошло без единого звука. То есть звуков-то хватало, но музыка за стенами яростно входила в экстаз, должный символизировать наступление Судного дня. Но это еще что, крещендо еще только приближалось.

Я быстренько пристегнул наручниками ногу старшего к стулу и позволил ему опустить руки. Таким же манером для надежности я обезопасил второго, сладко прикорнувшего на полу. Пора. Из очередного кармана я извлек – да, в моем костюмчике карманов хватало, – извлек немножко пластиковой взрывчатки и прилепил ее к передней стенке сейфа. Прямо на замок. Они же запихнули туда весь гигантский сбор от проданных на сегодняшнюю премьеру билетов. И открыть его должны были только завтра утром – в присутствии вооруженной охраны. Воткнул в заряд радиодетонатор и отошел от греха подальше в дальний угол комнаты, присоединившись к остальным присутствующим в комнате.

Комната, надо сказать, уже ходила ходуном в такт мощным аккордам, с потолка сыпалась известка. Но пока еще рано. Пользуясь паузой, я оборвал телефонные провода – ну в самом деле, разве отсюда можно разговаривать по телефону, когда так грохочет за стеной?!

А вот теперь почти пора. Я отсчитывал про себя такты и в момент окончательного и бесповоротного столкновения галактик нажал на кнопку взрывателя.

Передняя стенка сейфа отлетела в сторону. Боже мой, что там мой взрывчик по сравнению с тем, что гроыхнуло в за-

ле! Интересно, сколько зрителей потеряли нынче слух в результате своей горячей любви к искусству? Впрочем, мне не до них – надо быстренько выгрести купюры из сейфа и переместить их в свой футляр. Когда с этим было покончено, я сделал ручкой своим пленникам и откланялся.

До подземки было два квартала, и небольшая прогулочка под дождем меня приятно охладила. Я спустился вниз и по коридору вышел на станцию. Поезд, видно, только что ушел, и на перроне было пусто. Я забрался в телефонную будку, которую присмотрел заранее, и быстро переоделся. Ровно за двадцать две секунды – совершенно столько же, сколько на тренировках. Черная обивка футляра исчезла, открыв под собой белую поверхность, фальшивый раструб пропал. Он был сделан из тонкого пластика и замечательно уместился в кармане вместе с черной обивкой.

Вывернутая шляпа оказалась тоже белой, черные усы и борода исчезли в другом кармане, изнанка плаща оказалась какой? Правильно, тоже белой. Переодевшись, я вышел со станции, поднялся наверх в толпе пассажиров подошедшего поезда и отправился на остановку такси. Ждать пришлось недолго.

Я забрался в машину и улыбнулся блестящей физиономии робота-водителя.

– Пр'вет, ст'рик, подкинь м'ня д' от'ля «Арб'л'т», – заявил я, имитируя говор обитателей солнечной Тырингии. Именно в это время на станцию поезд из Тырингии и приходил.

– Не понимаю, – ответил искусственный разум.

– О-тель «Ар-ба-лет», – напрягся я. – «Ар-ба-лет».

– Понимаю, – ответил механизм, и такси тронулось.

Отлично. Все разговоры в такси записываются и хранятся месяц на молекулярном регистраторе. Полиция проверит такси, нет сомнений, что они наткнутся и на эту запись, а разговор собьет их со следа. К тому же и сам номер в отеле был забронирован из Тынрингии. Может, тут я и перестраховался, но, по-моему, это просто невозможно. То есть перестраховаться невозможно.

Отель был из дорогих. Исполненные со вкусом и любовью арбалеты, арбалетики и арбалетища заполняли все его коридоры, комнаты и, наверное, даже подсобки. С подобострастием меня проводили до комнаты, настольная лампа в которой также, разумеется, имела вид арбалета. Робот-коридорный отклонялся и послушно удалился, после того как в его нутро провалилась пятидолларовая монета – чаевые.

Я поставил бывший футляр в спальне, скинул промокший плащ, извлек из холодильника бутылку пива – и тут в дверь постучали.

Так быстро?! Если это Слон – он классный сыщик. А кто это может быть еще? Я было замаялся, но понял, что развеять сомнения можно единственным образом. С улыбкой – если это окажется Слон – я отворил дверь. И улыбка моя тут же исчезла.

– Вы арестованы, – сообщил мне детектив, демонстрируя

свою элегантную бляху. А напарник его для вящей убедительности навел на меня очень большой и совершенно не игрушечный пистолет.

Глава 9

– Что... что?.. – пролепетал я.

Моя находчивость, однако, не возымела никакого действия на вошедших.

– Одевайтесь. Поедете с нами.

Словно в тумане, я стал собираться. Плащ, понятное дело, надо было оставить здесь, но как им это объяснить? А они меня обыщут, найдут в карманах и маску, и ключ, и остальное. А деньги? Про футляр они ничего не говорили.

Как только я просунул руку в рукав плаща, полицейский защелкнул на моем запястье браслет. Теперь я без него ни шагу.

Мы вышли из номера и двинулись по коридору к лифту, спустились в холл. Детектив держался ко мне поближе, прикрывая наручники. Очень любезно с его стороны. На улице стояла огромная, зловещего вида машина, и ее водитель даже бровью не повел, когда мы забрались внутрь. Мы сели, и он тронул с места.

Как начать разговор – я не знал, моим спутникам тоже, видимо, чесать языком не хотелось: так, в молчании, мы и кружили по мокрым улицам, миновали, как ни странно, полицейскую управу и остановились у здания федеральной полиции. Вот так вот! У меня екнуло сердце. Да, я был прав, считая, что местные копы меня не вычислят и не поймают.

Но кто ж мог подумать, что в дело вступят федералы?! Теперь-то задним умом я осознал ошибку. Слон появился после долгих лет молчания. Почему? И что означает эта шахматная белиберда? Пусть займутся криптологи. О-го-го, вот это нахальство! Кто-то сообщает время и место очередного преступления. Что же, пусть этим займется федеральная полиция. Установить для наблюдения за сейфом современную технику. Проследить за преступником и выявить его возможных сообщников. Повязать.

На меня навалилась такая мучительная депрессия, что я с трудом передвигал ноги. Наконец наша маленькая процессия остановилась возле двери, на которой красовалась табличка «ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ». Чуть пониже висела вторая: «ДИРЕКТОР ФЛИНН».

Мои сопровождающие почтительно постучали, дверь автоматически отворилась, и мы вошли внутрь.

– Это он, сэр.

– Вот и хорошо. Пристегните его к стулу и можете идти.

Хозяин кабинета горой возвышался над письменным столом.

Он был просто огромен – учитывая еще и его толщину. Складки подбородка, а точнее сказать – подбородков, свисали ему на грудь. Размеры пуза не давали пододвинуться к столу, пальцы рук, лежавших на столешнице, казались связками сарделек. Я робко взглянул ему в глаза, он ответил мне взглядом, похожим на выстрел гаубицы. Когда меня вели к

стулу и пристегивали к нему браслетами, я был совершенно спокоен.

Они ушли, и шаги затихли в коридоре.

– Да, парень, влип ты на славу, – медленно и чуть нараспев произнес начальник.

– Решительно не понимаю, что вы имеете в виду. Произошла какая-то ошибка, – немедленно откликнулся я, но, чтобы всерьез настаивать на собственной невинности, не худо было бы, чтобы не дрожали голос и руки.

– Понимаешь. Нынче вечером ты умыкнул денежки несчастных глухих меломанов. Но это бы ладно, юноша. Ты поступил куда хуже, присвоив себе честное имя другого человека. Зачем ты начал выдавать себя за него?

Что-что?! Присвоил чужое имя... Я машинально поймал ключи от браслетов, брошенные мне через стол, и взглянул на хозяина кабинета несколько более непредвзято.

– Вы же... – отщелкивая браслеты, хриплым голосом начал я, – этот арест, полиция, кабинет... Вы...

Он спокойно улыбался и ожидал окончания моего мыслительного процесса.

– Вы Слон?!

– Ну а кто же еще, парнишка... Если я правильно понял твое письмецо, бездарно, кстати сказать, зашифрованное, ты хотел меня видеть. А зачем?

Я невольно привстал, и тут же в его руке возник черный пистолетище, дуло которого недвусмысленно глянуло мне в

переносицу. Я, понятно, снова опустился на стул.

– Мне не нравится, когда меня имитируют. – Его голос лишился теплоты, а с лица ушла улыбка. – А еще больше мне не по душе, когда со мной играют. Даю тебе три минуты, чтобы объясниться, а потом я тебя пристрелю и отправлюсь в твой отель, чтобы забрать сегодняшние денежки. Но сначала ты мне расскажи, где лежат остальные деньги, украденные тобой под моим именем. Итак. Три минуты.

Я, конечно, заговорил – то есть сделал попытку. Не получилось, я сумел лишь что-то проквакать. Да, убить-то он меня может запросто. Эта мысль меня несколько отрезвила, я прокашлялся и заговорил. Надо хотя бы умереть достойно.

– А мне что-то не верится, что вы хотите меня немедленно кокнуть. Не верю я в ваши три минуты. Давайте не будем стоять у меня над душой, и я спокойно и ясно изложу все мои мотивы.

Тут, конечно, был свой риск, но Слон был игроком, в этом я ошибиться не мог. Выражение его лица не изменилось, но он едва заметно кивнул, вполне отдавая себе отчет в том, что сейчас он для меня Самый Главный На Свете Начальник.

– Благодарю вас. Ни за что бы не поверил, что вы окажетесь человеком грубым и прямолинейным. Скажу больше: с тех пор как я впервые узнал о вашем существовании, вы стали для меня образцом для подражания. То, что вы совершили в своей жизни, беспрецедентно, у этого нет аналогов во всей мировой истории. Крайне сожалею, если ненароком за-

дел вас тем, что использовал ваше имя. Разумеется, деньги я отдам. Но подумайте, как еще я мог бы вас отыскать? Вот мне и пришлось сделать все, чтобы вы отыскиали меня. И вы отыскиали. Думаю, хотя бы из любопытства, если и не из благородства, вы не отправите меня в полицию, не повидавшись со мной с глазу на глаз.

Последовал еще один кивок, но ствол пистолета по-прежнему глядел на меня не отрываясь.

– Ты единственный человек, кто знает меня. Так что, думаю, тебе не надо объяснять, почему мне стоит тебя прихлопнуть. А вот зачем ты хотел со мной встретиться?

– Да говорю же вам – из чистого восхищения! Талант у меня один-единственный – криминальный, и это определило всю мою жизнь. Но я самоучка, а потому уязвим. Позвольте мне стать вашим учеником! За эту честь я заплачу любую цену! Кто знает, может быть, пройдут годы и я смогу хотя бы немного приблизиться к вашему уровню...

Его взгляд смягчился, дуло взглянуло немного в сторону, но игра еще не выиграна – да я и не ставил себе такой цели. Мне нужно было другое – чтобы Слон заинтересовался мной.

– Почему я должен этому верить? – спросил он задумчиво.

– А почему не должен? Какие иные причины у меня могли быть?

– Твои-то причины меня не волнуют. А ну как некто име-

ющий отношение к полиции использовал тебя как приманку, чтобы выйти на меня? Сообрази сам – человек, арестовавший Слона, сделает себе прекрасную карьеру.

– Да, конечно. Именно это должно было сразу прийти вам в голову. Но занимаемое вами помещение в этом здании свидетельствует о том, что ваше положение тут очень высоко. Подобный план вы бы вычислили запросто. Или же – и это только доказывает вашу гениальность – вы могли вмешаться в операцию, надуть полицию и заставить арестовать меня по-настоящему! Сэр, я, конечно, знал, что вы гений, но повернуть такое?! Это уже просто граничит с фантастикой!

Он медленно поклонился, принимая похвалу. И что это? Кажется, ствол пистолета окончательно ушел в сторону. Я вскочил и кинулся вперед.

– Меня зовут Джеймс Боливар ди Гриз, и мне всего семнадцать лет. Родился я в этом самом городе, в клинике матушки Махри для безработных свиноводов. У вас на столе терминал компьютера, который моментально выдаст вам любое досье. Найдите мое! Прочитайте!

Пока он стучал по клавишам, я сидел расслабившись и старался не отвлекать его, ерзая на стуле. Кое-как моя показуха удавалась, я выглядел почти спокойным.

Наконец он откинулся в кресле и принялся разглядывать меня. Он не сделал ни одного движения, но пистолет исчез. Кажется, полная победа. Да нет же, не полная – просто начался следующий раунд.

– Я тебе верю, Джим, и благодарен за теплые слова. Но я работаю только в одиночку, и ученики мне не нужны. Знаешь, я был готов убить тебя, чтобы не засветиться. Но теперь, мне кажется, можно обойтись и без этого. Достаточно твоего слова, что впредь ты не станешь искать встреч со мной и никогда больше не воспользуешься моим именем в своих целях.

– Конечно обещаю. Я прикинулся Слоном лишь для того, чтобы привлечь к себе ваше внимание, и только. Но умоляю, измените свое решение, примите меня в свою академию!

– Ее не существует, – ответил он, тяжело поднимаясь на ноги. – Прием заявлений прекращен.

– Тогда позвольте мне сформулировать мою просьбу немного иначе, – не унимался я, чувствуя, что рандеву подходит к концу. – Заранее простите, если я испорчу вам настроение, но делать нечего – приходится выйти за рамки приличий. Сэр, я молод, мне нет еще и двадцати, а вы живете на этой планете уже более восьмидесяти лет. Я очень недолго занимаюсь своим ремеслом, но и за это время сумел ощутить полное одиночество. Я работаю один и только для самого себя. У меня нет друзей в преступном мире, потому что все, кого я встретил там, оказались жуткими дилетантами. Поэтому, собственно, мне все приходилось делать в одиночку. Но если я, такой молодой, настолько одинок, что такое тогда ваше одиночество?

Он замер и стоял совершенно неподвижно, опершись ру-

кой о стол и уставившись в стену, будто в окно, за которым виднелось что-то недоступное моему взору. Потом вздохнул и, будто выпустив при этом из себя всю силу, тяжело опустился в кресло.

– Ты прав, мой мальчик. Не хочу это обсуждать, но твои слова попали в цель. Да, ты прав, но что поделаешь? Я уже стар, где мне менять привычки. Желаю тебе всего доброго и спасибо тебе за увлекательную неделю. Она напомнила мне старые добрые времена.

– Но, сэр, подумайте еще раз!

– Нет, невозможно.

– Сэр, дайте мне свой адрес, я перешлю вам деньги.

– Оставь их себе. Ты их честно заработал. Только в будущем используй другое имя. Пусть Слон поживает с миром. И еще – хотел бы дать тебе совет. Направь свои способности на другое, стань полезным обществу. Тогда, наверное, тебе удастся избежать того жуткого одиночества, о котором ты уже имеешь представление.

– Никогда! – завопил я. – Никогда и ни за что! Лучше я кончу свои дни в тюрьме, чем стану работать на этих ослов! Я ненавижу общество!

– Но ты можешь измениться.

– Это невозможно, – с пылом возразил я, но – самому себе, потому что комната была пуста.

Глава 10

Да, бывает и так. Казалось бы, я взобрался на верх блаженства, и что же? Снова в пустоте тоскливейшей депрессии. Я в точности исполнил все, что задумал, мой замысловатый план сработал блестяще. Я выманил Слона из норы и сделал ему предложение, от которого он не должен был отказаться.

Но отказался. Что мне теперь была радость от удачно осуществленного ограбления? Эти деньги были для меня как пепел. Я сидел в своем номере и думал о будущем, а там – только пугающая пустота. Казалось, что после неоднократного пересчитывания деньги полностью потеряли и ценность, и смысл. Разрабатывая свой план, я взвесил все. И не учел одного: что он может меня просто-напросто выпроводить. Смириться с этим, понятное дело, было нелегко.

На следующий день я возвратился в Биллвилл и занялся собой, то есть принялся жалеть самого себя. Вот уж что мне нисколько не свойственно! Но на этот раз я и наслаждался этим занятием. Наконец, взглянув в зеркало, увидел там угрюмую физиономию с ввалившимися глазами и показал ей язык.

– Баба! – сказал я сам себе. – Маменькин сынок, плакса, самовлюбленный идиот!

Ну и так далее. Немного разогнав тучи депрессии, сварил себе кофе – никакого алкоголя, чтоб его! – и сел попивать

да о будущем думать. Что дальше?

А ничего. По крайней мере – теперь. В голову не лезло ничего конструктивного. Все планы утыкались в гладкую стену, а там не было видно ни единой лазейки. Я щелкнул кнопкой тривизора, тот был настроен на коммерческий канал, но еще до того, как я успел переключиться на другой, передо мной во всем своем трехмерном великолепии и шике объявилась дикторша. Одежды на ней было немного, а имеющаяся так просвечивала, что переключать каналы я помедлил.

– Поезжайте туда, где веет ароматный бриз, – заверещала она. – На серебряных песках Ватикана будем мы вдвоем. Ватикано-бич, солнце и волны освежат вашу душу...

Я вырубил тривизор. Душа моя и так чувствовала себя неплохо, так что соблазнительные формы красотки меня только отвлекали. Надо думать о будущем, не до любви пока. Но Ватикано-бич...

В самом деле! А почему бы мне не отправиться в кратковременный отпуск – или я его не заслужил? Как это не заслужил, когда в последние месяцы вкалывал почище любого бизнесмена, уподобляться которым мне, как вы понимаете, вовсе не хотелось. Деньги у меня были, и весьма неплохие, так почему бы не потратить часть нажитого столь тяжелым трудом состояния? От проблем, конечно, убежать не удастся: я знаю – от себя не уйдешь. Но что из того? Я могу прихватить проблемы с собой и разобраться с ними в приятной обстановке.

Но только куда? Не на серебристые же пляжи, в самом деле! Я пощелкал клавишами компьютера, вывел на экран парочку путеводителей и не спеша с ними разбирался. М-да... Приятного мало. На побережье можно бы поехать, но только – с этой девчонкой из рекламы, а это весьма проблематично. Шикарные отели, дорогие круизы, музейные редкости – все это привлекало меня не больше, чем каникулы на ферме свинообразов. А что, может, и в самом деле? Подышать свежим воздухом, вспомнить деревенское детство. Понятное дело, когда я выбрался в город, то он мне очень понравился. И с тех пор за городом я уже не был.

Похоже, это то, что надо. Но только не на ферму. Найду себе какое-нибудь дикое местечко. Скроюсь от людей, убегу от цивилизации и поживу наедине с природой. Чем больше я об этом думал, тем больше мне нравилась эта идея. Куда ехать – вопроса не вызывало. Была у меня одна тайная детская мечта. Соборные горы – вот как она называлась. Покрытые вечными снегами вершины, возносившиеся к небу, словно гигантские башни храмов, захватили мое воображение в детстве. А что? Почему бы нет? Должны же мечты хоть иногда исполняться?!

Уже сама покупка рюкзака, спальника, термопалатки, котелка, фонарика была удовольствием. Снарядившись, я решил не тащиться на линере и полетел в Рафаэль самолетом. Мы заходили на посадку, а я прильнул к иллюминатору и глаза себе проглядел, любуясь горами. А дождаться выдачи

багажа оказалось просто невыносимой мукой.

По картам я определил, что тропа, ведущая в Соборные горы, пересекала шоссе сразу за аэропортом, с северной стороны. Лучше было бы поехать с остальными на автобусе, а не привлекать внимание, подзывая такси, но я же, в конце концов, был не на работе, а в отпуске.

– Это довольно опасно, малыш, лезть в одиночку в горы, – заметил пожилой водитель, когда мы тронулись с места. – Легко потеряться. Или страволки могут напасть. Лавины, оползни... Ты хорошенько подумал?

– Да я ж друзей догоняю! Двадцать человек. Туристическая команда бойспраутов из Нижнего Армпита. Отдохнуть хотим, – энергично соврал я.

– Что-то я бойспраутов тут не встречал... – пробормотал он со старческой подозрительностью.

– А как же! – продолжал импровизировать я, перегнувшись назад и роясь в рюкзаке, лежащем на заднем сиденье, ища там карту. – Они добрались поездом до Боскона и пошли туда, где тропа пересекает железную дорогу. Поджидают меня там. Вместе с командиром. Что вы, сэр, я бы побоялся в одиночку лезть в горы.

Он продолжал ворчать и ворчал еще сильнее, когда я забыл дать ему чаевые, но тут же хитро усмехнулся и резво укатил – потому что в результате он содрал с меня больше, чем положено. Причем я с трудом подавил в себе желание всучить ему фальшивые пять долларов. Шум мотора затих,

и я взглянул на тропу, петлявшую по долине вверх. И окончательно понял, что придумал себе замечательный отпуск.

Не стану распространяться насчет радостей походной жизни. Бог мой, стоит ли обсуждать с кем-нибудь свое удовольствие? Все шло как положено. У меня обгорел нос, по всему телу ползали муравьи. Звезды казались удивительно яркими и близкими, чистый воздух наполнял легкие. Я знай себе бродил, карабкался, мерз в ледяных речушках и совсем позабыл о своих невзгодах. Казалось, нет им в этом мире места. Обновленный, усталый, но довольный, дней через десять я спустился с гор и поселился в отеле, номер в котором был забронирован заранее. Что дальше? Как «что»?! Горячая ванна и холодное пиво – и вы поймете, что такое полное счастье. Потом приплелся в комнату и включил телевизор – там передавали новости, но было лень вылезать из кресла и переключать, и я слушал их вполуха.

– ...сообщает о росте экспорта ветчины, который уже на целых четыре процента превысил ожидаемый. Однако наблюдается спад на рынке щетины свинообразов, что уже повлекло за собой критику правительства, не делающего пока ничего для исправления этого положения.

Местные новости. Завтра перед судом предстанет компьютерный взломщик, проникший в федеральную сеть. Федеральный прокурор расценивает этот случай как тягчайшее преступление и требует восстановления смертной казни, однако...

Лощеное лицо диктора пропало, и передо мной собственной персоной возник сам компьютерный взломщик. У меня сперло дыхание. Ну и что, что цвет волос у него теперь был другим, тоже мне проблема! Не узнать его было невозможно!

Это был Слон!

Меня бросило в жар, и я кинулся к окну и забарабанил по переключателю режимов кондиционера. Метнулся обратно к экрану. Увеличил размер изображения. Нет сомнений, это он.

Пока я торопливо одевался и приводил себя в порядок, план уже зрел в моей голове. Срочно в город и помочь Сло-ну. Разумеется выяснив, что там стряслось. Я запросил расписание самолетов: после полуночи шел почтовый. Взял билет, поужинал, немного отдохнул и первым был на борту.

В своем офисе я оказался уже на рассвете. Пока компьютер трудился, распечатывая мне все, что имело отношение к аресту Слона, я варил кофе. Но чтение новостей за чашечкой напитка моего настроения не улучшило. Увы, напротив. Да, речь шла именно о Сло-не, хотя всюду упоминалось имя Билл Ватис. Его взяли на выходе из помещения федеральной полиции, где он умудрился установить компьютерный жучок, с помощью которого удалось добраться к сверхсекретным файлам. А случилось это на следующий день после моего отъезда на заслуженный отдых.

И тут я понял все. Он сел из-за меня. Если бы не моя безумная выходка, он бы ни за что не полез в эти секретные

файлы. Ему потребовалось выяснить, не стоит ли за мной полиция. На душе стало погано.

– Я посадил его – мне его и вытаскивать! – воскликнул я и вскочил, расплескивая кофе. Вытер лужу и немного пришел в себя. М-да, неплохо было бы вытащить его из тюрьмы. Вот только как? Да, у меня уже есть некоторый опыт по этой части, а попасть в тюрьму несравнимо легче, чем оттуда драпануть. Однако, поразмыслив, я решил, что туда не полезу. Полиция вывезет его оттуда и без моего участия. На суд-то его повезут, а следовательно, придется использовать транспорт.

Но вскоре я понял, что не все так уж прекрасно. Впервые за долгие годы был схвачен по-настоящему опасный преступник, и шумиха поднялась невообразимая. Слона содержали в специальном помещении, внутри самого здания федеральной полиции, а вовсе не в обычной тюрьме. Туда не пролезешь. А когда его повезут в суд, то какие будут предприняты меры предосторожности... Бронированные фургоны, охрана, мотоциклы, полицейские экранолеты и вертолеты. Не подберешься. Я почувствовал, что оказался в тупике. Что самое интересное, полиция тоже – правда, по другой причине.

Вот по какой. После тщательного расследования они установили, что настоящий Билл Ватис покинул планету двадцать лет назад. Все записи, касающиеся этого, исчезли из памяти компьютера, и только письмо, присланное настоящим Ватисом своим родственникам, позволило установить

подлог. Иначе говоря – арестовали вовсе не Ватиса. Тогда кого же?

Его, понятное дело, допросили, ответом же, по сообщениям газет, были «полное молчание и отсутствующая улыбка». Теперь его называли Мистером Икс. Кто он такой – не знал никто, а ему ясность в этом вопросе, похоже, была не особенно нужна. Но дату суда назначили – через восемь дней. Такое стало возможным, поскольку Мистер Икс одновременно отказался признать свою вину и подать апелляцию. Отказался защищать себя сам и был против назначения ему адвоката. Следствию все это пришлось не по душе, оно заявило, что дело закрыто, и потребовало скорейшего суда, который и был назначен на следующую неделю.

Итак, выходит, я бессилён! Я было признал свое поражение, но ненадолго. Надо ждать окончания суда. Тогда наконец Слона переведут из здания федеральной полиции. А когда он окажется в нормальной тюрьме, я его оттуда вытащу. Главное – успеть до прихода корабля, который повезет его на принудительную прочистку мозгов. Кажется, я уже говорил об этом: они используют последние достижения науки, для того чтобы превращать преступников в нормальных обывателей. Увы, зная этого человека, можно было не сомневаться, что он предпочтет скорее умереть, чем сломаться. Я обязан вмешаться.

Ждать помощи от противника было бессмысленно. Мне не удалось проникнуть в зал суда, когда началось слушание

дела. За ходом дела пришлось следить по тривизору.

Все прошло лихо и быстро. Утро заседания: чтение списка преступных деяний подсудимого. Перечень оказался весьма внушительным. Компьютерное злодеяние, взлом банка данных, использование терминала для личной выгоды и прочая ахинея. Один за другим свои показания давали свидетели, что немедленно принималось к сведению. Слон, казалось, ничего этого не слышал и не видел. Его взгляд был направлен куда-то вдаль, словно там он видел вещи куда более любопытные, нежели эта нелепая судебная комедия. Когда слушание свидетелей закончилось, судья стукнул молотком и объявил перерыв на обед.

После достаточно торжественного банкета – с семнадцатью переменами и кордебалетом – суд занял свои места. Судья явно пребывал в добром расположении духа, а обвинитель не мешкая подвел ужасающий итог. Судья одобрительно кивал да поддакивал, а потом поблагодарил следователей за отлично проведенную работу. Приосанился и заговорил:

– Дело вполне ясное. При этом совершенно очевидное. Обвинения серьезны настолько, что поколебать их не сможет никакая защита. Да и сам факт отсутствия защиты является дополнительным свидетельством в пользу истины. А истина состоит в том, что подсудимый преднамеренно, со злым умыслом, совершил вменяемое ему в вину деяние. Сомнений тут не может быть никаких. Дело заслушано и закрыто. Тем не менее я прерываю на сегодня заседание суда и объяв-

ляю перерыв до утра. Завтра суд соберется на утреннее заседание, на котором и будет оглашен приговор. Правосудие свершится, в чем смогут убедиться все.

– Ничего себе правосудие! – процедил я сквозь зубы и встал, чтобы выключить тривизор, но судья, оказывается, еще не кончил.

– Мне сообщили, что Галактическая лига весьма заинтересовалась этим делом. Корабль к нам уже выслан и прибудет в течение двух дней. Заключение будет взят из-под нашей опеки, и, поймите мои радостные чувства, наконец-то мы от него избавимся.

Челюсть у меня так и отвисла. Да как же это?! Все пропало. Только два дня... Что можно успеть за два дня? Неужели всему конец – и Слону, и моей начинающейся карьере?

Глава 11

Сдаваться я не желал. Надо попытаться – пусть даже меня постигнет неудача, пусть даже я сам окажусь за решеткой. Он влип из-за меня, и я должен его спасти. Но как? В здании федеральной полиции до него не добраться, по дороге в суд не освободить, да и просто в зал суда меня не пустят.

Суд. Суд? Суд... Суд! Да чего же это я зациклился на суде? Было, значит, тут что-то такое, за что цеплялось мое сознание, в мозгу словно ворочалась какая-то бесформенная масса, мучительно пытаюсь сложиться в мысль.

«Да конечно же! Ура!!!» – возликовал я и забегал по кругу, размахивая руками и издавая сложный звук, который был моим коронным номером на всех вечеринках. Звук назывался «брачный хрюк свинобраза».

– Так что же суд? – громко спросил я самого себя и немедленно ответил: – Сейчас я вам все расскажу про суд. Это старинное здание, памятник архитектуры, охраняемый законом. Судя по всему, его подвалы завалены горами древних, истлевших дел, а на чердаке полным-полно летучих мышей. Днем-то его стерегут как зеницу ока, а вот ночью... Ночью-то там пусто!

Я отправился в каморку и стал рыться в инструментах. Отмычки, фонари, провода, жучки – все, что нужно для осуществления успешной производственной деятельности.

Еще нужна машина, а лучше – фургон, поскольку я надеялся, что улепетывать придется вдвоем. Этим надо заняться немедленно. Несколько вариантов всегда были у меня на примете, предстояло воспользоваться одним из них. Теперь был самый разгар дня, но фургоны и грузовики хлебной компании «Крамб и Бейкери» уже были на своей стоянке, где их потихоньку готовили к ночной смене. Несколько фургонов въехало в гараж, а один проехал чуть дальше, уж и не знаю зачем. Как бы то ни было, ближе к вечеру я уже ехал по загородному шоссе, а вскоре после наступления темноты оказался в Пирли-Гейтсе и через какое-то время уже входил через заднюю дверь в помещение суда.

Система сигнализации тут была, но – батюшки мои! – сколько поколений назад ее устанавливали?! Теперь она годилась лишь на то, чтобы охранять здание от детей и умственно неполноценных. Впрочем, в здании не было ничегошеньки, что представляло бы хоть какую-то ценность. Как сказать... Вооружившись ключом от зала суда, который я успел скопировать, еще когда слушалось мое собственное дело, я направился вперед. Зал номер шесть. Открыл дверь, остановился в дверях и оглядел сумрачное помещение. Сквозь высокие окна с улицы проникал желтый свет. Я прошел вперед, сел в судейское кресло и взглянул в сторону скамьи свидетелей. Потом отыскал кресло, в котором во время разбирательства дела сидел Слоун. Там он будет сидеть и завтра. А вот тут он встанет, когда придется выслушать при-

говор. И его лапищи лягут вот на этот барьерчик. Вот на это самое место.

Я осмотрел деревянный пол и мрачно усмехнулся. Опустился на колени и постучал по нему. Затем достал дрель – и работа закипела.

Да, ночка выдалась что надо! Я пилил, стучал, потел и даже совершил небольшую прогулку, во время которой отыскал и немножко обчистил магазин спортивных принадлежностей. Но, что самое трудное, я должен был придумать план побега. А точнее – маршрут. Маршрут должен быть не только коротким, но и безопасным. Было бы времени побольше – я бы выкопал туннель. Но время, время... Так что изобретательность должна заменить ручной труд. Я устроился поудобнее и погрузился в мысли, но вскоре начал клевать носом. Нет, только не это! Я снова вышел на улицу и отправился в ночной ресторанчик, где заказал угрюмому роботу пару чашек крепчайшего кофе. Помогло. Сердце застучало четче, и в голове прояснилось. Я вышел на улицу и немедленно ограбил магазин верхней одежды. Пошатываясь от усталости, вернулся в здание суда.

Дрожащими пальцами закрыл за собой все двери и уничтожил все возможные и невозможные следы. Окна уже окрасились серым светом зари, когда с делами наконец было покончено.

Запершись изнутри в подвале, я пошевелил нагруженными пальцами, проковылял через помещение, плюхнулся

на брезент, установил будильник и мгновенно провалился в сон.

Когда комариный писк будильника меня разбудил, кругом была крошечная мгла. Мгновенный приступ паники мне удалось подавить, сообразив, что темно оттого, что я в подвале. И окон тут нет. Снаружи-то день в полном разгаре. Я включил фонарик, повозился с настройкой телемонитора, и на экране возникла цветная картинка зала суда. Камера, установленная накануне, работала вполне прилично. Там, в зале, какие-то старухи старательно обтирали тряпочками мебель и подметали пол. Заседание начнется через час. Я оставил монитор включенным и произвел последнюю проверку. Отлично, все работает... теперь остается запастись терпением и ждать.

Что, собственно, я и стал делать, попивая холодный кофе и с трудом разжевывая зачерствевший вчерашний бутерброд. Но вот двери зала распахнулись, и моему ожиданию пришел конец: в зал ввалились зеваки и пресса. Монитор показывал отлично, в динамике неразборчиво галдели зрители. Шум смолк, когда в зале появился судья. На него немедленно устремились все взоры, а едва он начал свою речь, все присутствующие превратились в слух.

Сначала он измучил всех полным пересказом происшедшего в суде вчера. Пересказал все заседание, выразил свое полное согласие с каждым выводом и замечанием. Его речь я полностью пропустил мимо ушей, поскольку был за-

нят тем, что тщательно разглядывал Слона, а особенно внимательно – его лицо.

Слон держался молодцом. Его лицо не выражало ничего, кроме скуки. Но в глазах таились презрение и ненависть. Гордо выпяченная челюсть лучше всех слов говорила о том, что да – можно заточить его тело, но душа-то останется свободной! Увы, ненадолго – если судья добьется своего. Тут мое внимание привлекла перемена в лице судьи. Наконец он покончил с преамбулой. Прочистил горло и обратился к Сло-ну:

– Подсудимый, встаньте и слушайте приговор.

Глаза всех собравшихся устремились на подсудимого. А тот знай себе бесстрастно сидел, даже не пошевелившись. Послышался нарастающий ропот возмущения. Судья покраснел и стукнул молоточком.

– Вы на суде и извольте подчиняться! – загремел он. – Или вы встанете сами, или вас заставят силой. Понятно?

Я взмок. Если бы только можно было ему крикнуть, чтобы он не упирался. Иначе что делать, если его будут держать под локотки дюжие охранники? Двое из них уже двинулись вперед, повинувшись знаку судьи. Но Слон медленно взглянул на судью. Взгляд был исполнен пламенного презрения и мог бы устроить кого угодно, только не «его честь». В этом взгляде крылся такой заряд отвращения, что запросто мог бы уничтожить парочку-другую мелких форм жизни.

И он встал! Полицейские замешкались на полдороге, ко-

гда его лапищи вцепились в поручень. Загородочка скрипнула под тяжестью поднимающегося тела. Он поднялся, распрявился, руки отпустили поручень и бессильно упали вдоль тела.

Пора! Изо всех сил я надавил на кнопку. Взрывы оказались негромкими, но эффект произвели – пальчики оближешь! Они сделали вот что: выбили два болта, на которых держался край люка. Под тяжестью Слона люк провалился, и Слон ухнул вниз, как бомба. Он еще падал, а я уже карабкался наверх – успев глянуть напоследок на экран.

Он исчез, и в зале повисла тишина. Пружины вернули люк в исходное положение, и я задвинул снизу тяжелые стальные засовы. Все произошло очень быстро: обернувшись, я увидел, что тело Слона все еще качается на батуте. Когда я спрыгнул с лестницы и подошел, он уже остановился и бесстрастно взглянул на меня.

– А, Джим, мальчик мой. Рад снова тебя видеть.

Он схватился за мою руку, и я помог ему сойти вниз. Наверху было столпотворение: визг, крики, кутерьма. Я позволил себе разок победоносно глянуть на экран, чтобы полюбоваться видом позеленевшего судьи и суесящихся полицейских.

– Весьма эффектно, Джим, весьма, – произнес Слон, любясь картинкой на экране.

– Да, ничего, по-моему, – согласился я. – Снимите пока верхнюю одежду. Времени мало, потом объясню.

Он не медлил и уже срывал одежду. Взору явилась огромная пухлая фигура, одетая в изысканное пурпурное белье. Он вскинул руки над головой, повинувшись моей команде. Взобравшись на лестницу, я натянул на него гигантское платье.

– Пальто вон там, – показал я. – Наденете его сверху. Туфли менять не надо, платье длинное. Потом наденете эту шляпу, вот так. Тут зеркало и помада, а я пока открою дверь.

Он беспрекословно исполнил все, что было сказано. Слон преобразился в даму весьма героических пропорций. На стук сверху он не обращал ни малейшего внимания.

– Вперед! – скомандовал я, и он по-женски засеменил к выходу.

Пока он приближался ко мне, я держал дверь закрытой и на ходу снабжал его инструкциями:

– Они уже на подвальной лестнице, но та заблокирована. Мы пойдем другим путем.

Я напялил полицейский шлем, дополнив тем самым свой костюм до полного соответствия уставу караульной службы.

– Вы – преступник, – заявил я Слону. – То есть преступница. Под моим надзором. А теперь – уходим.

Я ухватил его за руку, и мы свернули налево, в пыльный коридор. Сзади, со стороны заблокированной лестницы, доносился страшный грохот, кто-то вдобавок еще и орал. Мы поспешили в котельную, потом по коротким лестничным маршам добрались до выхода. Замок и петли тяжелой двери были тщательно смазаны, она распахнулась мгновенно, и мы

вышли в переулок.

Прямо за спиной стоявшего на посту полицейского. Он был там один.

Очень хорошо. Налево – полицейский и тупик. Направо – полицейского нет, переулок и свобода. И тут у Слона под ногой что-то хрустнуло. Полицейский обернулся как ошпаренный.

Его глаза расширились донельзя – оно и понятно, учитывая, что со мной рядышком была дама столь экстравагантного вида. Этим я немедленно воспользовался, прыгнул вперед и вцепился ему в шею. Его руки обхватили меня, но ненадолго, потому что тунгусский захват шеи приводит к мгновенной потере сознания. Главное – голову надо повернуть на сорок шесть градусов, как на фотокарточке для служебного удостоверения. Ну вот, я аккуратно опустил его тело на землю и придержал Слона, готового ринуться по переулку.

– Не туда.

В здании напротив была дверь с табличкой, извещавшей, что тут служебный вход. Дверь была заперта, но открылась ключом, заблаговременно припасенным. Рукой я указал верное направление своей «спутнице», снял свой дурацкий шлем и бросил его в сторону полицейского. Заперев дверь изнутри, скинул с себя форменную одежду. По дороге в торговый зал снял и галстук, так что теперь на мне были только брюки и рубашка. Отклеил и сунул в карман усы, и мы смешались с толпой посетителей. На нас поглядывали, но не

очень назойливо. Мой спутник, то есть «спутница», удостоился нескольких изумленных взглядов, но это был приличный магазин, и особенно на нас не пялился никто. Я вышел первым и придержал дверь. Пошел вперед по забитому пешеходами тротуару. Сзади, слабея по мере нашего удаления, слышались крики и вой сирен. Я позволил себе улыбнуться. Обернувшись, обнаружил, что эту слабость позволила себе и моя «спутница». «Она» даже мне еще и подмигнула. Быстро отвернувшись – нельзя же поощрять подобные вольности! – я свернул за угол, где нас поджидал хлебный фургон.

– Стойте здесь и смотрите в зеркальце, – сказал я, открывая заднюю дверь.

Хлопоча внутри, я едва увернулся, когда в фургон сзади влетела огромная фигура.

– Никто не видел... – выдохнул он.

– Отлично.

Я выбрался наружу, закрыл дверь, обошел фургон, сел за руль и завел двигатель. Фургон покатил вперед, добрался до угла и замер, ожидая просвета в потоке транспорта.

Тут мне захотелось повернуть и проехать мимо здания суда. Но кому нужна дешевая бравада? Лучше просто смыться.

Наконец я выбрался на магистраль и аккуратно поехал в сторону окраины. Дорога мне известна хорошо, мы уже будем далеко, когда ее перекроют.

Опасность еще не миновала, но меня уже охватило прият-

ное чувство умиротворенности. Я ведь все-таки это сделал!
Преступнику века устроил побег века. Кто нас теперь оста-
новит?

Глава 12

Я ехал медленно, но уверенно примерно до полудня. Держался в стороне от магистралей, выбирая окольные дороги. Несмотря на то что маршрут постоянно петлял, я упорно продвигался на юг, испытывая при этом горячее чувство приязни к формуле πr^2 . Знакомо, наверное? Да, конечно же. Площадь круга равна квадрату радиуса, умноженному на число «пи». А что это значит? А то, что каждый оборот колеса нашей колымаги со страшной силой увеличивал площадь поисков драпанувшего преступника. И его сообщника, кстати, тоже.

Мы ехали уже часа четыре, и это давало нам приличную фору. Надо было к тому же учесть, что все это время Слон сидел в фургоне и ничего не знал о дальнейших деталях нашего плана. Необходим инструктаж, а заодно можно и перекусить. Я свернул в ближайший торговый район, отыскал там ресторанчик и припарковался в дальнем углу стоянки, задом к глухой стене. Слон трогательно заморгал, когда в распахнутую дверь ворвались свет и свежий воздух.

– Пора завтракать, – сообщил я. – Не хотите ли...

Но он жестом заставил меня замолчать:

– Позволь сначала сказать мне. Спасибо тебе, Джим. От всего сердца благодарю тебя за то, что ты для меня сделал. Я обязан тебе жизнью – ни больше ни меньше. Спасибо.

Опустив глаза и зардевшись как барышня, я шаркал ножкой по земле. Потом прокашлялся и сказал:

– Я сделал только то, что нужно было. Но давайте об этом позже.

Увидев мое замешательство, он согласно кивнул, ну прямо с королевским достоинством, невзирая на свой нелепый наряд. Я указал на ящик, на котором он сидел.

– Пока вы будете переодеваться, я принесу еды. Вы ничего не имеете против пищи от Максвина?

– Против?! Да после этой жуткой тюремной баланды горячий свинобургер покажется пищей богов! Да, если не трудно – большую порцию спамьянов в сахаре.

– Уже несу!

Захлопнув дверь, я рысью помчался под манящие платиновые своды. Энтузиазм Слона по поводу свинобургеров меня весьма обрадовал, но он пока ни о чем не подозревал.

Со всех сторон, ото всех столов доносились хруст и чавканье. Я прошел к стойке, опустил в приемник деньги и протараторил заказ роботу, тут же схватил пакет с едой и напитками – и был таков.

Устроившись на ящике в кузове фургона, мы закусывали с немалым энтузиазмом. Заднюю дверь я оставил слегка приоткрытой – чтобы проникал свет. Слон избавился от платья, и теперь на нем был более-менее приличный мужской костюм – самый большой из тех, какие мне попались на глаза. Он одним махом отхватил половину сэндвича, заел спамья-

ном и улыбнулся.

– Твой план побега просто гениален, мой мальчик. Я заметил, что с полом что-то делали, едва сел на стул, и долго гадал, что именно это означает. Я надеялся, что ты рассчитал все правильно, поэтому, когда земля разверзлась у меня под ногами, я, честно говоря, испытал ни с чем не сравнимое чувство наслаждения. Мне никогда не забыть, как исчезла с моих глаз эта отвратительная рожа судьи.

Широко улыбнувшись, он прикончил сандвич и аккуратно вытер руки, прежде чем заговорил снова:

– Поскольку мне не хотелось бы снова смущать тебя своими похвалами, я предпочел бы узнать, как именно ты собираешься спрятать меня от полиции. И не потому, что я опасаюсь за свое будущее, – просто желаю узнать твой великолепный план во всех его мельчайших деталях.

Похвала Слона – это похвала, и я немного понежился в ее лучах, выковыривая из зубов мелкие хрящики.

– Спасибо на добром слове. Ну что же, расскажу дальше. Хлебный фургон превращает нас практически в невидимок, поскольку такие фургоны во множестве колесят повсюду. – Тут я вдруг осознал, что по неизвестной причине все больше подражаю его манере говорить. – Мы будем раскатывать, пока не стемнеет, но ехать будем туда, куда нам надо...

– А полицейские патрули, разумеется, не станут нас задерживать, поскольку номера на этом фургоне давным-давно не те, что были до его перехода в твоё владение.

– Конечно. Об угоне уже заявили, но розыск вскоре прекратится, потому что фургон обнаружат утром неподалеку от гаража в Биллвилле. Новые номера я счищу растворителем, спидометр подкручу назад, так что самый последний тупица поймет, что на машинке немножко покатались да и бросили. Вот и все. Кто свяжет временную пропажу фургона с происшествием в суде? Да никто.

Он проглотил эту информацию вместе с остатками спамьяна и задумчиво облизал пальцы.

– Основательно. Лучше придумать трудно. Но из сказанного следует, что наша конечная точка – Биллвилл? И нам придется там отсиживаться, поскольку полиция вскоре возьмет под контроль всю страну?

– Да. Там у меня база. Не зря же я расспрашивал вас о ваших гастрономических пристрастиях. Пока все не стихнет, вам придется прятаться в автобаре Максвина.

Его брови поползли вверх, и он мрачно глянул на скомканные обертки от свинобургеров. Впрочем, у него хватило такта не высказать своих чувств вслух. Я поспешил ободрить его:

– Я все там устроил сам, не беспокойтесь. Конечно, присутствуют известные неудобства, но...

– Но не такие, как в федеральной тюрьме! – подхватил он. – Прости мою неуместную озабоченность. Я не хотел тебя обидеть.

– А я и не обиделся. Тут такая история: однажды вечером

полицейскому взбрело в голову причинить мне некоторые неприятности, и я шмыгнул в служебный вход местного Максвина, меня не нашли. Пережидая, пока все уляжется, я тщательно все осмотрел. Потрясающе! Они же полностью решили основные проблемы всех дешевых обжорок – по части низкооплачиваемого и малоквалифицированного персонала! Люди слишком уж сообразительны и алчны, быстро понимают, что к чему, и требуют прибавки. Так что единственный выход – просто избавиться от них.

– Замечательное решение. Послушай, если ты больше не хочешь крумплумпов, то я бы съел парочку, пока ты мне все так замечательно расписываешь.

Я передал ему скользкий пакет и продолжил:

– Итак, все автоматизировано. Едва клиент делает заказ, требуемое блюдо из холодильника едет в микроволновую печь и моментально подогревается до нужной температуры. Послушайте, эти печи такие мощные, что за двенадцать микросекунд они в состоянии зажарить целого свинообраза со всеми потрохами!

– Однако...

– Напитки доставляются с той же скоростью. Клиент еще только кончает говорить, а к нему уже все приехало. Но – остается за дверкой, которая распахнется, когда будет уплачено. Процесс полностью автоматизирован и надежен, поэтому человеку там просто делать нечего. Раз в неделю харчевню осматривают, туда, конечно же, завозят и провизию.

Но происходит это в разные дни – чтобы машины не мешали друг другу.

– Понятно, – ухмыльнулся он. – Значит, так. Машинное отделение, скажем, становится убежищем. Когда холодильники заполнены и приезжает техническая служба, надо перебраться к холодильникам. Потом – обратно. Ага, теперь мне понятно, зачем нужна эта теплая одежда, которая лежала вместе с костюмом. Ну а если авария?

– Тогда в помещениях ремонтной службы раздается сигнал и приезжает механик. Но я сделал так, что сигнал дублируется в самом помещении, так что времени, чтобы перебраться к холодильникам, – вполне достаточно. А что касается возможных случайных визитов обслуги, то и тут меры приняты. Едва в замок вставляется ключ снаружи, как звучит сигнал, при этом замок блокируется на шестьдесят секунд.

Он захохотал и хлопнул меня по плечу:

– Да, парень... ты предусмотрел все. Но вот какое дело – мне изредка хотелось бы что-нибудь почитать, да и, как бы это поделикатней, как там насчет санитарно-технических услуг?

– Там есть портативный видеоскоп и библиотечка. Завернуты в спальные принадлежности. Ну а удобства там есть – для механиков.

– Ну, большее и представить себе трудно.

– Но... – я опустил глаза, – я бы хотел... – Наконец под-

нял голову и решился. – Вы сказали в тот раз, что не нуждаетесь в учениках. Осмелюсь проявить любопытство – вы не передумали? Не изменили своего мнения? Может, вам было бы приятно развеять скуку тем, чтобы преподать мне науку о правонарушениях? Ну так, время скоротать?

Теперь уже он опустил глаза и вздохнул.

– У меня есть веские причины, – начал он, – чтобы отклонить твою просьбу. И особенно – теперь. Но я действительно передумал. В благодарность за мое спасение я зачисляю тебя в Школу Альтернативного Образа Жизни на парочку семестров. Но мне кажется, что ты имеешь в виду не то, чтобы я пошел на это из одной только благодарности, да и не думаю, что именно в расчете на благодарность подобного рода ты меня спасал. Ну что же... Честно говоря, я и сам не прочь передать другому то небольшое, что узнал за свою жизнь. И в то же время мне хотелось бы сохранить нашу дружбу.

Я остолбенел от счастья. Мы одновременно поднялись и обменялись рукопожатием. Хватка у него была железная. Я взглянул на часы.

– Мы слишком долго стоим тут, надо отъезжать, чтобы не привлекать внимания. Надо ехать, следующая остановка – конечная. Прошу вас, выходите не мешкая и сразу идите в служебную дверь, закройте ее за собой. Я вернусь, едва только избавлюсь от фургона. И буду вашим первым гостем.

– Как скажешь, Джим. Я – само послушание.

Дорога была скучной, но что поделаешь. Впрочем, скучал

я не сильно, меня переполняли замыслы и планы на будущее. Я знай себе гнал и гнал фургон, лишь однажды остановившись, чтобы сменить батареи на станции. И снова вперед, петляя окружными путями Райского Уголка, глядя, как медленно валится за горизонт солнце. Наконец свернул на служебный въезд торгового центра Биллвилла, опустевшего до утра.

Никого не видно. Слон вылетел из фургона, и дверь за ним захлопнулась. Пока все шло замечательно, и мне не терпелось покончить с операцией, но я знал, что лучше не торопиться.

Никто не видел, как я внес в свой офис мешки с оборудованием, – это было рискованно, но необходимо. Вычистил фургон внутри, обрызгал все, что только можно, жидкостью для снятия отпечатков пальцев, что рекомендую всем – и угонщикам фургонов в том числе.

Можно было вздохнуть с облегчением. Я сделал все, что мог. Теперь поставлю фургон в конце окраинной улицы и пойду обратно.

Ночь была теплой, и прогулка вышла приятной. Со стороны пруда в городском парке доносилось сонное щебетание водоплавающих. Присев на скамеечку, я разглядывал спокойную поверхность воды. И думал о своей судьбе и о будущем.

Неужели мне удалось расстаться с прежней жизнью? Неужели мне удастся преуспеть в преступной карьере? Слон

обещал вывести меня в люди – и он единственный на этой планете, кто может это сделать.

Насвистывая, я двинулся в торговый район. Но глядел не себе под ноги и не по сторонам, а исключительно в светлое будущее. И настолько ушел в свои мысли, что не замечал пронесившихся мимо машин, не заметил и ту, что остановилась рядом.

– Эй, малый, погоди-ка минутку!

Ничего не соображая, я машинально обернулся. Увы, я слишком поздно сообразил, что стою прямо под фонарем, а за рулем машины сидит полицейский. Никогда не узнаю, зачем он остановился, о чем хотел меня спросить. Потому что он узнал меня!

Занятый делами Слона, я совершенно упустил из виду, что я сам тоже в розыске! Что вся полиция получила мои фотографии и приметы. А я, как последний остолоп, болтаюсь по улицам, забыв об элементарной осторожности! Все это пронеслось в моем мозгу, едва я понял, что он меня узнал.

– Ты Джимми ди Гриз!

Казалось, он удивлен не меньше меня. Однако не настолько, чтобы растеряться. У него тут было все в порядке, а у меня – не очень-то. А вот этот жест он, похоже, отрабатывал долго и упорно, не иначе как перед зеркалом. Словом, не успел я и глазом моргнуть, как в его руке оказался безотказный (75-й калибр) пистолет, и его ствол пристально глядел на меня в приоткрытое окно машины.

– Стоять! – рыкнул он. И одарил меня ухмылочкой представителя закона.

Глава 13

– Неправда ваша, дяденька! – выдохнул я, поднимая руки. – Вы что же, собираетесь пальнуть в меня, в несчастного ребенка, только потому, что с кем-то спутали?!

Ствол пистолета не шелохнулся, зато шевельнулся я, пытаясь бочком-бочком обойти машину спереди.

– Не двигайся! Вернись на место! – заорал он, но я продвигался вперед. Единственное, на что я мог надеяться, что так уж просто он меня не пристрелит. Ведь это, кажется, противозаконно. Я хотел вынудить его вылезти из машины, тогда ему придется убрать пушку. Не сможет ведь он одновременно целиться в меня и открывать дверь машины.

Пушка исчезла. И я – тоже. Как только он опустил пистолет, я развернулся и дал деру, пригнув голову и изо всех сил работая ногами. Он заорал вслед – и выстрелил!

Пистолет бабахнул точь-в-точь как натуральная пушка, пуля свистнула над ухом и попала в ствол дерева. Я обернулся и замер. Этот парень, похоже, психопат.

– Так-то лучше, – произнес он, положив руку с пистолетом на дверцу машины и держа меня на мушке. – Я не промахнулся. Я просто выстрелил мимо. На первый раз. А в следующий раз – попаду. Я чемпион по стрельбе в округе. Понял? И я люблю тренироваться...

– А тебе не кажется, что ты псих? – дрожащим голосом

осведомился я. – Из-за одного подозрения палить по людям!

– Имею право. – Он подошел ко мне, держа пистолет на изготовку. – Это не подозрение, а задержание. Я тебя узнал. Ты в розыске. А отмазаться мне просто. Скажу – преступник ухватился за пистолет, случайный выстрел – и тью-тью. Убедительно. Ну что, хочешь подержаться за мою пушечку?

Какое странное совпадение. Психопат, а заодно и полицейский. Ну что же, бывает. Понятно, что ему охота спровоцировать меня на бегство и слегка поупражняться. Интересно, кстати, как ему удалось пройти специальные тесты, рассчитанные именно на то, чтобы не допускать в органы таких охламонов. Нет уж, пускай в другой раз постреляет. И я медленно вытянул руки вперед и заговорил:

– Я не собираюсь оказывать никакого сопротивления, господин офицер. Подчиняюсь вам, хотя и произошла ошибка. Надевайте наручники и забирайте меня.

Он разочарованно глянул на мои руки и вздохнул. Помедлил немного, ожидая от меня каких-нибудь действий, потом снял с пояса наручники и швырнул их мне. Пистолет в его руке при этом не дрогнул.

– Надевай.

Я защелкнул браслет сначала на одной руке – достаточно свободно, чтобы руку вытащить, потом – на другой. Занимаясь наручниками, я не заметил, как он подошел. А он подошел и так стиснул браслеты, что они прямо-таки врезались в кожу.

Улыбался он с садистским наслаждением.

– Попался, ди Гриз. Ты арестован.

Я глянул на него снизу вверх – он был на целую голову меня выше и раза в два тяжелее – и расхохотался. Он сунул пистолет в кобуру и схватил меня. Здоровенный дядька задержал ребенка. И никак не мог понять, почему я хохочу, а объяснять я ему не стал.

Просто применил один прием, как нельзя лучше подходящий к сложившейся ситуации.

А именно: врезал ему в пах коленом. Он отпустил руки и сложился пополам. Бедняге было очень больно, и из чувства сострадания я врезал ему еще и по шее – сложенными руками. Теперь ему уже не было больно, поскольку он отключился, еще не рухнув на землю. Я опустил на колени и принялся обшаривать его карманы в поисках ключика от браслетов.

– Что тут происходит? – раздался голос, и двери ближайшего дома распахнулись. Выстрел перебудил всю округу. Придется наручниками заняться позднее. Надо смываться.

– Сами, что ли, не видите?! – заорал я. – Человека ранили. Оставайтесь при нем, а я бегу за помощью!

Последние слова я прокричал через плечо, торопливо удаляясь по улице и сворачивая за ближайший угол. В дверном проеме появилась женщина и окликнула меня, но разговаривать с ней мне было что-то не очень охота. Надо шевелиться, пока сюда не нагрянула облава. Да, делишки складыва-

ются не вполне удачно. Запястья ныли; пробегая под фонарем, я взглянул на руки – они побелели. Тесные наручники нарушили циркуляцию крови. Легкое чувство вины, возникшее в моей душе после применения не вполне корректного приема, улетучилось напрочь. Надо снять эти штучки, и как можно скорее. В офисе, больше нигде.

Избегая главных улиц и держась подальше от людей, я наконец добрался до места. Пальцы к тому времени уже почти не слушались, потеряв всякую чувствительность.

Прошло невыносимо много времени, пока мне удалось достать из кармана ключи. Наконец достал. И тут же уронил. И поднять уже не мог, потому что пальцы не сгибались. Я мог их только трогать, и все.

Да, в жизни бывают тяжелые моменты, и этот, как мне кажется, был из самых тяжелых. Я не мог сделать того, что было необходимо. Я был разбит, убит и сломлен. Попасть в здание оказалось невозможным. Какое тут медицинское образование требуется, когда понятно: если наручники не снять немедленно, то доживать придется с пластиковыми руками. Вот так вот.

– Нет, не так! – прорычал я себе. – Высади дверь, делай что хочешь, хоть ногами открывай.

Да нет же, не ногами! Помертвевшими пальцами я поковырялся в связке ключей, пока не нашел нужный. Затем нагнулся, потрогал его языком, не обращая на грязь никакого внимания. Зажал ключ в зубах. Пока неплохо!

Господа, если вам вдруг захочется открыть замок зубами, то вот вам мой маленький совет – не делайте этого! Видите ли, в чем тут дело, – вам сначала придется долго шевелить башкой, чтобы вставить ключ в скважину. Когда вы это все же сделаете, то придется снова крутить ею, чтобы повернуть в замке ключ, а потом – биться башкой в дверь, чтобы ее открыть...

Наконец я добился своего и рухнул лицом на пол. Да, я помнил, что наверху меня поджидает то же самое. Что же, я повторил свое упражнение и наконец попал в офис. Увы, больше благодаря настойчивости, упрямству и грубой силе, чем интеллекту. Я слишком устал, чтобы думать. Мог только действовать.

Захлопнув дверь локтем, я доковылял до верстака, спихнул на пол ящики с инструментами и разворошил их содержимое. Отыскал наконец вибропилу. Поднял ее зубами и умудрился вставить в полуоткрытый ящик стола, прижал ящик локтем, зафиксировал. При этом поранил губу. Но это были мелочи. Запястья горели огнем, а кисти рук уже ничего не ощущали. Побелели, как мертвые. Похоже, я опоздал. Локтем включил пилу. Поднес к лезвию наручники, изо всех сил растянув цепочку. Пила взвизгнула, цепь распалась и руки разлетелись в стороны.

А теперь предстоит более точная работа – разрезать браслеты, да так, чтобы не отрезать себе кисти. Дело, скажу вам, непростое.

Когда с этим было покончено, кругом все было забрызганно кровью. Но браслеты были сняты, и понемногу восстанавливалось кровообращение.

А потом я рухнул в кресло и смотрел, как с рук стекает кровь. Онемение вскоре прошло, и накатила боль. С трудом поднявшись на ноги, я поплелся к аптечке и перепачкал кровью весь ящик, пока отыскал и проглотил две капсулы болеутоляющего. Прочистил раны антисептиком и перевязал. Порезы были скорее неприятные, чем опасные. Не очень глубокие. Закончив перевязку, глянул в зеркало и содрогнулся. Пришлось залепить пластырем губу.

На улице послышался вой полицейской сирены – ну что же, парень, пришло время хорошенько поразмыслить о жизни.

Влип я неслабо. Биллвилл не слишком велик, и все выезды из города наверняка уже перекрыты. Дело нехитрое. На дорогах стоят заслоны, для осмотра окрестностей высланы копы с приборами ночного видения, а на вокзал – наряд полиции. Все дырки запечатаны. Я оказался в ловушке, как крыса. Что дальше? Разумеется, патрули на улицах. Ближе к ночи народу на улицах будет становиться все меньше и шансов пробраться незамеченным почти не останется.

Ну ладно, а что будет утром? Я знал, что будет. Они станут обыскивать дом за домом, квартиру за квартирой и наконец обнаружат меня. При мысли об этом я покрылся холодным потом. Неужели конец?

– Да нет же! – вскричал я, вскочил на ноги и заметался по комнате. – Джимми ди Гриз слишком скользкий, чтобы попасть в грубые лапы местной полиции. На этом остановимся – меня зовут Джимми ди Гриз Скользкий. И я намерен в очередной раз ускользнуть. Но как?

Я открыл бутылку пива, сделал большой глоток и развалился в кресле. Взглянул на часы. Сейчас было уже поздно, и появляться на улице не следовало. Рестораны закрываются, из душных кинотеатров выметаются последние зрители и, парочка за парочкой, отправляются по домам. Одинокая фигура непременно привлечет внимание блюстителей закона.

Значит, ждем до утра. Придется рискнуть при свете дня. Ах, если бы дождь! Я поспешно набрал прогноз погоды и сразу обмяк: солнечно с вероятностью девяносто девять процентов. С таким же успехом можно ожидать бурю или землетрясение.

Офис выглядел как после нападения террористов. Прибраться, что ли?

Нет, Джимми, прибираться не обязательно. Потому что полиция рано или поздно окажется здесь.

А здесь полным-полно отпечатков пальцев, и они отлично знают группу твоей, Джим, крови. Что ж, им придется серьезно поломать головы, пока они смекнут, что именно тут стряслось.

Ну, хотя бы просто поразмыслить им будет над чем.

Неплохо бы, кстати, подгадить тому полицейскому садисту. Я подкатил свое кресло к терминалу и сочинил записку. Принтер пискнул, я потянулся и достал лист. Отлично!

К СВЕДЕНИЮ ПОЛИЦИИ. МЕНЯ СМЕРТЕЛЬНО РАНИЛ САДИСТ ИЗ ПОЛИЦИИ, КОТОРОГО НАШЛИ БЕЗ СОЗНАНИЯ. ОН СХВАТИЛ МЕНЯ. ИСТЕКАЮ КРОВЬЮ, СКОРО УМРУ. ПРОЩАЙ, ЖЕСТОКИЙ МИР. УХОЖУ, ЧТОБЫ БРОСИТЬСЯ В РЕКУ.

Сомневаюсь, что они этому поверят, но, по крайней мере, это хотя бы слегка подпортит жизнь тому психопату с пистолетом. А остальные – пускай-ка прочешут реку. Записка слегка запачкалась кровью, я еще добавил, приложив к ней бинт. Осторожно положил бумажку на пол.

Эта мелкая пакость меня слегка взбодрила. Я присел к столу, допил пиво и все обдумал. Что-нибудь важное не учтено? Да нет вроде. Тут нет никаких важных записей, а остальные надо уничтожить. Я нажал на кнопку – и вся моя информация превратилась в случайный набор знаков. Остальное – инструменты, снаряжение, оборудование – легко заменить, когда потребуется. Вот только деньги оставлять не хотелось.

Натянув поверх бинтов тонкие пластиковые перчатки, я принялся за работу. Утомительно, а что делать?

Деньги лежали в сейфе, потому что какой налетчик дове-

ряет банкам? Сложил их в чемоданчик. Чемоданчик заполнился только наполовину, и сверху я кинул особенно тонкие инструменты. Напихал еще туда одежды, встал на крышку и утрамбовал все так, чтобы можно было повернуть ключ в замочке.

Теперь пора сменить одежду и заняться внешним видом. Строгий черный костюм из ткани, украшенной тонким белым узором из крохотных банкнот. Оранжевый воротничок – такие носят все начинающие банкиры. Стильные туфли из кожи свинобраза на высоком каблуке. Не помешает, если я стану немного выше. Теперь, перед выходом, приклею усы и нацеплю очки в золотой оправе. Можно бы еще покрасить волосы и усилить загар.

Закончив все приготовления, слегка обалдев от пива, обезболивающего и усталости, я поставил будильник и забылся.

Гигантские москиты вились надо мной, зудели, жужжали и жаждали моей крови...

Я открыл глаза, встряхнулся, чтобы отогнать кошмар. Писк будильника усиливался, напоминая идущих в атаку москитов. Нажав кнопку, я облизал пересохшие губы и поплелся выпить воды. Да, день уже начинался, на улице виднелись ранние прохожие.

Я умылся, тщательно оделся и придал своему облику последние штрихи. Оживление на улицах достигло утреннего пика, я подхватил чемоданчик, убедившись, что в холле пу-

сто, закрыл за собой дверь и пошел не оглядываясь. Эта страница моей жизни дочитана, нынче – первая страничка жизни новой.

Во всяком случае, я на это надеялся. Весьма деловой походкой – полагаю, это выглядело вполне убедительно – я сошел вниз по лестнице и вышел на улицу.

И немедленно увидел полицейского, который стоял на углу и очень внимательно разглядывал всех подряд пешеходов.

Я на него даже не взглянул, а уставился на шедшую передо мной очаровательную девчонку с первоклассными ножками. Занявшись сим предметом, я пытался не думать о присутствии блюстителя закона. Приблизился к нему, прошел мимо и стал удаляться, ожидая окрика...

Которого не было. Возможно, полицейский и сам загляделся на девчонку. Но я прошел только мимо одного, а сколько их еще впереди?

Да, это была самая длинная прогулка в моей жизни. Так, во всяком случае, мне показалось. Двигался я не слишком поспешно, но и не очень медленно. Просто постарался сделаться частью толпы, простым служащим, спешащим на работу, которого заботят только начальник, доходы, расходы и долговые обязательства.

Еще одна улица – пока все спокойно. Теперь – свернуть за угол. Служебный проезд за торговым центром. М-да, тут местечко не слишком подходящее для бизнесмена вроде меня. Смотри в оба и не мешкай. А за поворотом ты будешь в

безопасности.

В безопасности?! Я покачнулся, словно от удара. У входа стоял служебный фургон Максвина, и громадный механик открывал двери.

Глава 14

Я взглянул на часы, прищелкнул пальцами и на всякий случай вышел из служебного проезда. И важно направился в ближайшую закусочную. В первой же кабинке там торчала парочка копов – наверное, чтобы мне не было скучно завтракать в одиночестве. Понятное дело, они пялились именно на меня. Глядя прямо перед собой, я пошел к дальнему столику. Между лопаток у меня зудело, но не чесаться же у всех на виду! Видеть я их не мог, но и так было понятно, что они глядят мне вслед, шепчутся между собой и приходят к выводу, что выгляжу я как-то странно. Лучше проверить. Да, встают, идут в мою сторону, подходят...

Краем глаза я видел штаны синего цвета рядом с собой, сердце застучало так громко, что, казалось, его звук слышен по всему ресторану. Сейчас прогремят роковые слова... Сейчас... мои глаза скользили вверх по штанинам...

А это был всего-навсего шофер в форменной одежде, который уселся напротив.

– Кофе, – сказал он в микрофон, развернул газету и углубился в чтение.

Сердце почти успокоилось. Я мысленно выругал себя за трусость и подозрительность. Самым густым басом, на который был способен, сделал заказ:

– Черный кофе и острую похлебку с клецками.

– Шесть долларов, будьте любезны.

Я закинул монетки в автомат. Под локтем зашумел механизм, и на стол выехал завтрак. Я не спеша позавтракал, глянул на часы и принялся за кофе. Как мне было известно по прошлому разу, когда я сам прятался в холодильнике, маквиновский техник затрачивает на профилактику минимум тридцать минут. Прошло уже сорок. Я поднялся и пошел к выходу, стараясь не думать о том, что увижу, когда наконец открою служебную дверь закусочной. Я ведь что сказал на прощание Слону? «Я буду первым, кто войдет в эту дверь». А первым оказался механик. Неужели он накрыл Слона? От этой мысли меня прошиб пот. Ну да ничего, скоро все выяснится. Я прошел мимо кабинки с полицейскими – те ушли. Надеюсь, подальше. Я вышел на улицу и снова свернул к торговому центру.

Приближаясь к двери, я держал ключ наготове. Улица впереди была пуста, но за спиной послышались шаги. Полиция? С утомительным постоянством мое сердце вновь застучало как бешеное. Возле двери я замедлил шаг. Остановился и незаметно бросил ключ на тротуар – чтобы сделать вид, будто только что его нашел. Поднял и внимательно разглядывал, пока человек проходил мимо. Он не проявил к моей персоне никакого интереса. Свернул себе служебным ходом на рынок и исчез.

Я быстро оглянулся – нет ли еще кого, и торопливо подскочил к двери. Повернул ключ, толкнул, – конечно, она не

открылась.

Установленный мной механизм задержки сработал прекрасно. Дверь откроется ровно через минуту. Через долгих шестьдесят секунд.

И в своем прекрасном костюме я был здесь неуместен, как титька на брюхе свинобраза, – так говаривали у нас на ферме. И вот, такой неуместный, я стоял и потел, ожидая появления полиции или случайного прохожего.

Наконец ключ повернулся, дверь открылась, и я ввалился внутрь.

Пусто! Только возле дальней стенки лениво погромыхивал автомат. Зажужжал, заурчал, куда-то вниз поехал бокал с напитком, следом за ним в путь отправился бургер. Но человека тут видно не было. Они его схватили. Следующий на очереди – я.

– А, мой мальчик. Я так и подумал, что это ты.

Слон появился из холодильника, невообразимо огромный в своем теплом одеянии, со спальником и сумкой под мышкой. Он захлопнул за собой дверцу, и тут меня покинули последние силы, и я сполз вниз по стеночке.

– У тебя все в порядке? – осведомился Слон с тревогой в голосе.

Я мог лишь слабо махнуть рукой в ответ.

– Все прекрасно. Дайте только дух перевести. Я боялся, что вас взяли.

– Не стоило тревожиться. Когда ты не появился сразу, я

понял, что тебе пришлось слегка изменить планы. И принялся репетировать эвакуацию на случай, если заявятся законные визитеры. И они-таки появились. Ты знаешь, в холодильнике довольно холодно. Я не знал, сколько они тут проторчат, но был уверен, что ты предусмотрел что-нибудь и на этот случай...

– Я должен был сказать!

– Не страшно. Я и так во всем разобрался. Нашел спрятанные наушники и слушал, как кто-то бормочет себе под нос. Теперь рассказывай. Были проблемы?

– Проблемы... – Я с облегчением рассмеялся. Но тут же умолк, уловив в своем смехе истерическую нотку. И рассказал ему все, опустив некоторые пикантные детали. Время от времени восклицая, он внимательно выслушал все до печального конца.

– Ты слишком строг к себе, Джим. Одна ошибка в течение такого трудного дня – право же, это простительно.

– Но непозволительно! Из-за своей глупости я чуть было не засыпал нас обоих! Но такое впредь не повторится.

– Тут ты ошибаешься. – Он наставительно погрозил пухлым пальцем. – Это может произойти в любой момент, пока ты не научишься работать. Тебе надо учиться, и серьезно.

– Конечно.

– До тех пор, пока подобные ляпсусы станут просто невозможными. При всей твоей малоопытности ты действовал на удивление удачно. Теперь ты сможешь совершенствоваться.

– И вы будете моим наставником... Я стану великим мошенником!

Тут он нахмурился и слегка помрачнел. Неужели я ляпнул что-то не то? Я нервно кусал губы, пока он расстилал спальник и усаживался, а когда наконец заговорил, я был готов внимать каждому его слову.

– Вот тебе первый урок, Джимми. Я не мошенник. И ты не мошенник. Преступниками мы быть не хотим, потому что преступники – люди глупые и никчемные. Важно понять именно то, что мы стоим вне общества и живем по своим, очень жестоким законам, которые еще более жестоки, чем в обществе, которое мы отвергли. Эта жизнь ведет к одиночеству, поэтому ее надо выбирать сознательно. И если выбор сделан, остается неукоснительно ему следовать. Ты должен стать более нравственным, чем остальные, потому что жить тебе придется, руководствуясь более жестким моральным кодексом. И в этом кодексе слову «мошенник» места нет. Это слово – из их языка, оно предназначено для таких, как ты, но тебе следует от него отказаться.

– Но я хочу стать преступником...

– Позабудь об этом. Знаешь, извини, конечно, но все это – юношеские амбиции. Эмоциональный выпад против общества, которое ты очень не любишь. А эмоции – это только эмоции, ерунда. Ты отвергаешь общество и в то же время принимаешь их слово, которое должно обозначать тебя. Мошенник. А мы не мошенники.

– Тогда кто же мы?

Слон сцепил пальцы и принял торжественный вид.

– Мы – граждане высшего света. Мы отринули глупые, косные, скучные до зевоты моральные и этические заветы, по которым живут остальные. И заменили их своими, куда более совершенными. Физически мы находимся среди них, но им не принадлежим. Где они ленивы, там мы деятельны. Где они безнравственны, там мы добродетельны. Где они лгут, там мы – сама правда. Мы, возможно, величайшая из сил, действующих на благо отринутого нами же общества.

Тут я растерянно заморгал, но терпеливо ждал, что он расставит все по местам.

– В каком мире мы живем? Оглянись вокруг. Граждане этой планеты, да и любой другой из обширного сообщества, известного как Галактическая лига, являются гражданами изобильного, богатого союза миров, где почти напрочь позабыто значение слова «преступник». Ты был в тюрьме и видел сброд дешевых подонков, которых они называют преступниками. И это просвещенный мир! А на других планетах – горстки недовольных и еще какое-то мизерное количество социально неприспособленных. Несмотря на то что генетический контроль существует уже очень давно, эти немногие рождаются до сих пор, но их выявляют очень рано и отправляют на коррекцию. Эту планету я покидал только однажды, отправившись в турне по ближайшим планетам. Ужас! По красочности и замыслу жизнь на этих планетах похожа на

размокшую обертку. И я поспешил вернуться в Райский Уголок, потому что, как здесь ни противно, но он в самом деле райский уголок в сравнении с остальными.

– Я хотел бы когда-нибудь увидеть эти другие миры...

– И ты должен, мой мальчик, это обязательно надо сделать. Но сначала найди свой путь в этом мире. И будь доволен, что до сих пор у нас не введен еще тотальный генетический контроль. И что на каждом углу не стоят автоматы для корректировки мышления тех, кто недоволен обществом. На других планетах все дети на одно лицо. Кроткие, мягкие и социально приспособленные. Конечно, у некоторых из них генетические погрешности – а мы называем это силой – не проявляются слишком рано. И эти бедолаги начинают испытывать себя на мелких преступлениях – грабежах, мелких кражах, угонах скота и прочей ерунде. Они могут продержаться месяц-другой – в зависимости от развития интеллекта. Но не дольше – полиция их отлавливает и отправляет на корректировку.

Усвоив эту информацию, я задал очевидный вопрос:

– Но если все это вовсе не преступность, не протест против общества, что тогда остается на нашу долю?

– Я надеялся, что ты не задашь этого вопроса. Эти неудачники и олухи, с которыми ты познакомился во время своей отсидки, составляют девяносто девять и девять десятых процента преступников в нашем чинном и благородном обществе. Оставшаяся одна десятая процента – это мы, неотъ-

емлемая составляющая общества. Без нас вселенная издохла бы от перегрева. Жизнь законопослушных граждан была бы без нас столь скучной, что им осталось бы только удавиться. Вместо того чтобы нас преследовать, им надлежало бы признать нас лучшими из достойнейших!

При этих словах его глаза сверкнули, голос загремел. Не хотелось, конечно, прерывать столь возвышенную речь, но требовались уточнения.

– Простите меня, но не объясните ли вы – почему?

– Хотя бы потому, что мы придаем смысл работе полиции, даем им возможность раскатывать в автомобилях, набитых всякой дурацкой техникой. А публика – с каким интересом слушает она репортажи о нашей работе, с каким жаром их обсуждает и наслаждается мельчайшими подробностями! А во что обходятся им все эти развлечения? Даром! Только приходится иной раз расплачиваться деньгами: железками и бумажками. А те, кстати сказать, застрахованы. Ведь если мы и берем банк, то деньги возмещаются страховой компанией, которая вынуждена понизить годовые дивиденды, но – на микроскопическую величину. Каждый клиент получит меньше на миллионную долю доллара. Никаких затрат, совершенно никаких. Мы благодетели человечества, мой мальчик, настоящие благодетели.

Но для того чтобы действовать на благо людям, нам приходится действовать вне пределов их правил и устоев. Чтобы сосуществовать с ними, мы должны быть осторожными,

как крысы. В прежние времена это было легче, крыс тогда в обществе было больше – законы были мягче: так, в старых деревянных домах их всегда водилось больше, чем в новостройках из бетона. Но крысы живут и там. Да, нынешнее общество сооружено из бетона и стали, и лазеек в нем меньше. И прогрызть себе новые ходы сможет не всякая крыса. Только стальная.

Тут я невольно разразился аплодисментами. Захлопал так, что отбил себе ладони. И он, принимая мое восхищение, величаво склонил голову.

– Это мы и есть – Стальные Крысы! – восторгался я. – Стальные Крысы! Это нелегкая доля немногих избранных – быть Стальной Крысой!

Он кивнул головой в знак согласия и продолжал говорить: – Согласен. Но у меня горло пересохло от речей. Не сможешь ли мне управиться с этими хитрыми механизмами? Выдои-ка из них двойной шерри.

Я кинулся к автоматам у дальней стены.

– С радостью покажу, как это делается. У каждого механизма есть проверочный тумблер. Обратите внимание, это автомат напитков. Сначала надо включить его, а затем – отвести лоток в сторону, чтобы напиток попал к вам, а не выехал в зал. На каждом лотке есть бирка. Видите – шерри. Легкое движение руки, и... готово.

Звякнув, выехал бокал. Слон тут же схватил его. Припал к нему губами и замер, а потом – зашептал уголками рта:

– Тут окошко, и на меня глядит какая-то фифа!

– Не волнуйтесь. Стекло зеркальное. Она просто любит свою мордашкой. Это окно используется для наблюдения за клиентами.

– Да? Верно, теперь вижу. Ну, они просто обжоры. Должен признаться, это зрелище несколько волнует мой желудок.

– Нет проблем. Вот управление горячими блюдами. Тут рядом как раз макманибургеры, не желаете?

– Весьма даже желаю.

– Пожалуйста.

Он ухватил бутерброд, по традиции украшенный глазами-бусинками и пушистым хвостом, и принялся уплетать. Было просто сущим удовольствием глядеть на него. Но тут мне пришлось отвлечься, чтобы не забыть опустить монеты в прорезь кассы.

У Слона глаза расширились от изумления. Еще не прожевав как следует, он заговорил:

– Ты платишь?! А я полагал, мы бесплатно пасем в гастрономическом раю, где круглые сутки бесплатно дают выпить и закусить!

– Да, но, учитывая, что я расплачиваюсь ворованными деньгами, выходит, что я просто возвращаю их в оборот, чтобы не пострадала экономика. Надо учесть еще и то, что система Максвина на послабления не рассчитана. Тут учитывают каждый кусочек льда, каждое волоконец мяса. При проверке механизмов механик знает, что он в ответе за каждую

порцию. Компьютер прослеживает каждый заказ, поэтому запасы холодильника и пополняются очень точно. Выручка автоматически извлекается из кассового ящика со стороны зала. И сразу попадает в бронированный фургон, замок которого открывается лишь набором шифра. Так что, если мы будем питаться бесплатно, это немедленно засекут. И придут выяснять, в чем тут дело. Впрочем, поскольку возвращаться сюда мы не станем, то, уходя, прихватим с собой всю кассу.

– Прекрасно, молодой человек, прекрасно... А то, признаюсь, меня слегка встревожило твое проявление честности. Ну ладно, раз уж ты там неподалеку, то состряпай порцию заячьего рагу, я плачу.

Глава 15

Видимо, школы бывают и в более странных местах, хотя, по правде говоря, представить себе этого не могу. Особенно скучать от одиночества нам не приходилось – время от времени даже разговаривать было невозможно из-за постоянно-го шума и лязганья максвиновских автоматов. Самый грохот стоял в часы ленча и обеда, еще один пик приходился на время, когда в окрестных школах кончались занятия. В такие моменты подкреплялись и мы – все равно разговаривать в этом производственном шуме было невозможно. Подкреплялись мы старательно и вскоре перебрали чуть ли не все меню Максвина. Макбаннибургеры исчезали в наших глотках без счета, впрочем, как и мороженое «Фуми». Мне, кроме того, весьма по душе пришлись доббиндоги, пока один из них, очутившись в моем желудке, не вступил в сложные отношения с заливными ножками свинобраза и с кошкофриттами. Что до вкусов Слона, то они оказались весьма неприятными, и ему поэтому пришлось по душе все меню сразу. После того как шум стихал, мы предавались неге и моя учеба возобновлялась. Наконец мы со Слоном добрались до компьютерных операций, и тут я понял, чем он занимался последние лет двадцать своей жизни.

– Дайте мне терминал – и я буду править миром! – заявил он, и его голос прозвучал так уверенно, что я понял – не врет.

– Когда я был молод, – Слон пустился в воспоминания, – то преуспевал в различных отраслях деятельности, направленной на то, чтобы развлечь обитателей этой планеты. Согласись, вовсе не плохо спереть деньги из сейфа во время их перевозки в банк и оставить вместо кучи банкнот свою визитку. Кстати, им так и не удалось сообразить, в чем там было дело...

– А в самом деле, в чем?

– Но мы, кажется, перешли к компьютерам?

– Давайте же разок отвлечемся. Обещаю использовать услышанное только на благое дело: готов повторить ваш трюк с тем, чтобы оставить там вашу визитку. Если вы, конечно, позволите.

– А что? Неплохая идея... На то и щука в озере, чтобы карась не дремал. Пусть-ка нынешние копы пораскинут мозгами. Что ж, я расскажу тебе о том дельце. Может, ты сам догадаешься, как я его обстряпал.

Итак. Старое, хорошо охраняемое здание центрального монетного двора. Стены двухметровой толщины. В здании установили новые гигантские сейфы, вмещающие миллиарды долларов. Когда из банка требовалось отправить деньги, то служащие – под охраной, разумеется, – загружали бумажки в инкассаторский контейнер, который запирался и опечатывался на глазах у всех присутствующих. Снаружи ждал бронированный фургон. Естественно, под охраной наряда полиции. По сигналу фургон подавал задом к наружной, то-

же бронированной, двери. В стене – специальная внутренняя камера, и процесс шел так: контейнер помещался во внутреннюю камеру изнутри, двери со стороны двора закрывались, открывались двери наружу – и они не открывались, пока не будут закрыты внутренние, – контейнер попадал в фургон, тот ехал на станцию, подъезжал к линеру и перегружался в бронированный вагон. Там тоже единственная дверь, которая запиралась, опечатывалась и ставилась под сигнализацию. Во время поездки охрана сидела в специальном отделении. Поезд приезжал на место, и процедура повторялась в обратном порядке: фургон, в него грузился все еще запечатанный контейнер, его перевозили в банк. Наконец открывали... И обнаруживали там лишь мою визитку.

– Великолепно!

– Объяснить тебе, как это было проделано?

– Вы были одним из охранников в поезде...

– Нет.

– Водителем фургона...

– Нет.

Я ломал голову в течение часа, наконец Слон сжалился надо мной и рассказал обо всем:

– Да, твои варианты неплохи, но они, увы, не совсем безопасны. Вообще ты более практичен, чем я. Я-то обычно предпочитал полагаться на мозг больше, чем на мускулатуру. Мне было незачем взламывать контейнер, чтобы взять деньги, потому что он был пуст, уже когда покинул здание.

Собственно, не совсем пуст – в нем лежали кирпичи и моя визитка. Теперь догадываешься?

– Деньги не покидали здания... – пробормотал я, пытаюсь подстегнуть свое воображение, – но они были загружены в контейнер, а контейнер был помещен в фургон...

– Ты кое-что пропустил.

Я щелкнул пальцами и вскочил на ноги.

– Конечно! Стена! Вы дали мне все ключи к разгадке, а я оказался непроходимо туп! Ну конечно же, стена – старая, каменная, в два метра толщиной!

– Именно. У меня ушло четыре месяца на то, чтобы пробиться внутрь. Испортились три робота, а я все же своего добился. Сначала мне пришлось купить здание, расположенное через дорогу от монетного двора, и пробить туннель. Киркой и лопатой. Очень медленно и очень тихо. Потом я полез вверх: сквозь фундамент, внутрь стены. Это оказалось не так уж и сложно, потому что каменными у нее были только наружная и внутренняя стенки, а промежуток между ними был просто засыпан булыжником. Бесшумной алмазной пилой я вскрыл стенки внутренней камеры и установил механизм, способный заменить контейнер за полторы секунды. Когда внутренняя дверь камеры, со стороны двора, закрывалась, то необходимо было переключить замок – только тогда открывалась наружная. А на это уходила прорва времени – целые три секунды. Они так и не поняли, как все это произошло. Кстати, механизм все еще на прежнем месте. Только, знаешь,

все это рытье туннелей – сплошная морока. Вот компьютерные операции – совсем другое дело. Чистый интеллект.

– Но разве в наше время, со всеми этими кодами и блокировками, компьютерные преступления еще возможны?

– То, что один человек может зашифровать, другой способен расшифровать. Не оставляя при этом никаких следов. Приведу тебе несколько примеров. Начну с того, что называется «кувырок». Иногда это еще называется «салями». Предположим, у тебя на счету в банке восемь тысяч долларов, которые приносят тебе восемь процентов годовых. Раз в неделю банк пересчитывает твой счет. То есть в конце первой недели банк умножит сумму счета на 0,0015384 и прибавит результат к сумме счета. Твое состояние увеличится на 12,30 доллара. Правильно? Проверь на калькуляторе.

Я подсчитал – результат был верен.

– Ровно двенадцать долларов и тридцать сантимов, – подтвердил я.

– А вот и нет, – решительно возразил он. – Прибыль составила 12,3072.

– Да, но как прибавишь к счету семьдесят две сотые сантима?

– Да, это непросто, потому что банковские счета знают только вторую цифру после запятой. И вот тут банк должен решить – что делать с остатком. Можно так: округлить все, что больше 0,005, – в большую сторону, а то, что меньше 0,0049, скинуть в нуль. За день все округления в общем да-

дут в среднем результат, близкий к нулю. Кроме того – и это общепринятая практика, – банк может просто забирать на свой счет все, что идет после второй цифры после запятой. Мелочь, а приятно. Но мелочь – только по банковским масштабам, а для отдельного клиента – сумма о-го-го! То есть если запрограммировать компьютер так, чтобы он скидывал все эти хвостики на отдельный счет, то выйдет, что баланс в порядке и никто не в обиде.

Я принялся терзать калькулятор и, увидев, что выходит, аж затрясся от восторга.

– Если с каждых десяти тысяч в округление уходит полсантима, то это прибыль в пятьдесят долларов!

– Да, и с какой суммы? А в нормальном банке масштабы куда больше, и они обеспечивают организатору доход как минимум пять тысяч долларов в неделю.

– И что, это самый мелкий и простой ваш компьютерный трюк?

– Конечно. Ну а когда человеку удастся проникнуть в суперкомпьютеры корпораций, суммы там просто астрономические. Да и сама работа на таком уровне – сплошное удовольствие. Потому что, если быть осторожным и не оставлять следов, корпорация даже не догадается, что ее надувают. Более того, они и знать об этом ничего не хотят и не верят, даже когда все становится совершенно очевидным. Да и обвинить кого-либо в компьютерном преступлении очень сложно. Отличное занятие для пожилого человека вроде ме-

ня. Я не попадался ни разу. Ну, кроме последнего...

Он тяжело вздохнул и погрузнел.

– Это мой грех! – воскликнул я. – Если бы не моя попытка найти вас, то вам бы не пришлось встречаться с федеральной полицией.

– Нет, Джим, ты тут ни при чем. Я недооценил их мер безопасности, которые оказались куда жестче, чем те, с которыми я сталкивался ранее. Что ж, моя ошибка – и мне за нее платить. И я до сих пор плачу. Кстати, в безопасности этого убежища сомневаться не приходится, но местная пища начинает мне что-то приедаться. А тебе?

– Это же еда моего поколения, – отрицательно покачал головой я.

– Ну да, об этом я не подумал. Лошадь на сене оскомину не набьет, да и свинообразу его пойло не опротивеет.

– А вы сможете прожить сто лет на одних омарах и шампанском.

– Эх, весьма точно подмечено, мой мальчик... Так как ты думаешь, сколько нам здесь еще торчать? – спросил он прямо, отодвинув в сторону тарелку с недоеденными крумплумами.

– Думаю, пару недель.

Он содрогнулся:

– Отличный шанс похудеть...

– К тому времени поиски прекратятся. Но и потом нам следует избегать открытого перемещения. Впрочем, я при-

думал одно средство. Кажется, оно вполне безопасно и надежно.

– И какое же?

– Суденышко. Небольшой катер на Стикс-ривер. Я купил его не так давно, на подставное имя, разумеется, и теперь он дожидается нас в бухточке, неподалеку от Биллвилла.

– Превосходно! – Он с жаром потер руки. – Конец лета, круиз на юг, жареная зубатка по вечерам, бутылки с вином охлаждаются в реке, бифштексы в придорожных рестораничках...

– А я еще и пол сменю...

Он моргнул и уставился на меня. Выслушав объяснения, облегченно вздохнул:

– Нас ведь могут увидеть с берега, так что мне придется вырядиться девицей. По крайней мере, пока не отъедем подальше.

– Отлично. Ну что же, а я слегка сброшу вес, мне тут держать диету несложно. Отпущу усы и бороду, выкрашу волосы в черный цвет. Заняться есть чем. Кстати, не лучше ли месяц, а не две недели? Еще две недели пойдут на пользу моей фигуре, а усы и борода за это время примут нормальный вид.

– Я с вами месяц продержаться смогу.

– Тогда решено. И большую часть нашего времени мы используем для обучения. «Лучше, быстрее и больше» – вот наш девиз на ближайшее время.

Надо сказать, что учеба занимала меня настолько, что вездесущий запах свинобургеров не тревожил, скажу больше – я даже был в состоянии продолжать их уплетать, чего нельзя было сказать о моем учителе, так что его фигура уменьшалась одновременно с тем, как возрастали мои знания по части нарушения законов нашего уважаемого общества. Я уже был готов двинуться в путь и раньше, но Слон был непоколебим.

– Если план принят, то исполнять его следует неукоснительно. План может быть изменен лишь в случае, когда меняются внешние обстоятельства. Человек есть животное разумное, и ему требуется приучить себя к порядку, чтобы стать мыслящим существом. А то, знаешь, причины для того, чтобы менять планы, всегда можно отыскать.

Он вздрогнул от грохота кухонных агрегатов – похоже, в школах окончились занятия – и подвел итог нынешнего дня:

– Итак, хорошо спланированная операция всегда удастся. Если вмешиваться в хорошо спланированное дело, то оно будет провалено. Наш план хорош. Поэтому мы будем его придерживаться.

Ко дню, назначенному для отправления в путь, Слон сделался намного стройнее и крепче. Горнило гастрономических испытаний еще более закалило его. А я, наоборот, прибавил в весе. Ну что же. Скучные пожитки собраны, сейф вычищен начисто, уничтожены все следы нашего пребывания. Оставалось только ждать, поглядывая на часы.

И тут раздался сигнал. Мы вскочили на ноги, радостно улыбаясь. Я отключил звук, а Слон распахнул дверь в холодильник. Когда в наружной двери повернулся ключ, мы закрыли дверь за собой. И стояли, ежась, в этом максвиновском склепе, слушая, как механик расхаживает по покинутому нами помещению.

– Слышите? – тихо спросил я. – Он ремонтирует холодильник возле аппарата с шерри. Не правда ли, довольно смешно?

– Я бы предпочел не обсуждать гастрономические темы, – поморщился Слон. – Кстати, не пора ли выходить?

– Пора. – Я отворил дверь на улицу и с непривычки зажмурился. Улица была пуста, не считая, конечно, служебного максвиновского фургона.

– Нам туда.

Мы выбрались наружу, и я закрыл дверь за собой. Уф, воздух был сладок, свеж, и даже то, что тут немного пованивало какой-то тухлятиной, казалось очень милым – я уже просто озверел от вечного однообразия максвиновских ароматов. Слон заторопился к фургону, а я пока аккуратно, двумя клинышками, заблокировал двери нашего павильона гастрономических ужасов. Если механику вздумается выйти раньше, чем ему положено, это его слегка притормозит. А нам-то и нужно всего минут пятнадцать.

По части отмычек и замков Слон оказался докой, так что, когда я отошел от двери, фургон был уже отворен. Он залез

внутри, я сел за руль и завел мотор.

Дальнейшее было весьма прозаично. Слона я оставил неподалеку от бухточки приглядывать за нашими пожитками, а сам отправился парковать похищенный фургон у ближайшего магазина. Потом, медленным шагом, вернулся на набережную.

– Наш катер вот тот – белый, – показал я, другой рукой одновременно проверяя, хорошо ли держатся мои усы. – Причал полностью автоматизирован. Сейчас я его подгоню.

– Итак, круиз начинается, – сказал Слон с веселым огоньком в глазах.

Я направился к причалу и вставил идентификационную карточку катера в щелку контроллера.

– Доброе утро, – раздался милый металлический голосок. – Вы идете на катер «Лаки Бакс». За подзарядку батарей с вас причитается двенадцать долларов. За судовой припас...

Он монотонно бубнил свою информацию, которую и так было видно на терминальчике, и ничего тут не поделать. Я переминался с ноги на ногу, наконец тот замолк, и я смог бросить монетки. Автомат заурчал и выплюнул обратно мой пропуск. Не спеша я подошел к катеру, вставил пропуск в замок и подождал, пока можно будет войти внутрь. Вскоре вышел в реку и направил катерок к одинокой фигурке на берегу.

Только в том-то все и дело, что не одинокой! Рядом со Слоном на лавочке восседала какая-то девица.

Я знай себе кружил и кружил по реке, а она не уходила. Слон сидел расслабленно и не подавал мне никаких знаков. Я сделал еще один круг и, завидя вдали патрульную полицейскую машину, счел за лучшее направиться к берегу. И тут девушка вскочила с лавочки и радостно кинулась ко мне:

– Да ведь это же Джимми ди Гриз! Какая приятная встреча!

Глава 16

Да, у жизни в запасе всегда найдется какой-нибудь сюрприз. Что подделаешь, подогнал катерок к причалу и пригляделся к девице повнимательнее. В конце концов, если она меня знает, то и я должен ее знать. М-да, ничего себе: куколка, рубашечка красиво топорщится, губки словно лепестки роз, нет сомнения – это воплощение моей мечты.

– Это ты, Бет? Бет Наратин?

– Как это мило с твоей стороны – вспомнить меня!

Я был готов выскочить с чалкой на берег, но она выхватила у меня канат и накинула его на кнехт. За ее плечом промелькнула патрульная машина, мелькнула и отправилась патрулировать дальше. Когда она заговорила, Слон поднял глаза к небу.

– А я вот шла-шла и вдруг гляжу – да кто же это?! Нет, Бет, сказала я себе, не может быть, чтобы это был Джимми. С чего бы это ему вылезать из максвиновского фургончика, да еще в таких усищах? Джимми теперь знаменитость, его все время по телевизору крутят, нет, просто не верится. А потом я подумала – а вдруг это все-таки он? Почему бы тогда нам не повидаться?! Я за тобой чуточку подсмотрела, вижу – ты поговорил с этим приятным джентльменом – и решила дожидаться тебя тут. Хотите по речке покататься?

– Да в общем-то... Но скорее не прокатиться, а прогулять-

ся. Денек-другой. Рад был тебя повидать, Бет.

Да, только это приятно и было – повидать. Как-никак предмет детского поклонения. Я помнил ее по школе, и забыть ее было трудно. Она была на четыре года меня старше, так что теперь рядом с нами сидела вполне зрелая женщина. Теперь ей, стало быть, двадцать один. А в своем классе она была лидером, королевой красоты школы в год ее выпуска. И по справедливости, надо отметить. Да и теперь выглядит вовсе не плохо. Ее голос будил во мне массу воспоминаний.

– Джимми, ну что же ты врешь... У вас столько вещей, что мне кажется – вы надолго. И знаешь, я тебя понимаю. На твоём месте я бы тоже отправилась куда подальше.

Последние слова она произнесла чуточку другим тоном. На что это она намекает? Задерживаться мы не могли. А ее намерения стали вполне понятными, когда она спрыгнула на борт и принялась раскачивать катерок.

– Лишнее местечко всегда найдется! – жизнерадостно крикнула она и примостилась на носу. Я вышел на пирс и взял вещи.

– Она узнала меня, – шепнул я Слону. – Что будем делать?

– А что мы тут можем поделаться? – вздохнул он в ответ. – Разберемся по дороге. Выбора-то никакого.

Что правда, то правда. Я вручил ему пожитки, а сам принялся распутывать мертвый узел, который она мимоходом завязала. Развязал, оттолкнул наш «Лаки Бакс» ногой и прыгнул на палубу. Слон поволок вещи в каюту, а я встал

за штурвал, запустил двигатель, и мы пошли вниз по реке. Подальше от Биллвилла, Максвина и закона.

Но только не от Бет. Она разлеглась на палубе прямо передо мной, юбочка задралась так, что мне оставалось только любоваться ее стройными ножками. Что я и делал. Видимо, почувствовав это, она обернулась, взглянула на меня и одарила понимающей улыбкой. А я-то, помнится, собирался на катерке преобразиться в девушку. Вот потеха-то...

– Ладно, Бет, выкладывай, – пробурчал я, с трудом переводя взгляд с ее ножек на речные просторы. Впрочем, я начинал сердиться.

– Что ты имеешь в виду, милый?

– А вот этого не надо. Ты сказала, что смотрела все последние новости. Стало быть – все про меня знаешь.

– Конечно. Ты взял банк и бежал из тюрьмы. Но знаешь, меня это особенно не волнует. У каждого свои проблемы, так что у меня – тоже. Но когда я увидела тебя и этот катер, то поняла, что деньги у тебя есть. Много денег, наверное. И решила к тебе присоединиться, а что?

Я мучительно старался думать не о ее ногах, а о деле. Она была помехой.

– Да, у меня отложено немного денег. Я могу дать тебе часть и высажу на берег...

– Спасибо, милый. Но только за деньги. Знаешь, берег исключается. Надоел мне этот Биллвилл. Я мир посмотреть хочу. А ты мне это путешествие оплатишь.

Она перевернулась на спину и стала улыбаться солнышку. Я мрачно прикидывал, что трех-четыре ударов вполне хватит, чтобы свернуть эту чудную шейку к чертовой матери.

Безо всяких шуток. Какие уж тут шутки! Проблему надо решать по возможности без шума. Мы летели вперед, вода за кормой распадалась на два пенных вала, Биллвилл остался позади, за изгибом реки открывались зеленые просторы полей. Слон выбрался на палубу и присел рядом со мной. Говорить в ее присутствии, понятное дело, было особенно не о чем.

Так, в молчании, мы провели почти час, и тут впереди показалась пристань у прибрежного магазинчика. Бет зашевелилась и села, ероша пальчиками свои роскошные светлые волосы.

– Знаешь, Джимми, я проголодалась. А вы, наверное, тоже. Почему бы нам здесь не пристать, а я сбегаю и куплю пива и чего-нибудь поесть. Годится?

– Вполне, – согласился я. Она сходит на берег, мы на максимальной скорости скрываемся в туманной дали.

– Но я на мели, – улыбнулась она. – Совсем-совсем. Так что, если хотите есть, дайте мне немного денег. Тысячи, полагаю, хватит.

Произнесено это было с таким невинным выражением на мордашке, что я задумался – а что у нее самой за проблемы? Судя по всему – вымогательство и шантаж: все данные для этого у нее были налицо. Пришлось вытащить бумажник.

– Прекрасно, – сообщила она, пересчитывая бумажки в пачке. Глазки ее при этом так и горели. – Я мигом обернусь. Я просто уверена, что вы меня дождетесь. Джимми, ты и твой приятель и соскучиться не успеете. Кстати, а его в программе новостей я видеть не могла?

Я проводил ее весьма выразительным взглядом почти до магазина. Ничего не скажешь, покачивания ее бедер были в самом деле замечательны.

– Живьем шкуру спускает, – пробурчал Слон.

– Угу. Спускает и сушиться вешает. Что делать?

– Пока только то, что она сказала. Убивать нельзя, так что выбирать не приходится. Да и не люблю я убийство как метод.

– И я не люблю. Хотя, честно говоря, очень уж хочется. Впервые в жизни.

– А что тебе о ней известно?

– Да почти ничего. Со школьных времен мы не встречались. Она сказала, что у нее какие-то проблемы, но что это означает?

Он задумчиво кивнул:

– Как только подвернется случай, я доберусь до компьютера. Выясню, не проходит ли она по полицейским спискам.

– А что это нам даст?

– Пока не знаю, мой мальчик. Но проверить надо. А пока придется смириться с имеющейся ситуацией. Хоть кошмары свиного дворца позади, да и преследователи тоже. По-

ка это созданыице намерено высасывать из нас деньги, мы в безопасности. Временно. Как бы то ни было, она все же украшение компании.

Возразить было нечего, оставалось сидеть и угрюмо ждать, когда вернется непрощеная гостья.

После ленча мы продолжили наше путешествие. Утомившись от солнечных ванн, Бет спустилась вниз вздремнуть. Слоны захотел постоять у штурвала, я объяснил ему все нехитрые премудрости управления и указал навигационные знаки. Говорить нам было почти не о чем. Но было о чем подумать.

Предмет наших дум объявился на палубе после полудня.

– Чудненькое суденышко, – сказала она. – Отличная спальня, кухонька и все остальное. Вот только там всего две кровати. Как же мы разместимся?

– В очередь, – буркнул я, ее голосок уже начинал действовать мне на нервы.

– Джимми, ты всегда был пошляком... Я думаю, что лучше всего мне спать внизу. А вы с приятелем чуточку потерпите. На палубе.

– Потерпеть, юная леди?! В мои-то годы торчать среди ночного тумана?

Слоны с трудом сдерживали гнев, а ее улыбка сияла как ни в чем не бывало.

– Ну что вы, – ответила она. – Уверена, вы что-нибудь да придумаете. А теперь я бы хотела сделать остановку в следу-

ющем городке. Знаете, все произошло так быстро, что я не успела собраться. Представляете, я оставила дома всю одежду и косметику.

– И что, тебе опять хватит парочки долларов? – осведомился я, просто так – чтобы разговор поддержать.

– Ну, думаю, еще одной тышчонки мне хватит.

– Пойду-ка я вниз, – сказал Слон и больше на палубе не появлялся, пока я не пришвартовался и леди не ушла. Он вынес две банки пива, я взял свою и сделал порядочный глоток.

– Убийство исключается, – твердо сказал он.

– Совершенно исключается, – хмуро согласился я. – Но мы можем насладиться хотя бы мыслями о нем.

– Просто поднять якорь и уплыть – нельзя. Она немедленно сдаст нас полиции и оторвет неплохое вознаграждение. Нам надо шевелить мозгами быстрее, чем она. К нам она попала случайно, это ясно. Денежки любит, так что давать ей их придется. А потом она решит, что вытянула из нас уже все, что можно, и сдаст полиции. На судне карта есть?

Было видно, что его мощный ум заработал на полные обороты. Без лишних слов я спустился вниз и принес карту. Он провел по ней пальцем.

– Мы, кажется, теперь вот тут. А ниже по течению, вот здесь, находится шумный городишко Валлс-Халла. Когда мы будем там?

Я прикинул масштаб и замерил расстояние пальцами.

– Если пораньше тронемся, то, думаю, завтра к полудню.

Его лицо озарила такая широкая улыбка, что глаза сузились в щелки.

– Прекрасно, просто замечательно. Все складывается как нельзя лучше.

– Что складывается?

– Мои планы. О них я пока умолчу, нужно продумать некоторые детали. Когда она вернется, то все, что ты должен делать, – это мне поддакивать. Теперь обратимся к бытовой стороне дела. Где мы будем спать ночью?

– На берегу, – ответил я, направляясь вниз. – Пока наша подружка еще не вытянула из наших карманов все, я пойду и куплю палатку и прочую чепуху.

– Отлично. Я останусь тут на страже и займусь деталями планов, пока ты не вернешься.

Я купил туристское снаряжение, отбивные и небольшой коллекционный набор изысканных вин. После маквиновского рациона хотелось разнообразия. Солнце клонилось к горизонту, я привязал катер к берегу на краю зелененького лужка – там мы могли разбить палатку. Склонившись над мясом, Слон причмокнул и объявил, что обед приготовит сам. Пока он хлопотал возле плитки, а Бет полировала ногти, я устроил жильё. За трапезу мы сели, когда солнце повисло над горизонтом, словно оранжевый шар. Это было великолепно. Никто не проронил ни слова, пока обед не закончился. Проглотив последний кусочек, Слон вздохнул, под-

нял бокал, пригубил и снова испустил вздох насытившегося человека.

– Хвалить себя нехорошо, но должен отметить, что уровень был высочайшим, – отметил он.

– Да, к тому же изо рта наконец-то исчез этот свинообразный привкус, – согласился я.

– Не нравится мне ваше вино. Гадость.

В темноте виднелся только силуэт девушки. Голосок, лишившийся шикарного телесного обрамления, оставлял желать лучшего, как, впрочем, и само содержание речи. Тем не менее, когда Слон заговорил с ней, в его голосе не было ни единой нотки раздражения.

– Бет! Вы позволите мне называть вас так? Спасибо. Так вот, Бет, завтра мы будем в Валлс-Халле, там мне придется сойти на берег, чтобы связаться со своим банком. Наши сбережения подходят к концу. Ты ведь не хочешь, чтобы у нас кончились деньги?

– Нет, конечно.

– Так я и думал. А что ты скажешь, если я принесу тебе из банка сотню тысяч долларов в маленьких купюрах?

Раздался ее изумленный вздох. Она нащарила рукой выключатель, и на катере вспыхнули ходовые огни. Впервые утратив душевное равновесие, она уставилась на Слона, совершенно изумленная.

– Что за игры, дядя?

– Никаких игр, милая Бет. Я просто хочу оплатить нашу

безопасность. Тебе известны определенные вещи, о которых вслух лучше не говорить. Мне кажется, что это достаточная сумма за твоё молчание. А ты как считаешь?

Она заколебалась. Затем – расхохоталась.

– Конечно да. Дайте мне только взглянуть на эти денежки – и путешествуйте себе дальше без вашей маленькой бедняжки.

– Договорились, моя дорогая, договорились.

Больше на эту тему мы не говорили да вскоре отправились спать. День выдался трудным для всех нас. Бет осталась на катере, а мы спустились к палатке. Я ещё сходил к катеру и установил сигнализацию – чтобы катер не унесло ночью, и когда вернулся, Слон уже храпел вовсю. Перед тем как уснуть, я понял, что впереди у нас ещё один день свободы – прежде чем Бет задумает обратиться в полицию. Пока она ждёт денег, и это заставляет её молчать. Уже в полудреме я понял, что этого-то Слон и добивался.

Несмотря на все протесты Бет, вниз по реке мы двинулись через час после рассвета. Она вышла на палубу позже, хмурая, но вскоре её настроение улучшилось – после того как Слон рассказал ей, как, ничего не тратя, разместить капитал, чтобы он приносил приличный доход. Коснулся темы покупок, объяснил, какие вещи станут ей доступны уже сегодня вечером, и околдовал её, как удав кролика. В его игре я не понимал решительно ничего, но получал от неё огромное наслаждение.

В полдень я пришвартовался к причалу на канале, который разрезал Валлс-Халлу надвое. Центр города был неподалеку. Слон выглядел солидно: борода расчесана, усы подкручены. Он был собран и деловит.

– Много времени это не потребует, – сообщил он и удалился.

Бет посмотрела ему вслед, дрожа от нетерпения.

– А он что, и впрямь тот самый Слон? – спросила она, едва тот исчез из вида.

– Не знаю.

– Да ладно чепуху молоть. По тривизору была передача о том, как его вычислил один коротышка с усами. Ну вылитый ты.

– Не я один на свете с усами.

– Нет, никогда бы я тогда, в школе, не подумала, что ты кончишь именно так.

– Взаимно. Я восторгался тобой на расстоянии.

– Ну да, как и всякий подросточек. Думаешь, я не знала? Мы с девчонками над этим хихикали, да ты представь, учителя ведь и те туда же...

Умолкнув, она кинула в мою сторону сердитый взгляд, на что я мило улыбнулся и пошел вниз – мыть посуду, поскольку этой работы подружка старательно избегала. Мне оставалось домыть всего ничего, когда с берега донесся крик.

– Эй, на катере! Позвольте взойти!

На причале стоял Слон, сияющий и великолепный. Его

новый костюм, похоже, обошелся в целое состояние. Чемодан, который он держал в руке, был из настоящей кожи, весь украшенный какими-то сияющими золотыми штукovinaми. Глаза у Бет сделались как блюдца. Слон взобрался на борт и заговорщически подмигнул нам.

– Лучше спуститься вниз. Всему миру вовсе не обязательно знать, что в этом чемодане.

Бет пошла первой. Слон прижимал чемодан к груди, пока я закрывал дверь. Затем смахнул со стола бумаги, положил чемодан и медленно открыл крышку.

Даже я оторопел. Тут было куда больше ста тысяч долларов. Бет уставилась на деньги, протянула руку и взяла пачку тысячедолларовых банкнот.

– Настоящие? Они настоящие? – спросила она.

– Прямо из хранилища. Лично проверил.

Оставив ее любоваться денежками, Слон повернулся ко мне:

– А теперь, Джим, не окажешь ли ты мне маленькую услугу? Найди веревку, что ли, или бечевку. Ну, сам сообрази. Кроме того, хотелось, чтобы было тихо, когда ты будешь связывать эту маленькую паршивку.

Я этого ожидал – в отличие от нее. Ее ротик еще только раскрывался для крика, а я уже схватил ее за горло и сильно надавил чуть пониже ушей.

Глава 17

С жестоким наслаждением я разодрал одно из одеял на полосы, связал нежные запястья Бет и не менее нежные лодыжки. Рот мне удалось залепить пластырем. Как раз в тот момент, когда она очнулась и собралась закричать. Не получилось.

– А дышать она сможет? – деловито осведомился Слон.

– А то! Взгляните только, как в глазах ее сверкает ярость и как гнев вздымает прекрасную грудь. Разумеется, она прекрасно может дышать – через нос. Только объясните мне, что все это значит и что мы делаем дальше.

– На палубе, если ты не против.

Прежде чем заговорить, он подождал, пока дверь за нами будет плотно прикрыта.

– Наши неприятности позади, мой мальчик, – начал он, радостно потирая руки. – Я понял это, лишь взглянув на карту. Во-первых, в этом городе есть банк, филиал «Галактик траст», в котором у меня имеется счет, и, как я убедился, весьма внушительный. Второй факт, достойный интереса, состоит в том, что в городе есть космопорт.

Несколько мгновений я не понимал ничего. Кажется, я пытался сложить вместе оба факта. Один плюс один равняется двум. Неплохо. И тут моя челюсть отвисла...

– Вы хотите сказать, что нам... что мы покидаем планету?

Он ухмыльнулся и кивнул:

– Именно. Этот маленький мир стал слишком тесен для нас. Пришло время отряхнуть пыль Райского Уголка с наших ног и удалиться от него на парочку световых лет. Ты, помнится, говорил, что хотел бы попутешествовать?

– Да, но контроль... Инспекция, полиция и прочее такое?

– Разумеется. Но таможенную и иммиграционную службу можно обойти. И я знаю, как именно. Прежде чем решиться на этот план, я выяснил, какие корабли нынче есть в порту. Утром, когда я сходил с катера, я еще ничего толком не знал. Мне хотелось лишь достать денег и стреножить девчонку. И посмотреть косморасписание. Но судьба к нам благоволит. В порту готовится к вылету грузовик с Вении, отправка – рано утром. Это ли не чудно?!

– Наверное. Но если бы я еще понимал, что тут к чему...

– Джим, у тебя страшно запущено образование. Мне казалось, что любой школьник знает, насколько продажны венианцы. Они же просто сущее наказание для полиметристов Галактической лиги. Совершенно неисправимы. Девиз Вении – «La regloj c'iam sansiligas». Что приблизительно переводится так: закон что дышло – куда повернешь, туда и вышло. Или: не подмажешь – не поедешь. Хотя нельзя сказать, что Вения – мир преступников. Нет, это скорее планета чудаков.

– Звучит интригующе, – согласился я. – И что же вы предприняли?

– Пока ничего. Но думаю – в космопорте все уладится.

– Ну, наверное.

Я был далек от энтузиазма. План выглядел слепленным на скорую руку, и в нем была куча изъянов.

– А что делать с девушкой?

– А ничего. Мы оставим сообщение полиции, пошлем по электронной почте с указанием доставить его после нашего отлета. Сообщим место, где ее найти.

– Но оно не должно быть слишком оживленным. Ниже по течению есть автоматизированная пристань. Я там причалю где-нибудь с краю.

– Отлично. Расскажи мне, как туда добраться, и я отправлюсь в космопорт. Встретимся в двадцать три ноль-ноль.

– Согласен.

Я поглядел ему вслед, завел мотор, развернулся и отправился к пристани. Добрался туда уже почти в полной темноте. Пристань заливал яркий свет, и канал просматривался великолепно. Большинство суденышек были отшвартованы ближе к берегу, что мне было вполне на руку. Я выбрал самую дальнюю стоянку, пришвартовался и спустился в каюту. Включил свет. Меня встретил ненавидящий взгляд прелестных глаз. Прикрыл дверь и уселся на койку напротив Бет.

– Я хочу поболтать с тобой. Послушай, ты обещаешь не орать, если я отлеплю пластырь? Мы все равно довольно далеко от города, и тут тебя никто не услышит. Договорились?

Она нехотя кивнула. Я отклеил пластырь и едва успел от-

дернуть пальцы от ее шелкнувших зубов.

– Я тебя убью, зарежу, растопчу...

– Ну ладно, ладно. Согласись, из нас двоих это могу сделать скорее я. Так что лучше заткнись.

Она замолкла. Кажется, наконец она осознала свое положение, поскольку в глазах теперь был скорее страх, чем ненависть. Не могу я терроризировать беззащитных девушек, но она же первая начала. В общем, теперь она была готова слушать.

– Тебе, наверное, неудобно. Полежи спокойно, я тебя развяжу.

Едва я освободил ее руки, она попыталась вцепиться ногтями в мое лицо. Этого я ожидал, так что она вновь оказалась без чувств на своей койке.

– Ну, не надо глупостей, – попросил я. – А то опять свяжу и залеплю рот пластырем. Не забывай, ты же сама во всем виновата.

– Ты бандит, вор. погоди, доберется до тебя полиция...

– Ну а ты – маленькая шантажистка. Давай-ка не будем ругаться и поговорим по душам. Что нам делать с тобой дальше? Мы, видимо, оставим тебя на катере, полиции будет сообщено, где ты, лишь когда мы окажемся достаточно далеко отсюда. Я уверен, тебе будет что им рассказать. Тут ходит линер и есть магистраль. Нас ты больше не увидишь, да и они, думаю, тоже.

– Я хочу пить.

– Сейчас принесу тебе что-нибудь.

Ну конечно, она немедленно попыталась прорваться к дверям. И снова решила выцарапать мне глаза, едва я повернулся к ней спиной. Разумеется, этого я не допустил. Чувства ее понять можно, но она могла бы и воздержаться выражать их столь назойливо.

Время тянулось медленно. Ничего особо интересного она мне рассказать не могла, да и я ей тоже. Прошло несколько унылых часов, наконец катер качнулся – кто-то в него запрыгнул. Я тут же кинулся к ее кровати, но девчонка все же успела пронзительно взвизгнуть, прежде чем я в очередной раз отключил у нее звук. Дверная ручка щелкнула и повернулась.

– Кто там? – крикнул я, принимая боевую стойку.

– Не чужие, уж поверьте, – донесся знакомый голос.

С облегчением я открыл дверь.

– Она слышит? – осведомился Слон, кинув взгляд на безмолвную фигуру, распростертую на койке.

– Возможно. Сейчас я проведу профилактику и выйду на палубу.

Он вышел первым, а когда на палубе появился я, ночное небо осветила яркая вспышка и вверх ушла светящаяся точка.

– Добрый знак, – заметил Слон. – Пошел в глубокий космос. Ну, все готово. Сейчас важно все делать быстро, и, я полагаю, надо брать вещички и трогаться.

– А на чем?

– Я взял напрокат машину.

– Ее же выследят.

– Надеюсь. Бюро проката находится на линер-станции.

Билеты я взял. Ты доволен?

– Да, я упомянул линер, болтая с нашей подружкой.

– Два великих ума всегда смогут работать как один. Я сейчас спущусь вниз и для надежности выроню билеты так, чтобы она это заметила. Все равно надо спускаться, чтобы собрать вещи.

И проделал он это, надо сказать, виртуозно: я просто заметить не успел, как голубенькие билеты на линер выпали на одеяло. Выпали из кармана сами по себе, без помощи рук. Высокий класс! Со сборами мы обернулись быстро и пошли прочь. В дверях я не удержался и послал Бет воздушный поцелуй. В ответ, разумеется, получил яростный взгляд и глухое рычание. Хотя, если подумать, ей грех жаловаться: пару тысконок она у нас все же умыкнула.

Мы сдали машину на станции и добрались до линера. Подождали, пока он уйдет, и, никем не замеченные, отправились в космопорт. Только при виде залитого светом борта корабля я осознал: вот он – момент воплощения всех моих планов и усилий.

Да, я оставляю планету! Одно дело – смотреть космооперы и совсем другое – отправиться в пространство. Я покрылся гусиной кожей: нет, это просто замечательно! Новая

жизнь будет прекрасной!

– Пошли в бар, – скомандовал Слон. – Наш человек уже там.

Худой человек в замызганном комбинезоне, казалось, уже собирался уходить, но, увидев Слона, вновь опустился на место.

– *Vi estas malfurua!*² – сердито начал он.

– *Vere – sed me havas la monon*³, – ответил Слон, извлекая приличную пачечку банкнот, при виде которой наш собеседник мигом угомонился. Деньги поменяли хозяина, далее последовал краткий обмен репликами, и следом за первой в недрах комбинезона исчезла и вторая пачечка. Довольный космолетчик повел нас в сторону служебного фургона, в который мы и забрались. Дверь захлопнулась, и в полной темноте мы отправились в путь.

Вот уж приключение! Мимо грохотали невидимые нам машины, раздавались странные скрипящие звуки, затем слышалось громкое шипение, будто мы ехали внутри гигантской змеи. Вскоре фургон остановился, наш провожатый вышел и отворил дверь. Я выбрался первым и обнаружил, что стою у подножия пандуса, ведущего к корпусу несколько обшарпанного корабля.

А рядышком, уставившись прямехонько на меня, стоял охранник.

² Вы опоздали! (*эспер.*)

³ Верно, но у меня есть деньги (*эспер.*).

Ну вот и приехали. Приключение окончилось, не успев начаться. Что делать? Бежать? Нет, нельзя оставлять Слона. Пока я тупо соображал, Слон спокойненько обошел меня и не спеша направился к охраннику.

И сунул ему пачку банкнот.

Тот еще пересчитывал купюры, а мы уже топали по пандусу, торопясь за нашим космонавтом и волоча сумки с багажом.

– *Enigü rapide!*⁴ – приказал провожатый, распахнув дверь в отсек. Дверь захлопнулась, и мы оказались в полной темноте.

– Тихая гавань, – вздохнул Слон и начал шарить руками по стене в поисках выключателя. Наконец свет вспыхнул. Мы находились в крохотной каюте с двумя узкими кроватями и микроскопической душевой. Весьма уныло.

– Милый домашний уют, – почти проворковал Слон, озираясь вокруг с благодушной улыбкой. – Нам придется провести здесь по меньшей мере два дня. Так что давай-ка спрячем пока свои пожитки. А не то капитан примется на нас наезжать и сумму взятки придется удвоить.

– Что-то я не вполне понимаю. Вы разве еще не заплатили?

– Да нет, это были только первые взносы. Взятками не делаются, чтобы ты знал. Искусство давать взятку – весьма тонкое. Космонавт получил за то, что довел нас до корабля в обход наземных служб и устроил так, что на посту окажется

⁴ Заходите скорее! (*эспер.*)

охранник, который возьмет с нас свою долю. А офицеры на корабле о нашем присутствии пока не подозревают – в частности капитан, которому причитается самый большой куш. Ты все это увидишь собственными глазами.

– Да, не помешало бы. И вправду это сложная наука.

– Да, вот именно.

– Ну, вам хорошо – вы знаете их язык и можете договориться.

Тут брови Слона поползли вверх от удивления.

– Так ты что же, нас не понимал?

– Нет, я в школе иностранного языка так и не выучил. Ни одного.

– Иностранного?! – Слон, казалось, был просто потрясен. – Ну, ты, верно, вырос в самом глухом углу этой порослячьей планеты! Это же не иностранный, милый мой! Это эсперанто, межгалактический язык, очень простой, и его все знают с детства и говорят на нем как на родном. Твое образование в катастрофическом состоянии, но делу можно помочь. Ты сможешь заговорить на нем еще до того, как мы приземлимся. Для начала запомни, что все глаголы настоящего времени всегда оканчиваются на as...

Он умолк, потому что кто-то дернул дверную ручку. Слон приложил палец к губам и указал мне кивком на душевую. Я нырнул туда и включил свет, он тут же погасил свет в каюте. Протиснулся ко мне, и я погасил свет и в душевой. Слон закрыл дверь, едва только стала открываться дверь в коридор.

В каюте послышались шаги, затем негромкий свист. Простая проверка, ничего страшного, сейчас он уйдет...

Но дверь в душевую распахнулась. Вспыхнул свет. С головы до ног расшитый золотом офицер глянул на Слона, забившегося в душевую кабинку, на меня, примостившегося на умывальнике, и премерзко ухмыльнулся:

– То-то мне почудилось, будто внизу кто-то возится. Безбилетники!

И в его руке появился маленький пистолетик.

– А ну вылезайте. Сейчас вы сойдете на землю, а я вызову местную полицию.

Глава 18

Наклонившись вперед, я перенес вес тела на левую ногу, напряг мышцы. Пусть только Слон отвлечет внимание офицера, и я кинусь в атаку. Ходить с голыми руками против пистолета – удовольствие сомнительное, но и возвращаться в тюрьму хотелось не слишком. Слон, похоже, мои намерения понял и предостерегающе поднял руку.

– погоди, Джеймс, не будем торопиться. Ты отдохни пока, а я переговорю с господином офицером.

Его рука медленно скользнула в карман и извлекла оттуда тонкую пачку кредитов.

– Это аванс за маленькую услугу, – сказал Слон, передавая бумажки офицеру, схватившему пачку обеими руками.

Ему это удалось без труда, поскольку пистолет успел уже где-то исчезнуть – так же быстро, как и появился. Пока Слон начинал свою речь, офицер быстренько пересчитал деньги.

– Услуга, о которой мы вас просим, состоит всего-навсего в том, что вы нас не обнаружите в течение двух дней. Такую же сумму вы получите завтра, и еще раз мы вам заплатим, когда вы нас обнаружите и поведете к капитану. Послезавтра.

Деньги исчезли, и вместо них в руке офицера снова появился пистолет – просто фокусник какой-то, я так и не заметил движения его рук. Мог бы на сцене выступить.

– А мне кажется, – медленно начал офицер, – что лучше будет, если я заберу все деньги, которые у вас при себе и спрятаны в чемоданах. Деньги заберу, а вас отведу к капитану.

– Да ну... – поморщился Слон. – Я же расскажу капитану, сколько именно вы взяли, и он все отберет, а вам не останется ничего. Да, еще сообщу, кто из команды был также подкуплен, у них тоже отберут деньги, и не думаю, что это прибавит вам популярности на корабле.

– Пожалуй, в ваших словах есть доля истины. – Офицер задумчиво почесал щеку, пистолет опять куда-то пропал. – Если бы немного прибавить, тогда, возможно...

– Не более десяти процентов. – Слон был строг, но прибавку выплатил. – До завтра. Закройте, пожалуйста, за собой дверь.

– Разумеется. Приятного путешествия.

С этими словами он вышел, я выбрался из душевой, схватил Слона за руку и пожал ее.

– Поздравляю, сэр. Это было просто великолепно! Я даже не подозревал, что это искусство может достигать подобных высот.

– Благодарю тебя, мой мальчик. Думаю, ты усвоил основные правила. Конечно, он и не собирался выкидывать нас с корабля. В его словах крылось лишь коммерческое предложение. Я его принял, он поднял цену, я согласился и закрыл торг. Он знал, что больше из меня выжать невозможно,

потому что мне предстоит еще расплачиваться с капитаном. Разумеется, без лишних слов он сообразил, что капитан ничего не узнает о полученной им взятке. Все по правилам...

Его слова были прерваны громким сигналом в коридоре, над дверью замигала красная лампочка.

– Что-то случилось?

– Наоборот. Мы стартуем. Думаю, лучше нам прилечь, а то эти древние колымаги при старте идут с диким ускорением. Ну что же, еще несколько минут – и этот убогий Райский Уголок простится с нами. Надеюсь, навсегда. Эта ужасная тюрьма, свиньячья пища...

Его слова потонули в нарастающем гуле, койки задрожали. На грудь навалились стартовые перегрузки. Ну прямо как в кино – только в действительности все оказалось куда более впечатляющим. Вот оно! Стартовали! Какие радости ждут нас впереди?..

Но еще весьма далеко впереди. Матрац был тонкий, спину ломило от перегрузок. Несколько раз мы проходили через невесомость, опять перегрузки, и наконец установилась нормальная искусственная гравитация. Или почти нормальная. Время от времени там что-то сбоило и сила тяжести прыгала вверх-вниз. А вместе с ней и мой желудок. Так что это даже к лучшему, что в нем давненько не было никакой пищи. Из всего провианта у нас была лишь затхлая, отдающая ржавчиной вода. Так и летели. Офицер был подкуплен, никто к нам не заходил, я валялся на койке и старательно изучал эс-

перанто. Через двое суток гравитация наконец стабилизировалась, и ко мне немедленно вернулся аппетит. Оставалось ожидать, когда нас обнаружат, сдерут взятку – и накормят.

– Безбилетники! – охнул, распахнув дверь, наш знакомый офицер и в ужасе отшатнулся от такой отвратительной картины. Видимо, он разыгрывал пришедшую вместе с ним проводницу. – Ужасно! Неслыханно! А ну, быстро поднимайтесь и следуйте за мной. Капитан Гарт с вами разберется.

Представление вышло вполне убедительным, разве что впечатление несколько смазала рука офицера, протянувшаяся за деньгами сразу, как только отвернулась проводница. Той, кстати, вся эта комедия была явно скучна. Надо полагать, она была в доле.

Мы вышли, миновали коридор и поднялись на три пролета по металлической лестнице. И оказались на мостике. Ну хоть капитан был шокирован, увидев нас, – похоже, он был единственным на корабле, кому не было известно о нашем существовании.

– Разрази меня гром – откуда вы взялись?

– Из пустой каюты на палубе С.

– Но вы были обязаны проверить эти каюты! – Капитан обернулся к нашему знакомцу.

– Я проверил, капитан, и это записано в бортжурнале. За час до старта. А после этого я был с вами на мостике. Видимо, в это время они на борт и проникли.

– Кому вы дали взятку? – Капитан обернулся к нам, ста-

рый и седой космический волк смерил нас недобрым взглядом.

– Никому, капитан, – ответил Слон глубоко порядочным голосом. – Старые грузовозы типа «Рейти» я знаю очень хорошо. Перед самым стартом охранник зашел внутрь корабля. Мы незаметно проследовали за ним и спрятались в каюте.

– Не верю ни единому слову. Говорите, кого вы подкупили, или отправитесь в карцер.

– О, капитан! Ваш экипаж совершенно неподкупен и взятки не берет! – Недоверчивое фырканье капитана Слон просто игнорировал. – И у меня есть тому доказательства. Все мое скромное состояние в целости и полной сохранности. Вот в этом кармане.

– Выйдите! – немедленно приказал капитан остальным. – Всем выйти! Я принимаю вахту. Заодно допрошу эту парочку более подробно.

Члены команды и офицер с безразличными лицами вышли из рубки. Когда помещение опустело, капитан резко обернулся в нашу сторону:

– Давайте.

Слон вручил ему довольно скромную сумму, капитан пересчитал деньги и тряхнул головой.

– Маловато будет.

– Разумеется, – кивнул Слон. – Это только первый взнос. Остальное вы получите после посадки на какой-нибудь при-

ятной планетке с ленивыми таможенниками.

– Вы хотите слишком многого. У меня нет никакого желания нарываться на неприятности с местными властями за нелегальный ввоз иммигрантов. И потом, мне куда легче сначала избавить вас от денег, а затем – избавиться от вас.

Этот сильный ход не произвел на Слона решительно никакого впечатления. Он похлопал по карману и покачал головой:

– Это невозможно. Окончательный расчет – этим чеком Галактического банка на двести тысяч. Он недействителен, пока я не поставлю на нем свою подпись. Вторую подпись. А я даже под пыткой не подпишу его, прежде чем мы ступим на твердую землю.

Капитан выразительно пожал плечами и отвернулся к пульту. Там он пощелкал какими-то, вряд ли особенно важными, кнопками и снова обернулся к нам.

– Но вы должны оплатить питание, – вполне миролюбиво сообщил он.

– Разумеется. Давайте условимся о цене.

Казалось, что все наконец улажено, но в коридоре Слон шепнул мне на ухо:

– Каюта, несомненно, прослушивается. Наш багаж проверен. Все деньги при мне. На всякий случай постоянно держись рядом. Этот офицер, например, может весьма профессионально обчистить карманы. А теперь, может, нам слегка подкрепиться, как ты считаешь? Раз уж за все заплачено, то

не закончить ли нам вынужденный пост роскошным пиром?

Мой желудок радостно забурчал, соглашаясь с этим предложением, и мы двинулись на камбуз. Пассажиров на корабле не было, так что толстый и небритый кок подавал только венианскую пищу. А это... Ну, наверное, аборигенам не привыкать, зато остальным... Вы когда-нибудь ели, одновременно зажимая себе нос? Что именно мы едим – повара я не спрашивал. Боялся, что он объяснит. Тяжело вздохнув, Слон приступил к еде.

– Да, об одной детали венианской жизни я забыл совершенно, – сказал он мрачно. – О еде. Избирательность памяти подвела. Хотя что ж тут странного – кто и когда захочет вспоминать такой вот пир?

Я полоскал водой рот, поэтому ответить ему не мог.

– Мелочь, а приятно, – сказал я наконец. – По крайней мере, хоть водичка тут получше, чем в каюте.

Слон снова тяжело вздохнул:

– Да это ж ты кофе пьешь, милый.

М-да, путешествие оказалось не из самых приятных. В весе мы потеряли сильно, поскольку обеды чаще пропускали, чем на них присутствовали. Я продолжал учиться, познавал тонкие детали науки хищений, взяточничества, двойной и тройной бухгалтерии – все только на эсперанто. Язык и в самом деле оказался довольно простым, так что вскоре я на нем мог уже свободно разговаривать.

Во время первой посадки мы сидели на корабле: вокруг

было полно солдат и таможенников.

– Не здесь, – сказал капитан, разглядывая на экране окрестности. – Планета очень богатая, но чужаков тут не любят. Вам подойдет следующая планета этой же системы. Она аграрная, мало населена. Иммигранты там настолько нужны, что даже таможня отсутствует.

– Название? – осведомился Слон.

– Амфисбиона.

– Никогда не слыхивал.

– И неудивительно. Одна из тридцати тысяч обитаемых планет.

– Верно. Но все же...

Слон выглядел явно озабоченным, и я не мог понять – почему. Если не понравится планета, то у нас достаточно денег, чтобы с нее выбраться. Но какое-то неясное предчувствие, видимо, сильно тяготило моего приятеля. Он даже подкупил эконома, чтобы тот пустил его к бортовому компьютеру. И когда мы в очередной раз сражались с обедом, он мне все рассказал:

– Это все воняет даже хуже, чем наша жратва.

Начало было многообещающим, что и говорить.

– Я не смог отыскать в галактической лоции никаких сведений о планете под таким названием. А лоция дополняется автоматически при каждой посадке на новую планету – после того, как корабль сообщает об этом по планетарной связи. К тому же я ничего не узнал о следующем пункте нашего

маршрута из программы полета. Там стоит блок. А код знает только капитан.

– Что мы можем сделать?

– Ничего – пока не окажемся на месте. Вот тогда-то и увидим, что он задумал.

– А если подкупить кого-нибудь из офицеров?

– Я пробовал. И добился лишь ответа, что только сам капитан знает, куда мы летим. И вот эту важную новость мне сообщили только после того, как я за нее заплатил. Грязный фокус. Впрочем, я тоже так умею.

Ободрить его мне не удавалось. Думаю, он был сломлен еще и венианской пищей. По мне, так хорошо было бы попасть на эту планетку, какой бы она там ни оказалась. Приличный вор проживет в любом обществе. Тем более что еда там наверняка получше этой вот бурды.

Мы оставались на ногах, пока корабль не приземлился и над дверью не вспыхнул зеленый свет. Наши скудные пожитки были уложены, и мы поплелись к выходу. За пультом шлюза стоял сам капитан и что-то бормотал, пока анализаторы забортного воздуха делали свое дело: шлюз не откроется, если не будет получен удовлетворительный результат.

Наконец прибор пискнул, капитан нажал кнопку. Огромный люк медленно откинулся, внутрь повеяло теплым пряным воздухом. Мы стали настороженно принюхиваться.

– Вот ручка, – произнес капитан Гарт.

Слон улыбнулся. Капитан пошел вперед, мы с чемодана-

ми топали за ним. Стояла ночь, в вышине ярко сияли звезды, какие-то невидимые существа кричали в темноте. Только над шлюзом светился огонек.

– Покончим с нашими делами здесь, – произнес капитан, остановившись на краю трапа. Слон отрицательно покачал головой и указал на металлическую поверхность.

– Мы все еще на корабле. Пожалуйте на землю.

Они сошлись, что подписание документа произойдет на нейтральной территории – на пяточке неподалеку от трапа. Слон вынул наконец свою ручку и аккуратно поставил подпись. Капитан – какая подозрительность – сверил ее с подписью на чеке и кивнул. И тут же торопливо направился к трапу. Мы подняли вещи и пошли в темноту.

Тут капитан внезапно обернулся и крикнул:

– Теперь они ваши!

Как только трап поднялся, вспыхнули мощные прожекторы – пришили нас к земле, как мотыльков. К нам бежали вооруженные люди. Мы были в ловушке.

– Чувствовал ведь, что здесь что-то не так, – пробормотал Слон.

Он выронил сумки и мрачно уставился на бежавших к нам людей.

Глава 19

Из темноты появилась рослая фигура в великолепном красном мундире. Незнакомец остановился перед нами и принялся подкручивать свои пышные, ухоженные усы.

Казалось, он только что вышел из какого-то театра, где играл в исторической пьесе, поскольку был вооружен саблей, которую крепко держал за рукоять.

– Я забираю вас и все, что у вас обоих есть. Все. Быстро!

Тут подбежали еще двое в форме. В руках у них были пистолеты весьма странного вида – с огромными стволами и деревянными рукоятками. За спиной послышался скрип – трап снова опускался вниз, и на его площадке по-прежнему стоял капитан Гарт. Я нагнулся, чтобы взять чемоданы.

И прыгнул. В сторону капитана. И почти схватил его. Раздался выстрел, пуля просвистела у меня над ухом и щелкнула по обшивке корабля. Капитан, выругавшись, занес надомной кулак. Лучше и не придумаешь – я сделал еще шаг, перехватил руку и заломил ее за спину. Капитан завизжал от боли. Приятный звук.

– Отпусти его, – раздался голос. Я обернулся и увидел, что Слон распростерт на земле, в его грудь упирается нога офицера, а острие сабли, оказавшейся не просто украшением, направлено в горло Слона.

Я слегка сжал шею капитана и только тогда отпустил его.

Он скользнул вниз, и его башка громко стукнулась о трап. Я отошел в сторону. Слон с трудом поднялся на ноги и, отряхнувшись, повернулся к нашему захватчику:

– Извините, сэръ. Позвольте осведомиться у вас о названии планеты, на земле которой мы стоим.

– Спайовента, – последовал ответ.

– Благодарю вас. И позвольте, я помогу подняться моему другу капитану Гарту. Хочу извиниться перед ним за неосмотрительное поведение моего юного друга.

Никто его не остановил, и он подошел к капитану, когда тот начал приходить в сознание.

Но снова потерял его, поскольку Слон тюкнул его в висок.

– Я человек, в общем-то, не мстительный, – сообщил он, вытаскивая бумажник. – Но я должен был немного выплеснуть свои чувства, – продолжил он, передавая бумажник офицеру в красном, – чтобы вернуться к своему нормальному миролюбивому состоянию. Вы меня понимаете?

– На вашем месте я поступил бы именно так, – кивнул офицер, пересчитывая деньги. – Но хватит. Заговорите еще раз – умрете.

Он отвернулся, и из темноты вынырнул человек с двумя металлическими браслетами в руках. Слон покорно стоял, пока он, согнувшись, защелкивал один из них на его лодыжке. Ну, не знаю, что это была за штука, но мне она не понравилась. На меня они устанут ее надевать.

Но не тут-то было. В мою спину уперлось дуло пистоле-

та, и браслет защелкнулся, не дождавшись протестов с моей стороны. Кандальщик выпрямился и взглянул мне в лицо. Он стоял так близко, что его зловонное дыхание просто-таки облизало меня. Ткнув мне в грудь жестким пальцем, он сообщил:

– Я Тарс Тукас, слуга нашего господина, могущественного капо Дочки. Но тебе запрещается произносить мое имя, называя меня хозяином.

Я хотел было поправить его, объяснив, как его надо называть в самом деле, но он нажал какую-то кнопку на металлической коробочке, пристегнутой к поясу.

Катаясь по земле, я пытался разогнать красный туман, заставший болью глаза. Когда мне это отчасти удалось, я увидел, что рядом со мной стонет Слон. Я помог ему встать на ноги. Нет, не стоило мистеру Тукасу так обходиться с человеком в столь солидном возрасте... Но он лишь криво ухмыльнулся мне в лицо.

– Так кто я?

Я подавил соблазн еще раз высказаться начистоту – ради Слона.

– Хозяин.

– Не забывай этого и не пытайся бежать. Повсюду установлены нейротрансляторы. Если я подержу кнопку включенной чуть дольше, то твои нервы перестанут работать. Навсегда. Понял?

– Понял, хозяин.

– Теперь отдай все, что у тебя есть.

Я отдал. Деньги – монетки и банкноты, ключи, часы, отмычки. Тукас меня вдобавок еще и обыскал и результатом остался доволен.

– Пошли.

Быстро разгорелся тропический рассвет, прожекторы погасли. Не оборачиваясь назад, мы отправились вслед за хозяином. Идти Слопу было тяжело, приходилось ему помогать. Тарс Тукас подвел нас к стоявшей неподалеку раздолбанной деревянной повозке и приказал сесть в нее сзади. Мы уселись на поперечную доску и глядели, как из грузового люка корабля сгружают какие-то короба.

– А вы неплохо врезали капитану, – наклонился я к Слопу. – Так, выходит, вы неплохо осведомлены об этой милой планетке? Как ее называют?

– Спайовента. – Слон изрыгнул название, будто проклятие. – Тяжелый жернов на шее у Лиги. Капитан просто-напросто продал нас в рабство. К тому же он контрабандист. На любые контакты с этим миром наложен строгий запрет. Тем более на поставки оружия, а им наверняка забиты эти короба. Спайовента!

Ну, мне это ничегошеньки не объяснило, кроме того, что наши дела обстоят ужасно. Но это я и так уже понял.

– А не могли бы вы мне описать этот самый жернов подробнее?

– Я виню в происшедшем только себя. Очень жаль, что я

впутал тебя в эту историю. Но капитан Гарт еще поплатится. Если не останется ничего другого, мы сдадим его правосудию, Джим. Как-нибудь, но мы сообщим о его проделках в Лигу.

Это вот «как-нибудь» расстроило Слона вконец, и он устало уронил голову на руки. Я сидел молча и ждал, когда он соберется с духом. Наконец Слон выпрямился и заговорил. В его глазах горел странный огонек.

– Не упирайся, Джим. Не нарывайся. Не позволяй этим скотам тебя измотать. На этот раз мы влипли серьезно. Лига установила контакт со Спайовентой лишь десять лет тому назад, до этого планета была совершенно изолирована. Еще со времен Раскола. Так что за эти тысячи лет она изгадилась полностью. Вот именно такие места, как это, сделали слово «преступность» бранным – потому что на этой планете правят бандиты. Сумасшедший дом захвачен сумасшедшими. Здесь царит полная анархия, да нет, что я говорю, в сравнении с происходящим на Спайовенте любая анархия – это что-то вроде пикничка бойспраутов. В свое время я предпринял специальное исследование, желая изучить систему управления, существующую на этой планете. То, что происходит здесь, уходит корнями в самые темные периоды истории человечества. Планета отвратительна со всех точек зрения, а Лига ничего не может поделать. Без оккупации, разумеется. А оккупация полностью противоречит принципам Лиги. Сила Лиги оказалась ее слабостью: ни одна планета не

может напасть на другую планету, потому что тотчас окажется перед лицом немедленного уничтожения, – война у нас объявлена вне закона. Новооткрытым планетам Лига помогает советами или материально. Да, ходят слухи, что внутри Лиги существуют секретные организации, которые ориентированы на разрушение самых жутких планетных формаций, таких, как эта, но публично о такой деятельности не сообщается ничего. Спайовента – кривое зеркало цивилизованного мира. Здесь правят не закон и правосудие, а грубая сила. Так что, Джим, мы попали в переплет. В очень скверный переплет. Структура власти здесь проста. Планета поделена на капотерии, каждую из которых возглавляет капо – вроде нашего капо Дочки. Размер каждой капотерии зависит только от возможностей капо. Его подданные получают долю от добычи, награбленной у крестьян или захваченной на войне. Это пирамида, и в самом низу ее находятся рабы. То есть мы с тобой, Джим.

Он указал на браслет, охватывающий лодыжку, и загрустил. Я тоже.

– Но в этом положении есть и светлая сторона. – Я попытался вывести его из отчаяния.

– Какая же?

– Потому что во всем есть светлая сторона. – Неожиданно для самого себя я пустился в разглагольствования: – По крайней мере, нам удалось дать деру из Райского Уголка, оставив там все свои проблемы. И теперь у нас есть все для

нового старта.

– С самого низа? Рабами?

– Именно! Теперь мы можем двигаться только в одном направлении – вверх!

Эта жутковатая шуточка заставила Слона чуть улыбнуться, и, воодушевленный, я продолжал:

– Вот еще один пример. Нас обыскали и отняли почти все, что у нас было. Но у меня в башмаке до сих пор лежит маленький сувенирчик на память о тюрьме. Вот! – Я извлек отмычку, улыбка Слона сразу стала шире. – Отлично работает. Смотрите! – И в два счета я снял со своей лодыжки браслет, повертел его в пальцах и надел обратно. – Когда мы будем готовы бежать, мы просто убежим.

Тут уже Слон стал улыбаться по-настоящему. Он протянул руку и по-товарищески похлопал меня по плечу.

– Ты совершенно прав, Джим. Мы должны стать хорошими рабами – на время. Нам надо изучить связи в этом обществе, механику власти и подступы к ней, узнать про источники богатства и способы их захвата. Как только я найду все дыры, ходы и лазейки в этом общественном строении, мы вновь превратимся в Крыс. Только, боюсь, не в стальных, а в самых обычных – голодных и зубастых.

– Крыса, какой бы она ни была, все равно прекрасна. Мы победим!

Тут нам пришлось отодвинуться друг от друга, поскольку в повозку закинули первый короб из тех, которые сгружа-

ли с корабля. Повозка скрипела, шаталась и грозила рассыпаться. Когда в нее закинули последний, то к нам присоединились грузчики. Я порадовался, что внутри повозки было темновато, – особенно разглядывать этих ребят вблизи мне не хотелось. Три пропыленных, грязных человека, одетых в лохмотья.

К тому же – немытых, что мой нос немедленно уловил. Тут в повозку залез четвертый человек – самый отвратительный и самый среди них громадный. Зато одежда на нем выглядела более-менее прилично. Он уставился на нас, мне это не очень понравилось, а тут он еще и ткнул в меня ногой.

– Знаете, кто я? Я – тычок, и вы все – мое стадо. Для начала ты, старик, снимай куртку. Мне она подходит больше.

– Спасибо, сэр, – ответил Слон. – Куртка в самом деле неплохая, но думаю, что вам она не подойдет.

Я понимал, на что он нарывается, и надеялся не подвести. Особенно развернуться здесь было негде, но этот головорез был вдвое меня больше. И один удар я сделать успею, главное – хорошо и точно вложиться.

Верзила, разумеется, взревел от ярости и полез по коробам к нам. Рабы в ужасе расползались из-под его ног. Так он почти добрался до Слона и уже собирался схватить его, как я врезал ему сзади по шее, обеими руками. Он рухнул вниз и что-то там приятно хрустнуло.

– Теперь у вас новый тычок, – провозгласил я, аудитория при этом согласно закивала. Я ткнул пальцем в сторону

ближнего из рабов. – Как меня зовут?

– Тычок, – немедленно ответил тот. – Только не подставляй ему спину, когда он проснется.

– А ты мне поможешь?

Он ухмыльнулся, показав почерневшие обломки зубов:

– В драке я тебе не помощник.

– Никаких драк. Давайте жить мирно.

Рабы переглянулись, удивились и кивнули.

– Вот и отлично. Для начала – давайте выкинем этого придурка из повозки. Пусть он окажется подальше, когда проснется.

Что и было исполнено – с немалым энтузиазмом.

– Спасибо за помощь, Джеймс, – произнес Слон. – Мне показалось, что рано или поздно тебе придется с ним разобраться, так почему бы не сразу. Ну что же, вот мы и начали свое восхождение в новом обществе. Ты уже выбрался из низшей категории... Что это?!

Я обернулся, и мои глаза тоже полезли из орбит. Батюшки, это была какая-то машина: она медленно приближалась, фыркая дымом и натужно пыхтя. Водитель ее остановился перед самой повозкой, его напарник подцепил нас на буксир. Толчок – и мы тронулись.

– Смотри внимательней, Джим, и запоминай, – заговорил Слон. – Это древняя техника, давным-давно позабытая всеми, затерявшаяся во мраке веков. Эта штуковина приводится в действие паром. Обалдеть! Кажется, мне начинает здесь

нравиться.

Ну, меня эта техника из неолита очаровала не слишком. Мои мысли были заняты выброшенным нами головорезом и тем, что будет, когда он нас все же догонит. Надо бы узнать о каких-то основных правилах поведения здесь – и побыстрее. Я перебрался ближе к остальным рабам, но прежде, чем я начал разговор, мы прогромыхали по мосту и въехали куда-то – через ворота, проделанные в высокой стене. Водитель приостановил нашу колесницу и крикнул:

– Сгружайте все здесь!

В качестве нового тычка я больше присматривал, чем вкалывал. Когда на землю был опущен последний короб, один из моих рабов крикнул:

– Он идет! В воротах, за тобой!

Я немедленно обернулся. Да, экс-тычок, весь в крови и царапинах, приближался ко мне с покрасневшим от ярости лицом.

Зарычал и бросился на меня.

Глава 20

Я бросился от него прочь. Не потому, что испугался, а чтобы выбраться на более просторное место. Удалившись на приличное расстояние от повозки, я развернулся к нему и провел подсечку. Верзила немедленно растянулся в навозе.

Это вызвало здоровый смех зрителей. Пока он вставал, я успел осмотреться. Тут были вооруженные охранники, рабы и, весь в красном, капо Дочки. В голове забрезжила смутная идея, но, прежде чем она обрела конкретную форму, мне пришлось еще раз пошевелиться, чтобы спасти свою жизнь.

Великан кое-что усвоил. Дикой беготни больше не было. Теперь он приближался ко мне медленно, разведя руки с растопыренными пальцами. Да, стоит мне попасть в его нежные объятия, как живым оттуда уже не выбраться. Медленно отступая, я обернулся к капо Дочки, уклонился в сторону, быстро сделал шаг вперед и, ухватив обеими руками вытянутую руку верзилы, повалил его через себя. На то, чтобы перекинуть его на спину, мне едва хватило моего веса. Он снова растянулся в пыли.

Я моментально вскочил на ноги. Теперь я знал, что надо делать. Надо устроить представление.

– Это была правая рука! – громко объявил я.

Противник, прихрамывая, снова шел ко мне.

– Правое колено! – объявил я следующий удар.

И нанес его – в коленную чашечку. Это довольно болезненно, и он, вскрикнув, рухнул. На сей раз вставал он гораздо медленнее, но злиться все еще не переставал. Отлично, пока не отключится полностью, будет меня убивать. Для моего представления лучше и не придумаешь.

– Левая рука!

Я схватил его левую руку и заломил за спину. Мужик был силен, удержать его руку вывернутой удавалось с трудом. Вдобавок он пытался провести подсечку или врезать мне локтем под дых. Надо было его опередить.

– Левая нога! – крикнул я и врезал ему ногой по левой икре – он снова рухнул.

Отступив на шаг назад, я взглянул в сторону капо Дочки. Похоже, я завладел его вниманием.

– А можешь ли ты так же хорошо убивать, как танцуешь? – спросил он.

– В общем, да. Но я предпочитаю этого не делать.

Тут я заметил, что мой противник снова стоит, покачиваясь из стороны в сторону, и слегка повернулся, чтобы не упускать его из виду.

– Я бы хотел просто вырубить его. Тогда я выигрываю бой, а у вас остается раб.

Руки гиганта сомкнулись на моей шее, и он радостно зарычал. Ну, я немного ему подыграл – представление должно быть правдоподобным – и не глядя ударил локтем назад, аккуратно под ребра, точнехонько в солнечное сплетение. Его

руки отпустили мою шею, послышался тяжелый звук рухнувшего на землю тела.

Готов. Я сделал шаг вперед.

Капо Доччи подозвал меня, я немедленно подошел.

– Это новый способ драки, чужеземец, – заговорил он, нахмурившись. – До сих пор мы делали ставки на бойцов, которые бьются только на кулаках, пока не пойдет кровь и один из них не ляжет.

– Такая драка сколь жестока, столь и бессмысленна. Искусство состоит в том, чтобы знать, как и куда ударить.

– Но твое искусство беспомощно против остро заточенной стали, – произнес он, наполовину вытащив меч из ножен.

Э, тут надо быть осторожнее, не то он примется кромсать меня лишь для того, чтобы выяснить, справлюсь ли я с этим.

– Против такого мастера меча, как вы, с голыми руками не устоишь.

Насколько я понял, мечом он пользовался только тогда, когда резал мясо, но лезье всегда полезна.

– Однако против менее умелого фехтовальщика это искусство срабатывает.

Он хмыкнул и подозвал ближайшего охранника.

– А ну-ка, пощекочи его ножичком.

Ситуация вышла из-под моего контроля – но поединка было не избежать. Охранник улыбнулся, извлек из ножен сверкающий кинжал и направился ко мне. Я улыбнулся ему в ответ. Противник занес нож для удара – над головой, а не

выставил его вперед, как это сделал бы опытный боец. Пусть идет вперед, пока не захочет ударить.

Стандартная защита. Шаг навстречу, удар принимается предплечьем, захватывается запястье и выворачивается наружу. Все прodelывается очень быстро.

Нож отлетел в одну сторону, он – в другую. Надо быстро заканчивать представление, не то главный бандит захочет увидеть, как я могу работать против дубинок, пистолетов и прочих замечательных устройств. Я шагнул к Капо Доччи и тихо сказал ему:

– Это секреты защиты другого мира. Здесь, на Спайовенте, они неизвестны, и я не хочу их раскрывать при всех. Думаю, вам бы не хотелось, чтобы все рабы узнали эти опасные приемы. Позвольте показать вам все, что я умею, без лишней публики. Я могу обучить этому искусству ваших телохранителей. Тут есть люди, кто желает вашей смерти. Подумайте о вашей безопасности.

Вся эта ахиня напоминала мне лекцию о правилах движения, но аборигену она показалась убедительной. Но не до конца.

– Мне не по душе новые веяния. Предпочитаю обходиться тем, что есть.

Ну разумеется, когда сам стоишь на вершине, а остальные в цепях у подножия. Я торопливо продолжал:

– Но то, что я показал, – не новое, оно старо как мир. Эти секреты хранились в тайне с Сотворения мира. А теперь они

могут стать вашими. Грядут перемены, вы это знаете, а знание – сила. Когда враги хотят отнять у вас достаток, годится любое оружие.

И эта полная чепуха, кажется, заставила его задуматься. Из того, что Слон успел мне поведать об этом тупом мире, я понял, что здесь сила – гарант безопасности и причина паранойи. М-да, судя по ширине лба капо Дочки, задумываться ему сложновато. Он повернулся и ушел.

Судя по всему, вежливость и мыло на этой планете не в ходу. Ни тебе «до свидания», ни «надо все обмозговать». То, что аудиенция закончена, я понял не сразу. Обезоруженный охранник потирал кисть и нехорошо поглядывал на меня. Но кинжал спрятал.

После разговора с капо мой статус несколько изменился. Теперь без особой причины на меня бросаться не будут. Но оставался прежний противник – тычок. Он все еще сидел на земле, по-прежнему ошеломленный. Когда я подошел, он поднял на меня глаза – выражение в них отсутствовало полностью.

– Ты напал на меня два раза, – заявил я бедолаге как можно более грозно. – В моей игре третий раз означает конец. Если ты еще раз предпримешь что-либо против меня, то умрешь.

Он еще смотрел на меня с ненавистью, но в его глазах уже мелькал страх. Он испуганно съежился, стоило мне сделать шаг к нему. Уже неплохо. Но слишком часто поворачиваться

к нему спиной нельзя. Однако на этот раз я повернулся и зашагал прочь.

Он поплелся за мной следом к поджидавшей нас кучке рабов. На него было брошено несколько угрюмых взглядов, но драки не возникло. Меня это устраивало. Одно дело – заниматься спортом в чистом зале, а другое – постоянно быть настороже из-за того, что эти бродяги собираются меня кокнуть. Слон, тот просто лучился от радости.

– Прекрасно исполнено, Джим, прекрасно.

– Однако я очень утомился. И что дальше?

– Судя по всему, наша команда на сегодня отработала свое. И теперь – отдыхает.

– Значит, на очереди еда и сон. Отлично.

Кажется, это называется пищей. Добрых слов о ней говорить не очень хочется, ну, разве что она была немного лучше той, венианской, с корабля. За строением на огне пыхтел громадный грязный чан. Шеф-повар – если можно нарекать таким благозвучным титулом засаленного оборванца, мешал содержимое длинной деревянной поварешкой. На столе валялись мокрые деревянные миски, рабы брали миску, подходили к повару, и тот выделял каждому его порцию. Ложек не было – потому что они вообще не подразумевались. Рабы ели руками. Пришлось последовать их примеру. Пойло оказалось какой-то овощной похлебкой – хоть и безвкусной, зато сытной. Покончив с едой, я без труда подавил желание попросить добавку.

– Ну и как долго мы будем рабами? – спросил я Слона, который ел не торопясь, привалившись к стене.

– Пока я не пойму, как тут все устроено. Ты всю жизнь провел на единственной планете. Поэтому сознательно и бессознательно принимаешь известное тебе общество за общий случай. И это неверно. Культура – такое же изобретение человечества, как вилка или компьютер. Но разница между ними все же есть. Мы легко совершенствуем компьютеры и столовые приборы, но что касается культуры – стоп, никаких перемен. Всякий убежден, что его образ мыслей является единственным и уникальным, а остальное – безумие и извращение.

– Звучит глупо.

– А так и есть. Но если ты это понимаешь, а они – нет, то можешь выйти за рамки правил, раздвинуть их ради собственной выгоды. Сейчас я и занимаюсь тем, что выясняю местные нравы.

– Только не слишком затягивайте.

– Не обещаю, но и мне тут не слишком уютно. Дело в том, что необходимо выяснить, существует ли здесь вертикальная мобильность и как она действует. А если ее нет, то придется ее внедрить.

– Вы меня запутали. Вертикальная чего?

– Мобильность. Не чего, а что. Это имеет отношение к разделению общества на классы. Может ли, например, раб выбиться в охранники? Если да, то вертикальная мобиль-

ность есть. Если нет, то общество четко расслоено на классы и возможна лишь горизонтальная мобильность.

– То есть единственное, что возможно, – заделаться главным рабом и гонять остальных?

Он кивнул:

– Именно, Джимми. И мы перестанем быть рабами, как только я пойму, как это возможно. Но для начала не мешает отдохнуть. Видишь, остальные уже забились в солому. Предлагаю последовать их примеру.

– Согласен...

– Эй, поди сюда!

Это был Тарс Тукас собственной персоной, и кричал он мне. Ох, длинный денек будет!

Зато, по крайней мере, удастся осмотреть окрестности. Мы пересекли двор – арену моего триумфа – и поднялись по каменным ступеням. Тут имелся вооруженный стражник, в караулке рядом скучали еще двое. Пошли по коридору. Здесь уже появлялись отдельные элементы роскоши: пол был устлан циновками, стояли колченогие стулья, а на стенах висели портреты, некоторые из них слегка напоминали Капо Дочки.

Наконец меня толкнули в большую комнату с окнами, выходящими на наружную стену. Вдали виднелись деревья и поле, и больше ничего. В комнате пребывал сам Капо с небольшой компанией – видимо, приближенных. Компания была исключительно мужской. Господа выпивали из метал-

лических кубков и были хорошо одеты – разумеется, если разноцветные кожаные штаны, свободные рубахи и длинные мечи можно назвать хорошей одеждой. Капо подозвал меня жестом:

– А ну-ка покажись нам.

Остальные повернулись в нашу сторону, разглядывая меня, словно диковинного зверя.

– И что, он действительно свалил того без кулаков? – произнес один из господ. – Он же такой маленький и хилый. Просто сопля на ножках.

Да, бывают моменты, когда рот следует открывать только для приема пищи. Похоже, так мне поступить и следовало бы. Но я уже устал, надоели мне все эти недоноски, вот я и не сдержался:

– Да уж не такой хилый, как ты, свинья!

И надо сказать, этот оборот речи весьма сильно подействовал на его психику. Сначала он взвыл от ярости, затем покраснел, вытащил клинок и кинулся на меня.

Раздумывать мне опять было некогда. Я выхватил у стоящего неподалеку человека кубок и выплеснул его содержимое в лицо нападавшему.

Большая часть пролетела мимо, но на одежду попало достаточно, чтобы раззадорить моего противника! Он рубанул мечом по воздуху, я подставил под удар кубок и отвел его в сторону. Проехав кубком по лезвию до гарды, я перехватил руку нападавшего и вывернул ее.

Он завопил, меч зазвенел по полу, мой противник повернулся боком, открывшись для завершающего удара, и я уже почти произвел его.

Но тут мне сделали подсечку сзади, и я рухнул.

Глава 21

Вероятно или казалось, что все это ужасно смешно. Ржали, надо отметить, они дружно. А когда я попытался дотянуться до упавшего клинка, то кто-то отпихнул его ногой. Да, дела обстоят не блестяще. В одиночку со всеми мне не справиться. Надо срочно сматывать удочки.

Но как? Двое навалились сверху и прижали меня к земле, кто-то ударил ногой в бок. Я не успел даже пикнуть, как мой противник сидел на мне верхом и доставал из ножен очень неприятный кинжальчик с волнистым лезвием.

– А откуда эта тварь, капо? – осведомился он, ухватив меня за подбородок и приставляя кинжал к горлу.

– С корабля скинули, – ответил капо Дочки. – Чужеземец.

– А он хоть чего-то стоит?

– Не знаю, – пожал плечами капо, весело глянув на меня. – Наверное. Только не нравятся мне его хитрые инопланетные штучки-дрючки. Слушай, прирежь его, да и дело с концом.

Во время этого чрезвычайно содержательного диалога я не шевелился – очень было интересно узнать, чем он закончится. А потом взял да пошевелился.

Противник резко вскрикнул, когда я вывернул и – надеюсь – сломал ему руку, выхватив заодно кинжал. А потом швырнул своего врага в сторону его дружков. Те попятнулись. Но были еще люди и сзади – они отступили, когда я описал

круг рукой с кинжалом. И рванул прочь. Побежал, спасая свою шкуру.

В единственно известном мне направлении, вниз по лестнице. По дороге столкнулся с Тарсом Тукасом и мимоходом сбил его с ног.

Сзади раздавались яростные вопли, но оборачиваться мне было некогда, я несся через ступеньки к стражникам у входа. Они не успели подняться с лавки, когда я налетел на них, и мы рухнули на пол. Двинул одному из них в подбородок, выхватил за ствол его ружье. Второй еще попытался прицелиться в меня, так что пришлось ему быстренько дать по башке трофеем.

Когда я выскакивал в дверь, топот погони раздавался уже совсем близко. Стражник в дверях был немало удивлен, увидев меня, и даже попытался выхватить меч, но потерял сознание. Я бросил кинжал и схватил этот, куда более серьезный, клинок. Впереди теперь были только ворота, к счастью распахнутые настежь.

Вот только они охранялись вооруженными ребятами, уже, кстати сказать, вскинувшими свои ружьишки. Грянул залп, и я помчался через двор наискосок, к сараю, в котором обитали рабы. Ну, не знаю, как там палила охрана, но за угол я заскочил еще совершенно целым и невредимым.

Итак, один меч, одно ружье, один донельзя усталый Джим ди Гриз. Маловато выходит – тем более что этот самый Джим ди Гриз не смел не только остановиться, но и сбавить ско-

рость. Впереди была наружная стена – на ней каменщики занимались каким-то мелким ремонтом. Тут же стояли леса и стремянки, рабочие с которых так и посыпались, стоило мне заорать и замахать мечом. Я в одно мгновение взлетел наверх. Отметив при этом, что точность стрельбы заметно растет – пули втыкаются вокруг меня в стену, высекая из нее осколки, и, надо полагать, точность вскоре окажется вполне удовлетворительной, дабы пресечь мое дальнейшее бегство.

Я забрался на стену и лег на нее лицом вниз, стараясь отдышаться. Сделал несколько вдохов и решил осмотреться – и тут же пожалел об этом, поскольку стрелки немедленно громыхнули общим залпом, просто-таки разорвавшим воздух над моей головой. Вообще капо Дочки и свита возложили тяготы погони на стражников, а сами стояли в сторонке, картинно бряцали оружием и ругались. Картина была вполне торжественной и драматической. Они снова пальнули, и я снова пригнул голову.

Впрочем, я успел обнаружить, что несколько стражников уже взобрались на стену и весьма резво идут вперед, окружая таким образом меня с флангов. Я свесился наружу и принялся изучать коричневую жижу, имеющуюся в большом количестве у подножия стены, между тем понимая, что прыгать туда – мой единственный вариант.

– Эх, Джим, Джим, – укорил я себя. – Пора бы тебе, дорогой, научиться держать язык за зубами...

После чего вздохнул поглубже – и сиганул вниз. Раздал-

ся всплеск, и я обнаружил, что застрял. Жижа доходила мне до шеи, а ноги увязли в мягком грунте, который и погасил удар. Барахтаясь изо всех сил, вытащил ногу, потом другую. И, преодолевая вязкие объятия, побрел к берегу. Преследователей пока видно не было, но, надо думать, они не замедлят появиться. Оставалось только идти вперед и ни о чем не думать. Наконец я добрался до берега и, сжимая в руках захваченное оружие, заковылял вверх, чтобы укрыться среди деревьев. Стражников все еще не было видно. Ну ничего, они, наверное, уже перешли мост, так что вскоре явятся. Тем не менее пока мне жутко везло.

И тут я рухнул головой в кусты от внезапно пронзившей меня боли. Боли, лишившей меня зрения, слуха и всех прочих чувств.

Потом она прекратилась, и я утер слезы. Болевое кольцо – и как я мог позабыть о нем? Тарс Тукас пришел в себя и нажал на кнопку. Что это он тогда говорил? Если подержать подольше, то нервы совсем портятся и не остается ничего, кроме как подохнуть? Я схватился за ботинок, чтобы достать отмычку, и тут боль накатила снова.

После того как она опять прекратилась, я уже был слаб настолько, что едва мог шевелить пальцами. Пока возился с отмычкой, понял, что должен благодарить судьбу за то, что ребята оказались садистами. Им бы взять и не отпускать кнопку – и я давно был бы уже мертвецом. Но кто-то из них, наверняка сам капо Дочки, хотел заставить меня пострадать

напоследок, давая заодно понять, что выхода у меня нет и не предвидится. Отмычка была уже у меня в замке, и тут боль снова свалила меня.

Когда она прекратилась, я лежал на боку, не в силах двигаться, отмычка выпала из пальцев.

Но надо двигаться. Еще одна такая волна – и со мной будет покончено. Пальцы, дрожа, зашевелились. Отмычка медленно ползла к крошечному отверстию в замке, залезла внутрь, легонько повернулась...

Прошло много времени, прежде чем кровавый туман в моих глазах рассеялся. Боль в теле понемногу стихала. Я лежал и чувствовал, что уже больше никогда не встану. Когда ко мне вернулось зрение, сначала пришлось стряхнуть с ресниц слезы и лишь затем увидеть самое прекрасное на свете зрелище...

Открытое болевое колечко валялось среди прелой листвы. Только уверенность моих хозяев в том, что деться мне некуда, спасла мне жизнь. Преследователи не торопились – было слышно, как они переговариваются, направляясь в мою сторону.

– ...где-то здесь. На черта он им сдался?

– Терять хороший клинок и ружье? Никак нельзя. Да и капо Дочки хочет повесить его во дворе, пока не завоняет. Никогда в жизни не видел, чтобы он так бесновался.

Жизнь медленно возвращалась в мое парализованное тело. Я свернул со звериной тропки, по которой полз, и укрыл-

ся в низком кустарнике, попытавшись расправить за собой траву.

– Смотри, – доносились голоса, – здесь он выбрался на берег. Пополз по этой тропинке.

Тяжелые шаги приближались, приблизились и миновали меня. Я вцепился в оружие и делал единственное, что мог, – ждал, когда ко мне вернутся силы.

Надо признать, это был довольно сложный момент моей жизни. Совершенно один, дрожащий от боли, изможденный, преследуемый людьми, которые жаждут моей смерти, мучимый жадой... Ничего себе списочек. Единственное, чего не хватало, так это дождя.

И тут начался дождь...

Вообще, мне кажется, что слишком сильные эмоции что-то пережигают в человеке. Если любил слишком сильно, то больше любить не сможешь. Ну, тут у меня, надо сказать, личного опыта не было, зато что касается затруднительных ситуаций в жизни – дело другое. И теперь я прямо-таки расхохотался. И тут же зажал себе рот. Нет, господа, нельзя так поступать со злыми Стальными Крысами! Нельзя, они могут заржаветь!

подавив стон, я попытался пошевелить ногами. Боль еще не прошла, но ярость заглушила ее. Подхватив ружьишко, упираясь мечом в землю, я попытался встать. Выдернул меч и стоял покачиваясь. Но и не падал. Наконец смог поплесть вперед, шаг за шагом удаляясь от преследователей.

Лес оказался довольно большим, и какое-то время я петлял по диким тропкам. Преследователи, похоже, побрели в другую сторону и остались далеко позади. Потом лес начал редеть и кончился. Дойдя до опушки, я прислонился к дереву, чтобы перевести дух, и стал разглядывать лежавшее передо мной возделанное поле. Ну что же, пришло время возвращаться к людям. Где плуг, там и пахарь. Найти его будет нетрудно. Когда силы немного восстановились, я пошел вдоль края поля, готовый скрыться в лесу при первой же опасности. Но, на мое счастье, я увидел крестьянскую хижину. Домишко был низким, крытым соломой, без окон, – по крайней мере, их не было с моей стороны. Из трубы поднималась тоненькая струйка дыма. Но в таком теплом климате топить необходимости нет. Значит – там готовят пищу.

При одной только мысли о еде мой желудок принялся бурчать. Я, в общем, его понимал. Еда и питье были необходимы. А где их искать, кроме этой уединенной фермы? Вопрос звучал как ответ. Ковыляя по бороздам, я потащился к дому. Ни души вокруг. Но сквозь приоткрытую дверь доносились голоса и смех – и запах еды. И я вошел в дом.

– Привет, люди. У вас гости!

Их было с полдюжины – сгрудившихся вокруг добела выскобленного деревянного стола. Старые и молодые, худые и толстые. Но с одинаковым выражением на лицах: от удивления у всех отвисли челюсти. Даже дитя прекратило реветь и уставилось на меня. Старший седой старик, поспешно вско-

чил с места.

– Добро пожаловать, ваша честь, добро пожаловать.

Склонив голову, он дернул себя за чуб. Видимо, выражая мне признательность за визит.

– Чем можем вам служить, досточтимый?

– Если бы у вас нашлось для меня немного еды...

– Входите! Располагайтесь как дома! Наша трапеза скудна, но мы с радостью поделим ее с вами! Садитесь здесь!

Он поднял стул, который опрокинул, вскочив мне навстречу, и предложил мне сесть. Остальные вышли из-за стола, чтобы мне не помешать. Похоже, все они были прирожденными знатоками людей и сразу распознали во мне особу весьма высокого происхождения. Кажется, это они поняли по моим мечу и ружью.

Над огнем висел котел, мне наполнили и подали деревянную миску. Здесь жизнь была побогаче, чем у рабов, поскольку снабдили меня и деревянной ложкой. В миске оказалось овощное рагу с редкими кусочками мяса, удивительно вкусное. А в глиняной кружке плескалась ледяная вода – чего я еще мог желать?!

Я ел, а крестьяне о чем-то перешептывались в дальнем углу комнаты. Вряд ли они замыслили недоброе, но на всякий случай я глаз с них не спускал, а меч положил поближе к себе, прямо на стол.

Когда я покончил с едой и несколько раз против воли и приличий рыгнул, то они тепло восприняли последнее как

некий способ одобрения – старик отделился от группы и выступил вперед. Перед собой он вел перепуганного подростка, примерно моих лет.

– Позвольте поговорить с вами, досточтимый сэра...

Я согласно махнул рукой и еще раз рыгнул. Старик улыбнулся и кивнул.

– Как мило с вашей стороны поблагодарить повара. Похоже, вы человек доброго ума и мягкого нрава, красивый и образованный. И похоже, выдающийся воин, так что позвольте изложить вам наше маленькое дельце.

Я снова согласно кивнул: лесть всегда отыщет лазейку.

– Это мой третий сын, Дренг. Он силен и отважен, хороший работник. Но хозяйство у нас маленькое, а ртов приходится кормить много. Да еще отдавать половину урожая нашему великому и могучему капо Дочки – за нашу защиту.

При этих словах он склонил голову, но в голосе звучали покорность пополам с ненавистью. Похоже, капо Дочки защищал их тут исключительно от капо Дочки. Старик толкнул Дренга вперед и сжал ему плечо.

– Смотрите, сэра, как камень. Он очень сильный. И всегда хотел стать наемником, как вы. Чтобы с оружием в руках продавать свои услуги знати. И это хорошая работа, которая к тому же позволит иной раз приносить в дом пару-другую гроутов.

– Но я не занимаюсь рекрутами!

– Конечно, досточтимый сэра. Именно в том и дело. Если

он пойдет в копыеносцы к капо Доччи, то не сыщет там ни денег, ни славы, а только раннюю смерть.

– Ну да, – подтвердил я на всякий случай. Вообще, что-то старик излагал дело весьма путано, но мне это было только на руку – я же так пока и не знал, какие на Спайовенте порядки. Хотя пока все это звучит не слишком обнадеживающе. Я отхлебнул воды и попытался рыгнуть еще разок, на радость повару, но не смог. Старик между тем продолжал говорить:

– Каждый воин вроде вас должен иметь слугу. Но мы видим, что вы один. Осмелюсь поинтересоваться – что с вашим слугой?

– Погиб в бою, – особо не задумываясь, ляпнул я.

Старик явно растерялся, из чего мне пришлось сделать вывод, что слуги в сражениях участия принимать не должны.

– Дело в том, – принялся выкручиваться я на ходу, – дело в том, что враги напали на наш лагерь. – Вроде попал, поскольку старик согласно кивнул. – Конечно, я расправился с тем подонком, который прирезал бедолагу Смелли. На то она и война. Тяжелое ремесло.

Все присутствующие понимающе закивали. Похоже, я опять попал в точку. Тут я подозвал к себе юнца:

– Подойди-ка ближе, Дренг. Расскажи о себе сам. Тебе сколько лет?

Он взглянул на меня из-под свисающей челки и промямлил:

– В День Червя стукнет четыре.

Подробности, касающиеся праздника с таким очаровательным названием, меня заинтересовали не слишком. Четыре года, однако... Что-то великоват он для четырехлетнего. Видимо, на планете год довольно длинный.

– Прекрасный возраст для слуги, – сообщил я. – А теперь скажи мне, что обязан делать слуга? – В самом деле, очень интересно.

Он радостно кивнул:

– Конечно, сэр, я знаю. Старый Квечи был когда-то солдатом и рассказывал мне об этом. Слуга должен чистить меч и ружье, приносить от походного костра еду, наполнять водой фляги, давить камнями вшей...

– Отлично. Вижу, ты и впрямь все знаешь. До мельчайших деталей. И ты рассчитываешь, что в награду за твои труды я научу тебя воинскому искусству?

Он быстро кивнул. В комнате все стихло, пока я обдумывал ответ.

– Ладно, договорились.

Соломенная крыша вздрогнула от общего радостного крика, и старик немедленно выставил на стол кувшин домашней браги. Дела складывались неплохо. Если даже и не отлично, то, по крайней мере, хорошо.

Глава 22

Как только стало известно, что Дренг получил новую работу, все занятия на ферме были оставлены. Домашняя бражка – штука весьма своеобразная на вкус, но какой-то процент алкоголя она содержала, это уж наверняка. Пришлась она весьма к месту. Я выпил довольно, чтобы заглушить боль, и притормозил, чтобы, подобно остальным, не растянуться на полу. Заодно решил подсобрать дополнительную информацию о планете, расспрашивая подвыпившего старика.

– Я приехал издалека, поэтому мало что здесь знаю, – поведал я ему. – Но слыхивал, что местный главарь, капо Доччи, существо весьма грубое.

– Грубое, – проворчал старик и снова отхлебнул этого растворителя домашней выделки. – Тонко сказано, сэр. Ядовитые змеи расползаются в стороны при его приближении. А то как же, известно, что один его взгляд может убить младенца.

И всякое прочее в том же роде. Все это можно было уже не слушать, пошла обычная пьяная болтовня. Отыскал взглядом Дренга – тот припал к кувшину с брагой. Отобрал кувшин и потряс парня, надеясь привести его в чувство.

– Пошли. Мы уходим.

– Уходим?.. – Он заморгал, пытаясь сообразить, что к чему. Но не очень успешно.

– Мы. Уходим. Прогуляться.

– Ага, гулять. Я захвачу одеяло. – Он, покачиваясь, встал и заморгал снова. – А где твое одеяло, которое я должен нести?

– Захвачено врагами, вместе со всеми прочими вещами. У меня остались только меч и ружье, но с ними я не расстанусь – только вместе с самой жизнью...

– Вместе с жизнью... Правильно. Я принесу тебе одеяло.

Он порылся в дальнем углу комнаты и достал два вполне приличных куска ворсистой ткани – не обращая ни малейшего внимания на причитания женщин по поводу холодной зимы. Да, нелегко, верно, жить крестьянам. Надо будет при случае помочь Дренгу заработать парочку этих самых гроутов.

Дабы не лицезреть традиционной душераздирающей сцены, я ждал Дренга во дворе. Наконец он вышел – накинув одеяла на плечи, держа в руке кожаную суму. На его шее болтался в ножнах клинок весьма устрашающего вида. Дренг уже отчасти протрезвел, подошел ко мне и, чуть покачиваясь, встал рядом.

– Ведите, хозяин.

– Сейчас ты покажешь мне дорогу. Мне надо навестить крепость капо Дочки.

– Как? Ты служишь у него?!

– Нет. У него я не стану служить ни за какие коврижки. Он держит там взаперти моего друга. Я хочу передать ему

записку.

– К крепости крайне опасно приближаться. Даже просто приближаться.

– Это верно, но, видишь ли, все дело в том, что я совершенно бесстрашный. И мне необходимо связаться с другом. Ты покажешь дорогу через лес. Мне не очень хочется, чтобы люди капо Дочки нас заметили.

Дренг вполне разделял эту мою мысль. Пока мы шли по едва заметным лесным тропкам, он протрезвел. Наконец мы прибыли. Я внимательно взглянул на дорогу, которая вела к подъемному мосту в стене крепости.

– Ближе нельзя, нас заметят, – прошептал он.

Я согласно кивнул, глядя на послеполуденное солнце.

– День у нас сегодня был не из легких. Давай-ка ляжем прямо здесь, в лесу, а наутро тронемся.

– Куда тронемся?! На верную смерть?

Как странно, такой жаркий день, а у него зуб на зуб не попадает. Во всяком случае, он отвел меня в самую чащу, где обнаружилась ложбинка, на дне которой протекал ручеек. Достав из сумки глиняную чашку, он принес воды, проглотив которую я осознал, что иметь слугу – не так уж и плохо. Исполнив положенные слуге дела, он расстелил одеяла и завалился спать. А я, прислонившись к дереву, принялся изучать похищенное ружье.

Ружьишко было новехоньким, блестело и казалось не очень-то подходящим для этой планетки. Понятное дело –

оно попало сюда с корабля. Слон говорил, что экипаж занимается контрабандой оружия. Ну вот, образчик у меня в руках. Надо присмотреться повнимательнее.

Никаких клемм и номеров. Не указано и место производства. Если бы его заполучили агенты Лиги, то определить, на какой из планет оно изготовлено, было бы невозможно. Ружьецо было небольшим, что-то среднее между пистолетом и винтовкой. Не буду хвастаться, но скажу, что со стрелковым оружием знаком не поверхностно – я почетный член стрелкового клуба в Пирли-Гейтсе и, будучи вполне приличным стрелком, не раз помогал им выигрывать состязания, – но такого инструмента еще не встречал. Калибр примерно 30-й, и что характерно – гладкоствольное. Прицел стальной, открытого типа, спусковой крючок снабжен предохранителем, а вот тут еще какой-то рычажок на прикладе.

Я немедленно нажал на рычажок – ружье переломилось, и на землю высыпались патрончики. Кажется, стало понятно, как оно устроено.

Вполне изящно. Никаких канавок или нарезки – так что не надо чистить ствол. Пуля не вращается, но удерживается на траектории с помощью стабилизаторов. Которые заодно проделывают в теле очень большие дырки. Никакого магазина – твердый пропеллент. Устраняется проблема выброса гильз. Я заглянул в боевую камеру – надежно и безопасно. Пули загружаются в рукоятку, одна помещается в казенник. Есть маленький фотоэлемент для подзарядки батарей. На-

жимается курок, в камере раскаляется термоконтакт, который воспламеняет заряд. Газ выталкивает пулю, а часть его используется для подачи в казенник очередной пули. Просто, дешево и надежно. И смертельно.

Наваливалась усталость. Я пристроил ружье и меч под боком, улегся на одеяло и последовал примеру Дренга.

К утру мы выпались и встали с легким похмельем в голове. Дренг принес воды и выдал кусочек чего-то, похожего на вяленую рыбу. Такой же кусочек взял сам и принялся старательно жевать. Завтрак в постели – что может быть великолепнее? Я попытался откусить – и чуть не сломал себе зуб. Эта штука не только с виду походила на сушеную рыбу, но и вкус у нее был совершенно такой же.

К тому времени, когда должны были опустить мост, мы укрылись в кустарнике на вершине холма – в непосредственной близости от ворот. Точнее – в самом близком к мосту укрытом месте: все деревья и кустарники на подступах к воротам были вырублены. Мне-то что, я лишь досадовал, что ближе подобраться невозможно, а Дренг трясся всем телом. Ну вот. В воротах стали появляться люди. Сначала выехали пятеро: маленький вооруженный человек и четверо рабов, которые волокли повозку.

– Это что еще? – спросил я.

– Сборщик дани. Поехали забирать часть урожая.

– А я думал, что крестьяне сами приходят в замок.

– Нет! Никогда! Это же верная смерть.

- Что, и они не приходят даже продавать продукты?
- Продавать? Они забирают у нас просто все, что им надо.
- А дрова? Вы что же, не продаете им дрова?
- Да они просто берут их, когда им нужно.

«Хм, весьма односторонняя экономика», – подумал я. Но что-то ведь делать надо – не оставлять же Слона в таком жутком месте навеки. Да еще в качестве раба. Тут мои размышления были прерваны суматохой возле ворот. И похоже, мои мечты материализовались: из ворот, растолкав стражников, напрямик к нам неслась гигантская фигура.

Слон!

Да, это был Слон, и он несся во всю прыть. И разумеется, следом за ним поспешали стражники.

– А ну бери меч и вперед – за мной! – крикнул я, вложив рукоять меча в руку Дренга. И помчался сломя голову вниз по склону, визжа что было сил, чтобы отвлечь внимание стражников. Но те меня упорно игнорировали, так что пришлось пальнуть разок-другой поверх их голов.

Тут они заметили меня. Замедлили погоню, один вообще рухнул на землю и прикрыл голову руками. Слон летел вперед на всех парах, но один из стражников упорно бежал следом и размахивал пикой. Он ударил ею Слона в спину и сбил с ног. Я еще раз выстрелил на бегу, перепрыгнул через лежавшего Слона и свалил копьеносца ударом приклада.

– Наверх! На холм! – заорал я, увидев, что Слон поднимается на ноги, а его спина – залита кровью. Пальнув еще пару

раз для остротки в стражников, кинулся ему на помощь и только тут заметил, что Дренг так и лежит, сжимая в руке меч, на вершине холмика.

– А ну вниз и помогай ему, не то я тебя пристрелю! – заорал я и, обернувшись, снова выстрелил.

Опять ни в кого не попал, но заставил их залечь и пригнать к земле головы. Слон заковылял вверх по склону, а Дренг, собрав в кулак всю свою совесть – или перепугавшись, что я и в самом деле его пристрелю, – стал ему помогать. Стражники, видать, окопались и приступили к действиям: вокруг засвистели пули. Пришлось пальнуть по ним еще пару раз.

Наконец мы вскарабкались на холм и ввалились в относительно безопасный для нас лес. Мы с Дренгом помогали Слону идти, а точнее – просто тащили его на себе. Я мельком взглянул на его спину – рана выглядела неглубокой. Когда мы наконец продрались сквозь кусты и скрылись среди деревьев, можно было перевести дух. Стражники сюда не сунутся.

– Дренг, уводи нас. Поймать нас не должны.

И самое странное, что они нас так и не поймали. Парень, верно, все свое детство провел в этом лесу, так что знал тут любую тропку. Но идти было тяжело. Мы продирались сквозь кустарники, карабкались по крутому травянистому склону, опять продирались, опять поднимались. Наконец Дренг раздвинул какие-то кусты и указал на вход в

небольшую пещеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.